

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

ВЕРА КАМША

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

I

Отблески Этерны (Сериал Этерна)

Вера Камша

Красное на красном

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Красное на красном / В. В. Камша — «Эксмо»,
2004 — (Отблески Этерны (Сериял Этерна))

ISBN 978-5-04-157436-9

Такой знакомый мир, такой понятный... Всесильный кардинал и страдающая королева. Юный провинциал на нелепой лошади и рожденный в изгнании прекрасный принц. Непобедимый мерзавец и убежденная в своем уродстве красавица. Вороватый злобный пьянчуга и мудрый наставник. Такой знакомый мир, такой понятный... Призрачные монахи, призрачная башня, призрачная корона, яд, золото и сталь. На кону – родовое кольцо, на кону – победа, на кону – жизнь и смерть. Одна пуля гасит три свечи. Один вызывает семерых. Льется вино, льется кровь, льется песня... Такой знакомый мир, такой понятный. Но нет ничего туманней очевидности и тише крика. «Отблески Этерны» названы Миром Фантастики «лучшим образчиком исторического фэнтези на всем постсоветском пространстве» в 2005 году. Главное кинособытие России – сериал по мотивам цикла. Аудитория сериала сможет прочитать первоисточник и собрать коллекцию книг. Подробный разбор экранизации «Этерны» читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157436-9

© Камша В. В., 2004
© Эксмо, 2004

Содержание

Талигойская баллада	7
Часть первая	8
1	8
2	11
3	15
Часть вторая	20
1	20
2	23
3	25
Часть третья	28
1	28
2	31
3	34
Часть четвертая	35
1	35
2	38
3	40
Эпилог	44
Красное на красном	48
Часть I. «Башня»[26]	48
Глава 1	48
1	48
2	50
Глава 2	53
1	53
2	55
3	59
Глава 3	63
1	63
2	65
3	68
4	70
Глава 4	72
1	72
2	75
3	78
4	79
5	81
Глава 5	83
1	83
2	84
3	85
Глава 6	87
1	87
2	89
3	92

Глава 7	95
1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Вера Викторовна Камша

Красное на красном

Во время войн спартанцы носят одежды красного цвета... Если кто из спартанцев бывает ранен, врагам этого незаметно, так как сходство цветов позволяет скрыть кровь.

ПЛУТАРХ

© Камша В.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Автор благодарит за оказанную помощь

Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Анну Герасимову, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Александра Домогарова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Дмитрия Кравченко, Александра Куцаева, Даниила Мелинца, Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова, Эвелину Сигалевич, Михаила Слюзберга, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову, Игоря Шауба, Алину Шестыреву, а также **Донну Анну** (Lliothar) и Yaneck del Moscu.

Талигойская баллада

Как просто умереть красиво,
Как нелегко красиво жить...

А. Городницкий

Часть первая

«А время на циферблатах уже истекало кровью...»¹

1

Алан Окделл с безнадежной ненавистью смотрел со стен Кабитэлы на человека, ставшего проклятием Талигойи. Франциск Оллáр, бастард незначительного марагонского герцога, в полном боевом облачении сдерживал коня невдалеке от городских ворот, в то время как его герольды, изошряясь в остроумии и витиеватости, предлагали Эрнáни Ракáну решить судьбу столицы и короны в рыцарском поединке.

Это было откровенным издевательством. Прозванный Бездомным Королем двадцатидевятилетний Франциск в поединке на копьях считался непобедимым, а Эрнани судьба наделила хилым телом. Даже в лучшие свои годы король не числился среди первых бойцов Талигойи, теперь же Эрнани было под пятьдесят, к тому же его суставы навсегда изувечила серая горячка. Оллар не мог не знать, что Ракан передвигается и то с трудом, но благородство и великодушие для ублюдка были пустым звуком. Бездомный Король как никто другой умел отыскивать у противника слабые места и бил по ним безо всякой жалости.

– Его величество Франциск Первый, – надрывались герольды, – вызывает брата своего и предшественника Эрнани и предлагает ему на выбор биться до смерти, или же до первой крови, или же турнирным оружием! Пусть мечи королей рассудят, кому властвовать над Родиной Вечности²! Если же Эрнани из рода Раканов не желает подвергать опасности свою драгоценную жизнь, Франциск Оллар готов сразиться за честь Талигойи с любым достойным рыцарем.

Окделл с силой сжал кулаки и устался в землю, пытаясь сдержать бессмысленный и бесполезный порыв. Талигойское рыцарство славилось отвагой, но каждому человеку отмерен свой предел. Марагонский выскочка родился с копьем в руке, его еще никто ни разу не выбил из седла. Алан украдкой глянул на Эрнани, представляя, что тот испытывает, и король ответил быстрым благодарным взглядом. Государь жил Талигойей и для Талигойи, не щадя ради нее не только себя, но и единственного наследника. Эрнани мог отправить королеву и юного Эркуля в Агарис под покровительство его святейшества, но счел это недостойным.

Поступок короля стал примером для всех Людей Чести³, герцог Окделл не был исключением – его супруга разделила судьбу мужа и отечества. Алану хотелось верить, что Женевьев не раскаивается в своем выборе, – ведь война с Франциском оказалась совсем не такой, как думалось вначале.

Когда Бездомный Король перешел границу, в Кабитэле смеялись. Какой-то ублюдок называет себя властителем Талигойи? Бред! Окделл помнил, как потешались над марагонским отродьем прошлой весной. Сейчас в столице было не до шуток. Удачливость и воинский дар самого Оллара вкупе с отвагой и наглостью приставших к нему проходимцев, возжелавших того, на что они не имели никаких прав, оказались для Людей Чести полной неожиданностью. В глубине души Алан понимал, что городу не выстоять, тем паче простонародье начинало склоняться на сторону чужеземца, умело растравлявшего неприязнь крестьян и ремесленников к знати. Сегодняшний позор еще больше поднимет Франциска в глазах черни, а позора не избежать. Победить Бездомного Короля никому из рыцарей Эрнани было не под силу.

---

¹ Здесь и далее цитируется Федерико Гарсиа Лорка.

² *Родина Вечности* – официальный перевод слова «Талигойя».

³ Дворянин, принадлежащий к одному из Великих Домов Талигойи.

– Неужели в Кабитэле не найдется воина, не страшшего преломить копье со своим королем? Его величество заранее прощает будущему противнику невольное покушение на свою особу и ждет его как равного. Рыцарь вызывает рыцаря!

Кабитэла молчала. Будь это турнир, когда бьешься во имя славы и очей возлюбленной, Франциск, без сомнения, нашел бы соперника, но принять на свои плечи честь Талигойи и тут же уронить ее в пыль? Это страшной смерти!

– Его величество Франциск Талигойский в последний раз взывает к мужеству и чести рыцарей брата своего Эрнани!

Герольд замолчал, и стало слышно, как на дворцовой крыше орут и возятся воробьи, а затем раздался звук одинокой трубы. Алан не сразу понял, что он означает, равно как и смысл последовавшего за ним шума и скрежета. Король тоже был застигнут врасплох.

– Окделл, – Эрнани изо всех сил делал вид, что выходки бастарда его не трогают, – пошлите узнать, что происходит.

Алан наклонил голову, но посылать никого не понадобилось. Ворота Полуденной башни распахнулись, пропуская всадника в синем и черном. Властитель Кэналлоба Рамиро Алва счел возможным принять вызов! Это было по меньшей мере удивительно: кэналлийца ни разу не видели ни на одном из турниров, он вообще не жаловал столицу и двор – возможно, потому, что среди Людей Чести Алва почитались худородными. Их принадлежность к Дому Ветров была, мягко говоря, спорной, а кровное родство с известными своим вероломством морисскими шадом⁴ настораживало. Тем не менее властелин Кэналлоа откликнулся на призыв короны и явился в Кабитэлу во главе большого, отменно вооруженного отряда.

Эрнани поставил кэналлийцев на защиту внешних укреплений, в очередной раз подтвердив свое умение разбираться в людях. Южане держались особняком, но воевать они умели. Окделл не мог не признать, что люди Алвы справлялись со своими обязанностями лучше большинства дружинников Людей Чести. Сам герцог, изысканный красавец со жгучими черными глазами, держался с рыцарями Эрнани не то чтобы заносчиво, просто становилось ясно: чужое мнение кэналлийца никоим образом не заботит.

В глубине души Алан допускал, что южанин понимает – король и его окружение, хоть и вынуждены принимать помощь полукровки, своим его не считают, вот и платит талигойцам той же монетой. Какой дворянин станет искать дружбы тех, кто ставит его ниже себя? А род Алва возвысился лишь благодаря стечению обстоятельств. Когда Дом Ветров выкосила чума, Эрнани Восьмой был вынужден подтвердить права собрано Родриго, приходившегося нынешнему герцогу прапрадедом.

Великие дома Талигойи⁵ традиционно роднились лишь друг с другом, но Алва, обосновавшиеся на крайнем юго-западе, веками мешали свою кровь с морисской⁶. Пока Дом Ветров был многолюден, это никого не волновало, но судьба повалила казавшееся несокрушимым дерево. Теперь титул Повелителя Ветров наверняка отдали бы кому-нибудь из подлинных Людей Чести, но в прежние времена законы блюлись свято, даже слишком. Алва стали талигойскими герцогами и возглавили Великий Дом. Повелители Скал, Волн и Молний с этим

⁴ *Шад* (морисск.) – вождь, правитель.

⁵ Согласно легенде, Золотая анаксия (при Эрнани Святом преобразованная в Золотую империю) была создана в результате слияния четырех царств. Потомки их правителей образовали **Великие Дома**, чьи главы носили титул повелителя соответствующей стихии (Скалы, Ветра, Волны, Молнии). После того как восторжествовал эсператизм, сакральный смысл титулов был забыт, но само понятие Великих Домов уцелело. Великие Дома возглавляют следующие фамилии: **Дом Скал** – герцоги Окделл (герб – золотой вепрь у подножия черной скалы на багряном поле); **Дом Ветров** – герцоги Алва (летающий против ветра черный ворон на синем поле); **Дом Волн** – герцоги Придд (поднятый волной коронованный золотой спрут на лиловом поле); **Дом Молний** – герцоги Эпинэ (два дерущихся жеребца, белый и черный, на аллом поле, расколотом золотой молнией).

⁶ Автор и его консультанты осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, кого **в нашем мире** называли морисками, кому штаны-ренгравы обязаны своим именем, когда началась эпоха великих географических открытий, чем знаменита мармалюка, etc. Но где Земля, а где Кэртиана.

смирились, однако признать смуглых черноволосых выскочек ровней не могли. Алан Окделл, понимая, что подобные чувства не украшают, с Рамиро был подчеркнуто вежлив, но относиться к нему так же, как к Шарло Эпинэ или Михаэлю фок Вáрзов, не мог. Впрочем, глухой неприязни, грозящей перерасти в ненависть, Алан к кэналлийцу тоже не испытывал. Выбирая между Эктором Приддом и Алвой, Окделл предпочел бы полукровку.

– Алан, – мягкий голос Эрнани оторвал Повелителя Скал от раздумий, – вы видели кэналлийца в деле?

– Ваше величество, – рыцарь старался говорить как можно равнодушной, – кэналлийцы не принимают участия в турнирах, но во время приступов Алва сражается достойно.

Это было правдой. Корявая башня, выступающая далеко вперед и связанная с основной крепостью узкой перемышкой, была особенно уязвима. Франциск это понимал и трижды пытался ее захватить – дважды днем и один раз ночью. Алва отбивался без посторонней помощи, чего нельзя было сказать о защитниках Нового города, где оборону возглавлял маршал Придд. Только сражаться на укреплениях – одно, а принять вызов непобедимого Оллара – другое.

Алан с тоскливым предчувствием наблюдал за двумя всадниками, казавшимися с высоты стен игрушечными. Алва превосходил Франциска в росте, но заметно уступал бастарду в ширине плеч, да и доспех южанина был много легче, а белоснежная, защищенная только черносиней попоной лошадь кэналлийца рядом с гигантским боевым конем бастарда казалась чуть ли не бесплотной. Герцог Окделл вздохнул – Рамиро проиграет, и хорошо, если сохранит жизнь.

Поступок южанина вызывал странную смесь досады и восхищения – тот делал глупость, но делал! Если б на вызов Бездомного Короля не откликнулся никто, талигойское рыцарство было бы навеки опозорено. Рамиро принял позор на себя, прикрыв от него других. Более того, его проигрыш – проигрыш чужака, он не запятнает Людей Чести. Понимает ли он это? Кэналлийцы отличались болтливостью и горячностью, но их господин был до странности молчалив и сдержан. То, что он дал волю южному темпераменту именно теперь, по меньшей мере вызывало недоумение. Если это, конечно, был темперамент.

– Безнадежно, – махнул рукой кансильер⁷ Аригó.

– Безнадежно, – услышал Алан собственный голос. – Но он дерется, а не ждет, когда это сделает кто-то другой.

– Его проигрыш – меньшее из зол, – согласился и Придд. – Бастард победит полукровку, только и всего.

Алан с трудом подавил желание посоветовать маршалу самому преломить копье. Не хватало, чтобы Люди Чести принялись оскорблять друг друга на глазах у короля. Странная вещь, мгновение назад Окделл думал так же, как и Придд, а теперь решил после боя подойти к кэналлийцу и при всех пожать ему руку. Если Алва, разумеется, останется жив.

– Чем бы ни закончился поединок, – твердо сказал Эрнани, – герцог Алва получит Полуночную Цепь⁸.

– Это будет справедливо, ваше величество, – согласился кансильер. – Немногие рискнут собственной честью, чтобы спасти честь королевства. Признаться, я думал, что вызов примет герцог Придд. Он выиграл три турнира подряд...

– Тому, кто привык выигрывать, проиграть особенно нелегко, – задумчиво произнес король, и это было правдой. Эктор Придд умрет, но не пожертвует славой первого меча Талигойи. – О, бойцы заняли свои места. – Голос Эрнани дрогнул. – *Да пребудет над Алвой Слава!*

---

⁷ Одна из высших (наряду с герёнцием, супрёмом и тессóрием) государственных должностей.

⁸ Знак воинской доблести – серебряная цепь, украшенная сапфирами.

«Да пребудет над Алвой Слава...» Как же переживает Эрнани, если позабыл о том, что обращение к Четверым и всему данному Ими почитается ересью и оскорблением Создателя.

– *Крылья Славы поднимут достойного*, – с вызовом подхватил Шарль Эпинэ.

– *Так и будет*⁹, – наклонил голову король. Остальные промолчали, глядя на разговаривающих о чем-то всадников.

С Королевской башни открывался отличный вид на вытоптанное осаждающими ржаное поле, ставшее ристалищем, но соперники были слишком далеко, чтобы слышать их разговор. К счастью, герольды Бездомного Короля не замедлили оповестить осажденных, что Франциск Оллар предложил своему противнику биться до тех пор, пока оба желают и могут продолжать бой. Бастард торжественно поклялся щадить жизнь раненого или иным образом покалеченного соперника, Рамиро Алва дал слово поступить так же. Услышав это, Эктор Придд презрительно усмехнулся, пробудив в Алане симпатию к кэналлийцу. Повелитель Скал в последнее мгновение сдержал рвущуюся с языка отповедь, однако унять Шарло Эпинэ было не легче, чем разъяренных жеребцов с его герба.

– Мне показалось, маршал, или вы в самом деле улыбнулись. Чему?

– Тому, как наш полукровка бережет собственную шкуру.

– Закатные твари! Чтобы сохранить свою голову, у него был куда более надежный способ – последовать нашему примеру и остаться на стенах.

– Прекратите, господа, – хмуро бросил Эрнани, – они начинают.

2

Кэналлиец нацелился в щит Оллара, но Алан заметил, что наконечник копья несколько раз слегка дернулся. Дрогнула рука? Поединок может оказаться смертельным для одного, если не для обоих. Копья боевые, это вам не турнир, когда рыцари целят тупым наконечником в шлем или щит, а судьи с умным видом оценивают их мастерство. Впрочем, на турнирах тоже калечат и убивают, здесь же любой удачный удар тем более может стать смертельным. Идет война, и главное – победить, не важно как, хотя бастард обещал щадить раненого соперника, а слово свое он обычно держит. Опустил копье. Метит в ногу? Хочет обмануть, в самое последнее мгновение переменив цель? Такое не каждому под силу, но это излюбленный трюк Бездомного. Ему нравится издеваться, смерть защитника Эрнани сейчас бастарду без надобности, а вот проигрыш, причем очевидный... Позор рыцаря – позор короля.

Ага, ублюдок все-таки поднял копье! Решил не рисоваться попусту – целит в голову... Значит, все-таки убьет.

– Кэналлийцу конец. – В голосе Придда особой печали не было.

– Замолчите, маршал! – бросил король, вцепившись в подлокотники кресла.

Всадников разделяло не больше локтя, когда конь южанина прынул чуть в сторону. Удар бастарда пропал втуне, а копье Рамиро скользнуло по щиту противника вниз. Лошади пронеслись мимо друг друга, замедлили шаг, остановились. Алва поднял копье и уверенным движением развернул своего белого; с ним все было в полном порядке, а вот Франциск Оллар неуклюже завалился на бок и выпал из седла.

– Святой Адриан¹⁰! – Прозванный Иноходцем Эпинэ никогда не отличался сдержанностью, а при виде валяющегося в пыли Бездомного Короля вообще чуть в пляс не пустился.

– Полукровке повезло, – презрительно бросил Эктор Придд, – он промазал, копье сорвалось и случайно угодило в...

– Маршал, – перебил Шарло, – кому вы хотите победы? Сдается мне, что бастарду!

---

⁹ Ритуальная фраза, имеющая древние корни.

¹⁰ *Святой Адриан* (в миру Чезаре Марикьяре) – воин и полководец, основатель ордена Славы.

Родич был прав – Придд не рискнул принять вызов, тем самым признав, что марагонек сильнее, а значит победитель бастарда становился и победителем Спрута.

– Эктор, вы ошибаетесь. – Спокойный голос графа фок Варзов остановил назревающую ссору. Граф Михаэль был немолод, но когда-то его слава гремела на всю Талигойю. – Это не случайность, а расчет, причем великолепный. Алва с самого начала собрался спешить бастарда и исполнил свой замысел отменно. Эти двое владеют копьем одинаково хорошо, но кэналлиец куда лучший наездник. И, позволю себе заметить, он смелее.

– Смелее? – Придд пытался быть ироничным, но его досада и злость были слишком очевидны.

– Погодите, – подался вперед король, – они еще не закончили.

Вряд ли Франциск, обещая щадить противника, думал, что заботится о собственной персоне, но вышло именно так. Рамиро Алва не забыл об обмене любезностями, по крайней мере, он не воспользовался беспомощностью соперника, хотя легко мог приставить копьё к его горлу, а соскочил с коня и остановился в паре шагов от пытающегося подняться Оллара.

– Достоин, – одобрительно пробормотал Михаэль.

– Но неразумно, – не согласился кансильер. – Бастард силен, как бык.

– *«Львы созданы для того, чтобы ломать спины быкам»*, – в серых глазах Эрнани мелькнула лукавинка, – по крайней мере, святой Адриан полагал именно так. А бык-то поднимается... Что ж, посмотрим...

Бездомный Король и впрямь встал и принял из рук подбежавшего оруженосца щит. Он был готов к бою.

– После такого падения у него голова должна раскалываться, – высказал надежду молодой Арсен Савиньяк.

– Голова не знаю, а вот нога... Ублюдок ранен.

– Скорее, просто ушиб.

– Не сомневаюсь, Эктор, вам бы хотелось именно этого.

– Кровь не разглядеть – далеко!

– Ушиб или рана, но хромает он сильно.

Убедившись, что соперник намерен продолжить поединок, кэналлиец бросился вперед. Град быстрых ударов вынудил бастарда уйти в глухую оборону. Пару раз он попытался огрызнуться, но как-то вяло, и Алан счел, что Оллар все-таки ранен, причем серьезно. В бедро? Если так, он рискует истечь кровью.

– Сейчас Алва его «раскроет». – В Михаэле явно проснулся испытанный турнирный судья. – Я буду не я, если кэналлиец станет тянуть время.

– А зачем ему теперь спешить? – усомнился Ариго. – Риск, причем бессмысленный.

– Алва проворен, как кошка, и ему нравится рисковать.

– Бастард слабеет, – буркнул так и не убежденный кансильер. – Вот и ждал бы!

В ответ фок Варзов слегка развел руками. Дескать, ты бы ждал, только ты не Рамиро.

Многоопытный рыцарь оказался прав – про южан не зря говорят, что они рождаются сумасшедшими. Алан рисковать при таком раскладе не стал бы, а кэналлиец... Вот он вроде бы промедлил, открылся, давая противнику шанс, и тут же рванулся вперед, на волосок разминувшись с отчаянным встречным ударом марагонца.

Удар по краю черно-белого щита, быстрый шаг в сторону и дальше – под левую руку охромевшего Оллара. Тот пытается развернуться вслед противнику, но раненая нога подводит, и Бездомный Король тяжело валится наземь, лишаясь последней возможности сопротивляться. Развязка была молниеносной, но Окделл успел увидеть, как кэналлиец, оказавшись над побежденным, картинным жестом приставляет к его горлу меч.

– Разрубленный Змей! – Других слов у Эктора Придда не нашлось.

Прочие и вовсе потеряли дар речи и могли лишь смотреть, как Рамиро Алва без посторонней помощи садится на коня и, не оглядываясь на суетящихся вокруг раненого свитских, шагом возвращается к Полуденной башне. Вся схватка заняла от силы несколько минут.

– Лучше б он его добил, – пробормотал кансильер.

– Алва сражался за *честь* Талигойи. – Голос Эрнани был ледяным. – Оговоренные условия нарушать нельзя.

– Почему он согласился на эти условия? – буркнул Придд. – Следовало настоять на смертельном поединке!

– Вот вы бы и настояли! – вновь вскинулся на дыбы Эпинэ. – Полчаса назад мы загоя мирились с позором, сейчас нам мало славы – подавай убийство!

– Мы с кансильером прежде всего думаем о государстве. Если Франциск Оллар умрет, его люди разбегутся, как крысы. Алва держал жизнь бастарда в своих руках и отпустил его. Это весьма похоже на измену.

– Алва – Человек Чести, – оборвал маршала король. – Вы подали бы ему руку, запятой он себя убийством?

Ответить Придд не успел. Победитель, как был в доспехах, поднялся на смотровую площадку и склонился перед сюзереном. Королевский оруженосец торопливо снял с кэналлийца шлем. Алва тяжело дышал, иссиня-черные волосы слиплись, на смуглой щеке кровоточила ссадина. Алана неприятно резанула улыбка на точеном лице – тридцатипятилетний Рамиро казался не столько услужившим своему государю рыцарем, сколько гордым совершенной каверзой мальчишкой.

– Вы отстояли честь Талигойи, герцог. – В голосе короля звучала неподдельная теплота.

– Это было не так уж и трудно, – сверкнул зубами Повелитель Ветров.

– Честь дороже жизни. – В устах Эрнани ритуальная фраза обрела новый смысл. – Преклоните колено.

Король улыбнулся и возложил на плечи победителя сверкающую сапфирами цепь.

– Вы ее заслужили, – чопорно, словно на турнире, изрек фок Варзов.

– Более чем! Мы все в долгу перед вами.

– Благодарю моего короля и прошу разрешения вернуться на башню. – Алва больше не улыбался. – Мне кажется, следует ожидать штурма.

– Вы что-то заметили в лагере бастарда?

– Нет, в его глазах. Этот человек привык оставлять последнее слово за собой.

– Вам потребуются подкрепления?

– Нет, государь. Мы отобьемся собственными силами, но... Если мне будет позволено высказать свое мнение...

– Говорите.

– Я думаю, на этот раз Франциск нанесет удар не по внешним укреплениям, а по западной стене.

– Почему вы так решили?

– Оллар горд, – сдвинул брови южанин, – и умен. Если он набросится на Корявую, *могут* сказать, что он мстит за поражение, а западная стена уязвима. Марагонцу нужна победа, он не захочет выглядеть оскорбленным гордецом.

– Мы учтем ваше мнение, герцог. Скажите, почему вы не принимаете участие в турнирах?

– Семейная традиция. Мы не признаем турнирного оружия и не поднимаем меч на союзников. Если в Новом городе потребуется помощь, я готов привести своих людей.

– Никакого штурма не будет. Ублюдок ранен, – надменно произнес Эктор Придд, – неделя покоя нам обеспечена.

– Ранен, – согласился кэналлиец, – но не в голову. По его мнению, мы не станем ждать штурма, и именно поэтому он нападет. Лезть самому на стены ему не обязательно.

– В любом случае помощь мне не нужна.

– Однако в прошлый раз вы едва не потеряли Червленную башню, – бросил граф Михэль. – Если б не подоспел Окделл, Бездомный Король обрел бы дом еще позавчера.

– Ничего подобного, – взвился Эктор, – я...

– Мне кажется, друзья мои, следует прислушаться к совету герцога Алва, – положил конец начинающейся ссоре король. – Прошу всех вернуться к своим людям. Алан, проводите меня.

Окделл подал Эрнани руку, и тот тяжело поднялся. Серая лихорадка не убивает, но калечит, ходить без посторонней помощи перенесшие ее не могут. Эрнани и Алан медленно двинулись по специально построенному пандусу к поджидавшим короля конным носилкам. Когда их могли слышать лишь голуби и воробьи, король повернулся к спутнику.

– Если б кэналлиец не был полукровкой или хотя бы вел себя иначе, оборону возглавил бы он, а не Эктор. Алва – сын полководца и сам прирожденный полководец... Мы относимся к нашим соседям, как к варварам, а они давно нас обогнали. Покойный *соберано*¹¹ Гонзало сотворил чудо, не просто вытеснив шадов за пролив, но заключив с ними мир. Теперь я вижу, это не было удачей – Алва всем обязаны самим себе.

– Ваше величество, смените маршала!

– Высокий Совет¹² Алву не признает, вы это знаете не хуже меня, да и не дело менять коней на переправе. Тем более что надежды нет.

– Мой государь!

– Надежды нет! Кабитэла обречена, а с ней и вся Талигойя. Бездомный Король обретет дом, а его разбойников назовут герцогами и графами. Наше время уходит, мы можем сохранить честь, но не жизнь.

– Это уже немало, ваше величество.

– Будем утешаться этим. – Король замолчал, и Алан был этому рад. Он искренне любил и уважал Эрнани Ракана, но в последнее время тот часто говорил вещи, от которых по спине бежали мурашки. Воин до мозга костей, Окделл знал – нет ничего хуже, чем признать себя побежденным еще до сражения, а талигойский монарх в поражении не сомневался.

– Ваше величество...

– Да, Алан.

– Не надо отчаиваться. Победа Алвы – знак нам всем. Мы не ожидали, что он справится с бастардом, а он справился.

– Справился, – лицо Эрнани исказила гримаса, – но это лишь подтверждает мою правоту. Алва – чужак, которого вы, друзья мои, презираете, потому что иначе вам пришлось бы презирать самих себя, а это неприятно. Чужак схватился с таким же чужаком и победил, а мы смотрели на них со стен... Так во всем. Мы мертвы, Алан, а город и страна – нет, им нужна свежая кровь. Три тысячи лет... Для династии это много; чудовищно много, даже не будь у нас обычая искать жен и мужей среди родичей. Мы – живые мертвецы, *эр*¹³ Алан, сегодняшний поединок это доказал еще раз, но Алва мне нравится, а вам?

---

¹¹ *Соберано* – титул правителей Кэналлоа.

¹² Власть талигойского короля ограничивалась Высоким Советом, в который входили главы фамилий, кровно связанных с Великими Домами. Таковых в описываемое время насчитывалось двенадцать. В исключительных случаях Высокий Совет мог назначить над королем опеку и избрать из своей среды регента, но для этого требовалось присутствие на совете жен и наследников глав фамилий, и принятое решение должны были подтвердить не менее двух третей всех совершеннолетних Людей Чести.

¹³ *Эр* (ж. род *эрэа*) – изначально обращение к члену Великого Дома.

– Мне? – Этого вопроса Алан не ожидал. Ему кэналлиец одновременно и нравился, и не нравился. Было в этом дерзком гордеце нечто безумно притягательное – но и отталкивающее тоже. – Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Алва вряд ли смог бы стать моим другом, он вообще не может быть ничьим другом. Герцог сам по себе, как саграннский ирбис.

– Да, он – одиночка, – согласился король, – и горд, как Леворукий¹⁴, но он ли в этом виноват? Или мы? Почему народ Талигойи тяготеет к бастарду?

– Мой государь, он...

– Вы никудышный придворный, Алан, и еще более никудышный утешитель. Мы уже пришли, я вижу своего постельничего. Подведите меня к нему и возвращайтесь к своим северянам. Я уверен, что кэналлиец не ошибся, а Придду стены не отстоять, как бы он ни надувался.

Повелитель Скал исполнил приказ своего сюзерена, не скрывая облегчения. Драться он был готов, думать о поражении – нет; впрочем, времени на размышления мараговец осажденным не оставил.

3

Штурм начался тогда и там, где предполагал Алва, и именно поэтому едва не увенчался успехом: Эктор Придд, надо полагать – назло кэналлийцу, оставил на западной стене лишь несколько десятков лучников. Атаку бастарда маршал воспринял как личное оскорбление, но пока он призывал на голову Оллара грома и молнии да собирал резервы, на стену успели водрузить «Победителя Дракона»¹⁵. Правда, развеяться знамени бастарда выпало недолго – люди Рамиро, наплевав на беснующегося Придда, сбросили осаждающих со стены.

Когда подоспел Алан со своими копейщиками, штурм уже захлебывался, большинство осадных лестниц было повалено, несколько из них южане умудрились затащить наверх, причем одну вместе с намертво вцепившимся в перекладину вражеским латником, у которого, надо думать, помутилось в голове.

В гуще боя Алан заметил Рамиро, рубившегося в том же самом легком доспехе, в котором он утром сражался с Олларом. Возле самых ног Алвы упал один из его людей, герцог перескочил через тело, одновременно принимая на косо подставленный щит удар двуручного меча, и тут же вонзил свой клинок в бедро орудовавшего двуручником здоровяка. Дитина пошатнулся и повалился под ноги своему же разогнавшемуся приятелю, тот споткнулся, подставляя шею под удар. Сверкнуло, покатила отсеченная голова. Дальше наблюдать за кэналлийцем Алан не мог – чуть ли не у самых его ног из-за края стены показался круглый марагонский шлем, а затем и плечи очередного мерзавца. Герцог немедленно обрушил на него меч, однако противник, по виду бывалый наемник, ухитрился, стоя на лестнице, вывернуться из-под удара. Окделл ругнулся и совсем не по-рыцарски пнул бородатую рожу ногой. Это помогло – мараговец полетел вниз, на головы топтавшимся у лестниц землякам, но любоваться делом рук своих Алану было некогда – пришлось заняться крепышом с секирой, которого сменил некто в роскошном рыцарском шлеме и старых, измятых доспехах. Окделл убил и того, и другого, потом на него набросилось сразу трое, одного рыцарь свалил, остальных прикончили подоспевшие южане. Алан обернулся в поисках очередного противника и понял, что бой закончен. Неожиданности не получилось, а зря класть людей Оллар не любил, да и разрушение Кабитэлы в его намеренья не входило. Ублюдку нужна была столица, а не руины.

Окделл с наслаждением избавился от шлема и с еще большим наслаждением принял из рук подошедшего Алвы кувшин с вином. Неужели кэналлийцы притащили его с собой?!

---

¹⁴ *Леворукий* (Враг, Чужой, Зеленоглазый, Повелитель Кошек) – эвфемизмы, означающие антагониста Создателя.

¹⁵ На гербе Франциска изображен воин, поразивший мечом дракона.

Сделав несколько глотков, герцог вернул южанину его собственность. Тот усмехнулся и высоко поднял сосуд над головой, ловя губами алую струю. Именно так пьют мориски. Главе одного из Великих Домов Талигойи следовало презирать южных варваров, но они приходились Алве родичами, и Рамиро всячески подчеркивал это родство. Алан подозревал, что кэналлийцу нравится дразнить Людей Чести своей непохожестью. Определенный смысл в этом был – Ариго стали графами пятьсот лет назад и старательно блюдут все обычаи, но все равно слышат в спину, что сколько осел ни бей копытом, конем ему не бывать.

Алва утер узкой ладонью губы и присел на корточки у стены, подставляя лицо слабенькому ветру. Окделл опустил на вылетевший из кладки камень напротив кэналлийца, украдкой разглядывая человека, в один день отстоявшего честь короны и спасшего город. На свой герб Алва поместили летящего против ветра ворона, и знак этот подходил Рамиро как нельзя лучше. Изначально символом Дома Ветров была белая ласточка в скрещении солнечных лучей, нынешние властители Кэналлоа могли бы унаследовать и ее, но остались верны зловещей черной птице. Что ж, в нынешнем небе, небе войны, ласточкам и впрямь не место.

Рамиро молчал, привалившись спиной к разбитой кладке. То ли устал, то ли просто не желал говорить. Жирный амбарный воробей плюхнулся наземь у самых сапог герцога и принялся деловито подбирать какие-то крошки. Кэналлиеца по-кошачьи сощурил глаза, наблюдая за пичугой. Он был сильным, красивым и чужим, и Алан поймал себя на том, что они никогда не поймут друг друга, как не поймут друг друга юг и север. Окделл отдавал себе отчет, что судит предвзято, однако ничего не мог с собой поделать – Повелитель Скал не доверял Повелителю Ветров, хоть это было и глупо – замысли Алва предательство, он вел бы себя иначе.

Разрубленный Змей! Да не приведи Рамиро южан, не наори на Придда, не возьми оборону в свои руки, в городе сейчас бы хозяйничал мараговец... А может, дело именно в этом, и Эрнани прав? Все они взъелись на Алву, потому что чужак делает то, на что не способен ни один из Людей Чести? В Придде и Гóнте говорят зависть и досада... А в Повелителе Скал? Собираясь с мыслями, Алан тронул герцогскую цепь и негромко окликнул:

– Эр Рамиро...

– Эр Алан?

– Мы вам очень обязаны...

– Пустое, – махнул рукой Алва. – Знай я, чего ждать, меня бы здесь не было.

– Я вас не понимаю.

– Понимаете. Просто в Талигойе не любят называть вещи своими именами. Я сожалею, что привел в Кабитэлу своих людей и привез жену, но раз я здесь, то сделаю все, что могу. Если угодно, назло тем, кто не способен ни на что. Будь я одним из вас, я дождался бы, когда рядом не будет слуг, и влепил Придду пощечину, но я предпочитаю раз за разом вытаскивать его из лужи, в которую он норовит сесть. Эрнани должен сменить командующего, иначе плохое станет безнадежным.

– Его величество сделал бы это, – Алана покорило, что полукровка назвал короля по имени, но в откровенности кэналлийца было что-то притягательное, – будь хоть какая-то надежда.

– Вот как? – темные брови поползли вверх. – Зачем сражаться, если не веришь в победу?

– Во имя чести, – бездумно ответил Алан и осекся, поняв, как глупо это звучит, – и потом, что нам делать, если не защищаться? Сдаться на милость бастарда?

– Горожане, как мне кажется, готовы сменить короля. Эктор Придд чуть ли не каждый день вешает смутьянов, но меньше их не становится.

Это было правдой. Простолюдинам надоела осада, они хотят есть досыта, спать в своих постелях, рожать и растить детей. Оллар обещает спокойную, сытую жизнь и свободу. Пока чернь выжидает, и лишь самые смелые или же глупые рискуют высказывать недовольство, но

что будет, когда придет зима и Кабитэла начнет голодать и мерзнуть? Без сомнения, Эрнани имел в виду именно это! Бунт, который не подавить.

– Вы сожалеете, что пришли, из-за бунта?

– Из-за бунта? – Рамиро казался удивленным. – Разумеется, нет. Жители Кабитэлы сыты, а сытые ремесленники и купцы, в отличие от дворян, не страдают воинственностью. Чтобы довести город до бунта, Людям Чести нужно очень постараться, разве что осада затянется до зимы.

– Разумеется, затянется. – Алан понимал своего собеседника все меньше и меньше. – Мараговец не уйдет, а мы не сдадимся. И вы все еще не сказали, почему сожалеете о том, что пришли.

– Потому что приходится исполнять приказы спесивого болвана.

Вчера Алана эти слова оскорбили бы. Каким бы ни был Придд, он был маршалом Талигойи, и безродный выскочка не имел права его судить, но сегодня этот выскочка спас город, который едва не погубили глупость и упрямство Эктора.

– Это был не лучший выбор, но маршальский жезл почти Круг принадлежит Волнам.

– Раньше в этой волне были спруты, теперь, – Алва задумался, видимо, перебирая в памяти морскую живность, – медуза. Такая, с бахромой...

Медуза с фиолетовой бахромой... Щит Приддов украшал коронованный спрут, Алан представил на его месте полупрозрачный грибок со щупальцами и неожиданно для себя расхохотался. Алва последовал его примеру. Лед был сломан – властители Надóра и Кэналлоа поняли друг друга. Это еще не было дружбой, но неприязни у Алана заметно поубавилось.

– Вы разбираетесь в медузах, герцог.

– Разумеется, в Алвасётской бухте их прорва, особенно после шторма... Простите, герцог!

Лицо Алвы озарилось мягким внутренним светом, словно смывшим и усталость, и иронию. Южанин вскочил и бросился навстречу женщине в широком синем платье, которую поддерживали под руки две служанки. Алан видел кэналлийскую герцогиню и раньше, но никогда к ней не присматривался. Немного поколебавшись, Окделл присоединился к супругам, представляя, какую мину скорчил бы на его месте Повелитель Волн.

– Эр Алан, – просиял глазами Рамиро, – вы знакомы с моей женой? Какой-то болван рассказал ей, что был штурм, и ей взбрело в голову убедиться, что со мной все в порядке.

У Октавии Алва были удивительные глаза, такой бесконечной предвечерней синевы Алан еще не встречал. Герцогиня не походила ни на пламенных южных красавиц, ни на величавых талигойских аристократок, и Окделл вспомнил, что Рамиро разорвал помолвку с племянницей Придда и женился на безродной девице, встреченной им чуть ли не на постоялом дворе. Скандал вышел нешуточный, но властителя Кэналлоа чужое мнение не заботило.

Алан Окделл церемонно поклонился.

– Счастлив приветствовать прекрасную эрэа. Я видел эрэа один раз на пиру и несколько раз в храме, но, увы, лишь издали.

– Октавия, в отличие от меня, очень набожна. Увы, ангелам положено, надо не надо, славить Создателя.

– И обращать безбожников, – улыбнулась герцогиня.

– Днем, – уточнил кэналлиец, указывая взглядом на живот супруги. – Ночью безбожники берут свое.

Октавия густо покраснела, и Рамиро быстро поднес к губам тоненькую руку. Он любил жену, в этом не было никаких сомнений. Не просто любил – боготворил, а она – его. В этом Алва тоже отличался от большинства Людей Чести, знавших своих невест с малолетства. Самое большее, на что мог рассчитывать в браке глава Великого Дома, – это на дружбу и понимание. До сегодняшнего дня Алан был уверен, что ему несказанно повезло с Женевьев, но она никогда

не смотрела на него такими глазами. А он сам? Герцог любил обоих сыновей, глубоко уважал свою супругу и не изменял ей; у них с Женевьев было немало хороших минут, и все же Окделл почувствовал себя обделенным.

Именно поэтому, расставшись с кэналлийцами, он не вернулся в казармы, где жили его люди, а, вскочив на приведенного оруженосцем коня, направился в Цитадель. Герцог сам не знал, чего хочет от Женевьев. Она всегда была строгой, рассудительной и сильной. Истинная Повелительница Скал! Ее кузен Шарль, хоть и возглавил после гибели отца Дом Молний, частенько вел себя как мальчишка, а вот Женевьев ни разу не уронила своего достоинства. Она никогда не забывала, кто она и в чем ее долг перед обоими Великими Домами. Даже в постели.

Да, ему повезло с женой, на нее во всем можно положиться; случись что с ним, до совершеннолетия Ричарда вдовствующая герцогиня удержит знамя Окделлов, а что может синеглазая девочка с выбившейся из-под мантильи светлой прядкой? Только такой сумасброд, как Рамиро, мог забыть об интересах фамилии и пойти на поводу у сердца!

Большая серая крыса отвлекла Алана от мыслей о главенстве долга над чувством. В Кабитэле в последнее время расплодилось множество крыс и почти столько же монахов-торквинианцев. Первые грызут зерно, вторые – души, но и тех и других лучше не задевать, по крайней мере людям.

Алан догадывался, что простые талигойцы не любят своих эров, но лишь после появления Оллара стал понимать, до какой степени. Заслуженно славящийся смелостью и прямоотой Повелитель Скал был почти напуган. Дошло до того, что он сожалел о данном сыну позволении оставить у себя уличного котенка. Забавный белый с черными пятнами звереныш не знал, что он пособник Леворукого, видящего кошачьими глазами и слышащего кошачьими ушами.

С тех пор как святому Торквинию открылась Истина, кошки стали почитаться нечистыми. Их пытались извести – не получалось. Рискаю жизнью, твари следовали за человеком, их убивали во множестве, но плодились они быстрее, чем умирали, становясь все изворотливей и хитрей. Потом случилась чума, и вестницей ее стали крысы, а за чумой, выкосившей хлебные провинции, пришел голод. Полчища крыс и мышей были его пособниками, и тогда Эсперадор¹⁶ запретил истреблять кошек, чем те не замедлили воспользоваться.

В Талигойе отношение к мяукающему племени было странным. На севере еще помнили сказания, в которых кошки отгоняют чудовищных крыс, грызущих стену Мира, за которой режут Изначальные твари, жаждущие добраться до живых душ и горячей крови. В Кэналлоа, почитаемой эсператистской лишь потому, что обратить черноволосых полуморисков в истинную веру силой Святой престол не решался, к кошкам относились, как к любым домашним тварям. В Кабитэле им разрешалось жить в амбарах и погребах, однако пустивший кошку в дом рисковал угодить в пособники Леворукого.

Окделл был северянином, в его родовом замке кошки чувствовали себя вольготно, и герцог не озаботился запретить сыну играть с котятками, ему было не до того. А зря. «Истинники» орут все громче и громче. Они могут начать с кошек, а закончить...

Дорога оказалась короче неприятных мыслей. Копыта процокали по мосту, под которым бурлила темная данарская вода. Отделенная от остального мира двойным кольцом Старого и Нового города и широкой рекой, Цитадель жила своей жизнью, вход в нее был открыт лишь Людям Чести и их свитским. Алан спрыгнул с жеребца во дворе Обители Скал, бросил поводья слуге и поднялся к супруге.

Женевьев со своими дамами сидела у окна и вышивала, у ее ног примостился наигрывающий на лютне юноша-паж. При виде Алана женщина изящным движением отложила пальцы и протянула руку для поцелуя. Повелитель Скал коснулся губами прохладных пальцев и повернулся к свите.

¹⁶ Эсперадор – глава эсператистской церкви.

– Сударыни, оставьте нас.

Дамы поднялись и, шелестя юбками, выплыли прочь. Женеьев смотрела на мужа с легким недоумением.

– Что-то произошло? Приступ, насколько мне известно, отбит.

– Да, благодаря кэналлийцам. Эктор выказал себя полным болваном.

– Каковым и является, – со вздохом произнесла герцогиня, на сей раз полностью разделявшая мнение своего необузданного кузена. Алан невольно расхохотался, второй раз за этот необычный день.

– Несчастный Эктор, никто его не любит. Ни Шарль, ни вы, ни я, ни кэналлиец.

– Последнее немудрено, – улыбнулась женщина. – Я удивляюсь выдержке Алвы, другой на его месте Придда уже вызвал бы.

– Рамиро, – Алан и не заметил, как назвал южанина по имени, – мстит ему иначе. Не желаете узнать как?

– Желаю. – Герцогиня слегка улыбнулась.

– Он его спасает, – Окделл сделал паузу, – раз за разом и у всех на глазах.

– Рискованная игра, – покачала головой Женеьев. – Придд – опасный человек и очень злопамятный. Что с вами сегодня? Вы сами на себя не похожи.

– Кто его знает. Возможно, дело в утренней победе, а возможно, в том, что я повидал настоящую любовь. Странно, прежде Октавия Алва не казалась мне красавицей. Беременность редко красит женщину... Простите, эрэа, я сказал что-то не то.

– Отчего же, вы правы. – Женеьев потянулась к пальцам, и Алан понял, что она все же обижена.

– Сударыня... – Зачем он сюда пришел? У него много дел в казармах, и еще надо переговорить с Шарлю о защите Полуденных ворот. – Я рад убедиться, что вы в добром здравии. Это было необдуманно – просить приехать вас и Ричарда.

– Герцогиня Окделл знает свой долг не хуже, чем герцогиня Алва. – В тихом голосе прозвучала сталь. – Остается надеяться, что и мужчины не забудут своей клятвы не сдавать Кабитэлу.

– Можете не сомневаться, – заверил Алан. – Люди Чести могут умереть, но не отступить.

Часть вторая

*«Зелен яд заката, но я выпью зелье,
Я пройду сквозь арки, где года истлели...»*

1

Лето клонилось к концу, а Кабитэла держалась. После шестого штурма Франциск Оллар раздумал класть людей под стенами и перешел к осаде. Бездомный Король не торопился – время работало на него. Оллар разбил постоянный лагерь, постаравшись, чтобы всем стало ясно – на этом месте будет Третий город¹⁷. Осаждающие чувствовали себя как дома, всем своим видом показывая, что явились навсегда. Со стен было видно, как к бастарду тянутся многочисленные обозы, – окрестные крестьяне везли на продажу новый урожай. Франциск вел себя не как завоеватель, а как сюзерен – он запретил грабить, а за провиант и фураж расплачивался где-то добытой звонкой монетой. Эрнани подобной роскоши позволить себе не мог.

Разумеется, в Цитадели было все необходимое, но солдаты об овощах, молоке и свежем мясе могли лишь мечтать. Осаждающие же, как нарочно, устраивали то соревнования лучников, то пирушки с танцами, на которые приходили девушки из ближайших деревень. Жевать сухари и солонину, сжимая в руке копье, и смотреть на чужой праздник – что может быть неприятнее? Из-за стены раздавались то веселые приглашения, то ядовитые насмешки над колченогим королем и спесивыми петухами, с какой-то дури возомнившими себя орлами, а герольды то и дело зачитывали указы и воззвания самозванца, в которых тот обращался то к воинам, то к купцам, то к ремесленникам, называя их не иначе как своими добрыми подданными. Самое печальное, простонародью это нравилось. Бастард был тем королем, которого хотела чернь.

Алан видел, что жителям Кабитэлы доверять нельзя: Оллар перетянул их на свою сторону, а бродячие проповедники и вовсе вот-вот натравят горожан на Людей Чести. Пришла пора сказать, что ворота в Цитадель нужно держать закрытыми, а мост – поднятым. Даже в собственном дворце – и то стоит быть осторожнее. Придется уговорить сына расстаться с котенком. Звереныша лучше всего отнести к складам, там живет немало кошек, они сыты, и амбарщики их не трогают...

В дверь постучали; сидевший у входа оруженосец, повинувшись знаку господина, отодвинул засов и поклонился, приветствуя властителя Кэналлоа.

– Простите за вторжение, – южанин одарил хозяина белозубой улыбкой, – но мне надо поговорить с кем-то, кто думает о деле не меньше, чем об этой вашей Чести.

– Рад вас видеть, герцог. – Это не было простой вежливостью. Кто б еще весной сказал Повелителю Скал, что он будет рад визиту кэналлийского полукровки! – Вина?

– Не откажусь.

– Нед, подай кубки и можешь идти.

Оруженосец исполнил приказ и вышел, косясь на чужака, с которым оставался его эр. Окделл разлил вино. Протягивая кубок гостю, он с удивлением заметил, что котенок, о котором

---

¹⁷ Расположенная на берегу широкого и быстрого Данара Кабитэла состояла из построенной на холме Цитадели, в которой обитал король и были расположены Обители четырех Великих Домов. К Цитадели примыкал окруженный Императорской стеной Старый город, далее располагался Новый город, во времена Эрнани Восьмого обнесенный мощной оборонительной стеной с башнями и выносными укреплениями. К описываемым временам свободной земли в Новом городе почти не осталось, и Франциск Оллар давал понять, что нужен Третий город.

он только что думал, умудрился просочиться в комнату и взобраться кэналлийцу на колени. Рамиро рассмеялся, дерзко блеснув глазами, и погладил зверька.

– А вы еретик, эр Алан.

– А вы?

– Я? Безбожник, вестимо. Может, где-то кто-то и есть, только им нет дела до нас, а мне, соответственно, до них. Если б я ждал, когда кто-то явится и начнет всех спасать, я бы остался в Алвасете. Зачем делать то, что за тебя сделает другой, причем быстрее и лучше? – Кэналлиец вновь расхохотался и поднял кубок. – За кошек и их хозяев – или Повелителя?

Алан, сам не зная почему, тоже засмеялся и осушил кубок. Они все сходят с ума. От безнадежности, чужой ненависти, безделья. Отсюда и мерзкие сны, и нынешняя попойка. Повелитель Скал пьет за кошек с кэналлийским полукровкой? Ну и пьет, что им делать, если не пить?!

– Вы знакомы с Леворуким, Рамиро?

– Нет, к сожалению. – Гость пригубил вино, и Алан вспомнил, что Алва – хозяин лучших в мире виноградников, а привезенное из Горной марки белое было весьма посредственным.

– Я б не отказался с ним поговорить. – Рамиро поставил кубок. – Подчинить кошек трудней, чем людей. Кстати, раз уж зашла речь о демонах. Окделл, не будете ли вы любезны рассказать мне о Четверых и их наследстве?

Алан в недоумении воззрился на гостя. Рамиро – глава Дома Ветров, он должен знать все.

– Вы, я вижу, удивлены, но откуда морисскому отродью знать тайны Людей Чести? Дом Ветров вымер, Повелителями назвали нас, но ваши обряды, переходящие от отца к сыну, нам неведомы по-прежнему. Мы живем и воюем по собственному разумению, но раз уж меня принесло умирать за короля Ракана, поведайте, чем он отличается от того же Оллара.

Чем отличается? Чем они все отличаются от обычных людей? Пожалуй, что и ничем. Может, когда-то Люди Чести и впрямь повелевали стихиями, но теперь остались лишь гербы, медальоны со странными знаками да гордость, вернее гордыня. Тот же Рамиро умней и удачливей их всех, вместе взятых, да и Бездомный Король... Над ним можно сколько угодно смеяться, однако своего он не упустит.

Окделл сунул руку за пазуху и вытащил серебристый диск с гравировкой. Такие вместо святой эспэры¹⁸ носили главы Великих домов, остальные Люди Чести довольствовались золотыми копиями. Агарис смотрел на эту традицию, мягко говоря, косо, но в Талигойе ей все еще следовали. Алан протянул вещицу собеседнику.

– Вот все, что уцелело от прошлого величия, если оно, разумеется, имелось. То есть власть, конечно, у нас была, а вот сила – вряд ли, хотя за три тысячи лет любая волшба выдохнется.

Алва задумчиво смотрел на слабо мерцающий на его ладони диск. Если б волосы кэналлийца стали золотыми, а глаза – зелеными, он вполне сошел бы за Повелителя Кошек.

– У вас должен быть такой же, Рамиро, но со знаком Ветров. Мы, Повелители Скал, дети Заката и Полуночи, стражи Северо-Запада. Вы рождены Восходом и Полуднем, повелеваете Ветрами и охраняете Юго-Восток, вернее, охраняли в Гальтарские времена. Неужели вы не знали и этого?

– Это, – Алва усмехнулся, – знают даже кошки, а медальон Повелителя и впрямь у меня. Алан, я хочу понять, есть ли правда в разговорах о старых силах и почему Эрнани Святой предал прежних богов. Не знаю, как вам, а по мне, гаже крыс со свечками ничего не придумаешь...

Странная ночь и странный разговор, хотя Рамиро можно понять. Он – Повелитель и имеет право на правду, пусть и никому больше не нужную. Но сколько правды в старых сказках, которыми кормили в детстве герцога Окделла?

– Рамиро, когда вам исполнилось шестнадцать, вы завещали свою душу Ветрам?

---

¹⁸ Эспера (защитная звезда) – медальон в виде семилучевой серебряной звезды.

– А надо было? – поднял бровь кэналлие. – Нет, я ничего такого со своей душой не делал.

Значит, о ритуале Алва не знает, что не мешает ему быть умней и удачливей Придда.

Золотое «вчера» Талигойи – блуждающие Башни, каменные кольца Гальтáры, меч Рака-нов, Закон и Честь... Алан родился и вырос, когда все это стало легендой. С той поры как Эрнани Святой два Круга¹⁹ назад внял увещаниям эсператистов и перенес столицу из пропитанной демонопочитанием Гальтары в тогда совсем еще небольшую Кабитэлу, все связанное с Четырьмя старательно забывали. Но прошлое то и дело напоминало о себе то песнями, то выловленными из воды или найденными в земле древностями, то непонятными предсказаниями, то срывающимися с губ проклятиями...

– Странные вещи. – Кэналлие вернул медальон хозяину. – Они что-нибудь дают?

– Я надел знак Скал в ночь, когда умер отец. Не знаю, сколько лет этому талисману. Считается, что он принадлежал первому из сыновей Полуночи и Заката и дает власть над скалами.

– И что, – не преминул уточнить Рамиро, – талисман Окделлов и вправду подчиняет камни?

– Нет, по крайней мере, я ни о чем таком не знаю. Мы зовемся Повелителями, бастард назвал себя Победителем Дракона... Когда я надел фамильный медальон, он еще хранил тепло отца, однако я не почувствовал ничего. Как и в ночь совершеннолетия, когда отвечал на Вопросы и произносил Клятву.

– Вопросы? Какие?

– В каждом Доме спрашивают о разном. – Алан невесело усмехнулся. – Шарло... герцог Эпинэ, так же как и я, не понимает ничего. Может, в этих словах и упрятан какой-то смысл, а может, и нет. Вы ничего не потеряли, Рамиро, от того, что не прошли посвящение и не носите амулета.

– Отчего же, – возразил кэналлие, – ношу. Откровенность за откровенность. Вот мой талисман, можете открыть.

Алан бережно принял изящный медальон морисской работы, оказавшийся хранилищем светло-русого локон.

– Октавия?

– Да, единственная сила, которой я молюсь.

– Послушайте, Алва, – Окделл вновь наполнил кубки, – вы отдаете себе отчет в том, что наше положение безнадежно?

– Безнадежных положений не бывает, – медленно покачал головой южанин, – есть безнадежные дураки, и есть утратившие надежду. Вы, Люди Чести, разделились именно на них.

– Мне обязательно вызывать вас на поединок? – осведомился Алан.

– За то, что я назвал Придда безнадежным дураком? Можете ему это передать, а вызывать меня или нет – его дело. Маршал не принял вызов бастарда, вряд ли снизойдет и до полукровки. Алан, неужели вы не видите выхода?

– Нет, и можете записывать меня в болваны. А вы?

– Вижу. Мне нужно еще немного подумать, а потом я попрошу аудиенции у короля.

Окделл едва удержался от того, чтобы схватить Алву за руку. Отчего-то он сразу поверил, что выход есть и Рамиро его знает. Эрнани прав – кэналлие прирожденный полководец. Пусть талигойцы трижды презирают южных варваров, но мориски умеют воевать. Оллар не признает никаких законов, Алва, похоже, тоже. Он найдет управу на Бездомного Короля... Синеглазая Октавия и ее еще не рожденный ребенок в Кабитэле, Рамиро сумеет их защитить.

---

¹⁹ Летосчисление в Кэртиане делится на сменяющие друг друга в строгом порядке 400 летние Круги (эпохи) – Скал, Ветров, Волн и Молний. Подробнее см. приложения.

2

Алва давно ушел, а Алан все еще сидел у стола, вертя в руках опустевший кубок. Почему кэналлиец заговорил о Четверых? Любопытство? Желание узнать то, что известно главам других Домов, или нечто большее? Герцог Окделл клялся никому, кроме своих сыновей, не доверять тайн Скал, но откуда взялся этот запрет? Алан помнил свое разочарование, когда накануне шестнадцатилетия отец протянул ему пожелтевший свиток с вопросами и ответами и сказал, что это нужно выучить наизусть. Он выучил. В ночь совершеннолетия будущего Повелителя Скал отвели на возвышающийся над Надором утес и приковали к бронзовому веprю. Отец приставил ему к груди фамильный меч и стал задавать вопросы. Один за другим. Даже тогда это казалось бессмысленным, однако наследник Великого Дома должен пройти через ритуал Завещания.

- *Сколько их было?*
- *Четверо.*
- *Куда они ушли?*
- *Туда, откуда не возвращаются.*
- *Почему они ушли?*
- *Потому что клялись защищать.*
- *Кто ушел за ними?*
- *Лучшие из лучших.*
- *Кто остался?*
- *Мы.*
- *Сколько нас?*
- *Четверо. Всегда четверо. Навечно четверо.*
- *Кто на нашей стороне?*
- *Закат и Восход, Полдень и Полночь.*
- *Кто против нас?*
- *Те, кто займет чужое место.*
- *Кто откроет Врата?*
- *Он и Она.*
- *Кто Он?*
- *Он уйдет в Осень.*
- *Кто Она?*
- *Она придет из Осени.*
- *В чем наша сила?*
- *В памяти и чести.*
- *В чем наша слабость?*
- *В чести и памяти.*
- *Что нас ждет?*
- *Бой.*
- *Когда пробьет наш час?*
- *Мы узнаем.*
- *В чем наш долг?*
- *В том, что никто иной не исполнит.*

Шестнадцать вопросов и шестнадцать ответов... Шестнадцать, четыре раза по четыре, – священное число древних. Четыре раза по четыре месяца, четыре раза по четыре кровных вассала... Было... Осталось девять, если считать Ариго, и восемь, если не подыгрывать самим себе. А сколько уцелеет после войны?

– *В чем наш долг?*

– *В том, что никто другой не исполнит...*

Надо спросить Шарло, вдруг, сложив Завет Молний с Заветом Скал, они что-то поймут. Эктор никогда не скажет, что известно Волнам, а Ветра... Ветра умерли вместе с последним Борраской. Остался черноглазый полукровка – смелый, дерзкий, умный, рожденный настоящим назло прошлому.

– *Кто против нас?*

– *Те, кто займет чужое место.*

Займет или уже занял? И кто? Бездомный Король? Алва, не имевший права на титул Повелителя Ветров? Кто-то еще? Восемь сотен лет назад Раканы отказались от древнего могущества или от вековой лжи?

– Его величество просит вас срочно прийти. – Юный оруженосец смотрел на своего господина с искренним сожалением. Опять бессонная ночь.

– Подай кольчугу.

Уходя во дворец, надо быть готовым к тому, что окажешься на башнях, да и ездить по городу становится опасным. Гайфские наемники ненадежны, и если б только они!

Герцог глянул в угол, где висело изображение Создателя – красивого мужчины с пронзительным взором, свечой в одной руке и мечом в другой. Алан скорее верил в него, чем нет, но в этот раз вместо положенной перед уходом из дома молитвы тронул рукой вновь занявший свое место Знак Скал, перевел взгляд на стоящее под иконой знамя Окделлов, быстро пересек комнату, поцеловал прохладный шелк и, не оглядываясь, вышел.

Спускаясь вниз, он заметил нахмуренного наследника, сосредоточенно засовывавшего за пояс кинжал.

– Дикон!

– Да, отец.

– Никуда не ходи, тем более один.

– Барс потерялся, я должен его найти.

Еще не хватало, чтобы мальчишка бегал по темным закоулкам в поисках котенка! Мало ли куда тот забежал, мог и из Цитадели выскочить. Кошки не люди, везде отыщут лазейку, с них станется.

Когда Создатель, вспомнив о сотворенном им мире, вернулся и изгнал захвативших его демонов, все твари дневные и ночные склонились перед Ним и восхвалили Его. Все, кроме кошки, повернувшейся к Нему спиной и принявшейся умыться. За свою гордыню кошка была изгнана на край мироздания, где вечно горит огонь Заката. Там вместо того, чтобы искупить свой грех смирением, она отыскала проход в великом пламени и показала его Чужому, назло Создателю признав того своим владыкой. Так Леворукий открыл путь в Кэртиану... Во всяком случае, по мнению мракобесов в серых балахонах.

– Твой кот сам вернется. Я запрещаю тебе выходить.

Сын нахмурился, но промолчал. Садясь на коня, герцог окликнул слугу:

– Фрэнки, если найдете котенка, не возвращайте Ричарду, а отнесите к амбарам.

Фрэнки угрюмо кивнул. Упрямый, как большинство надорцев, он терпеть не мог торквианцев, хотя за что их любить?! Говорят, в орден Истины красивых и высоких не берут. Красота ходит рука об руку с гордыней, а слуги Создателя должны быть смиренны и незаметны, недаром их символом стала мышь со свечой в лапках.

Красота сама по себе искус и для ее обладателя, и для тех, кто рядом. Тот же Рамиро в глазах «истинников» пособник Чужого лишь потому, что красив и горд. А в глазах Людей Чести он виноват в том, что занял пустующее место! Бред! Только раньше Алан Окделл отчего-то о таком не задумывался.

3

Хмурые стражники с королевскими гербами на туниках раздвинули копья, пропуская Окделла к королю. С Эрнани был заспанный Шарло; похоже, беднягу подняли с постели. Они все стали какими-то совами – днем спят, ночью караулят...

– Вы звали меня, государь?

– Да, герцог. Мы рады вас видеть. – Эрнани выглядел не просто плохо – ужасно. – Алва просит разговора наедине, но я решил пригласить еще и вас. Не то чтобы я ему не доверял, просто вы с Эпинэ сможете дать мне совет.

– Я к услугам моего короля.

– Благодарю. – Повелитель Талигойи еле заметно шевельнул рукой, подзывая пажа. – Пригласите герцога Кэналлоа.

Если южанин и был разочарован присутствием посторонних, то ничем этого не показал. Похожий в надетой поверх легкой кольчуги котте на морисского шада с книжной миниатюры, Рамиро изысканно поклонился.

– Вы хотели говорить со мной, герцог. Надеюсь, вас не смущает присутствие моих добрых друзей?

– Отнюдь нет. Я не хотел, чтобы меня слышали кансильер и маршал, но я рад видеть герцога Эпинэ, а герцог Окделл знает, о чем я буду говорить.

– Мы слушаем. – Король говорил с видимым усилием, неужели возвращается болезнь? Серую лихорадку нельзя вылечить, разве что залечить, но как же не вовремя!

– Государь, город нам не удержать. Отдых скоро закончится. Франциск делает вид, что будет ждать холодов, но я ему не верю: когда зарядят дожди, в лагере станет несладко. Оллару нужно победить до исхода лета. Он приручил окрестных крестьян и примирил с собой горожан, теперь пора вновь браться за оружие. Два, самое большее – три штурма, и сначала Новый город, а потом и Старый падут. Цитадель продержится дольше, но возьмут и ее. Ваши люди не верят в победу, а простые воины хотят жить.

– Не только простые, – вмешался Эпинэ. – Я вчера повесил гайифского капитана. Мерзавец твердил, что во время осады солдатам причитается тройное жалование, а мы не можем заплатить даже положенного. Наемники скоро уйдут, и хорошо если при этом не ударят в спину.

– Я знаю об этом, – тихо произнес Эрнани, – более того, я не надеялся, что мы продержимся так долго. Если б не ваши выдумки, Рамиро, все было бы уже кончено. Что ж, такова наша судьба. Мы погибнем, но не уроним своей чести. Эпинэ, завтра же переведите гайифцев в Новый город. Когда они предадут...

«Когда они предадут, – с тоской подумал Алан. – Никто из нас не сомневается в предательстве, только не знает, когда оно случится – завтра или послезавтра...»

– Государь, – Рамиро позволил себе перебить короля, – вы правы, от гайифцев надо избавиться, но это лишь начало. Город не удержать, но потеря столицы – это еще не проигранная война.

– То есть? – подался вперед Шарло.

– Государь, выслушайте меня. Я слежу за Олларом с начала войны, и, мне кажется, я его понял. Франциск – отменный боец, замечательный вождь, сильный политик, но он не полководец...

– Не полководец?! – Алан не поверил своим ушам. – Бездомный не проиграл ни одного сражения, он начинал с десятком человек, а сейчас с ним армия.

– Это лишь подтверждает мои слова. Оллар – вождь, ему верят и за ним идут. В королевстве много обиженных и недовольных своим положением, а Франциск умеет и подчинять,

и очаровывать. Если он окажется на троне, то сумеет сговориться и со знатью, и с церковью, и с простонародьем. Оллар станет сильным королем, но как военачальник он глуп, хоть и не понимает этого.

– Рамиро! – серое лицо Эрнани порозовело. – Что вы хотите сказать?

– То, что маршал Придд, граф Гонт и иже с ними соображают еще хуже. Оллар – та самая ящерица, что среди черепашек сойдет за коня, но он не конь! Франциск воюет по старинке: не было ни одной ловушки, в которую он не попался. Герцог Эпинэ успешно доказал, что мараконца можно бить. Только бездарность Придда не позволяет бастарду понять, что его предел – баронская дружина, разумнее же всего ограничиться турнирами и забыть о большой войне. И это наше счастье! Если Бездомный Король поймет, что не умеет водить армии, он быстро найдет тех, кто будет делать это за него и для него, а сам станет драться в первых рядах, вызывая всеобщий восторг.

– Что ты предлагаешь? – Эпинэ схватил Рамиро за руку, забыв даже о присутствии Эрнани.

– Бросить все на кон и выиграть войну, – твердо произнес кэналлиец. – Не поручусь, что у нас выйдет, но терять нам нечего.

– У вас есть план, герцог? – голос короля дрогнул.

– Есть, ваше величество. Сначала нужно развязать себе руки. Бастард предлагает желающим покинуть город. Выгоните взашей ненадежных и заставьте уйти семьи.

– Семьи? Наши жены поклялись разделить участь своих мужей.

– Участь, но не бой! Пусть уходят. Оллар решит, что в крепости остаются смертники, и пусть его, а женщин с детьми он не тронет. Франциск думает о том, как станет править, он захочет переженить своих любимцев на знатных талигойских вдовах. Бездомный Король жесток, но играет в справедливость, иначе он бы меня не отпустил.

– Что мы будем делать, когда отправим женщин и предателей?

– Отобьем штурм – на это нас еще хватит, и бросим жребий. Кто-то и впрямь останется умирать. Затем мы переправимся через Данар, вырежем поставленные Франциском заставы, а дальше...

– Гальтара? – услышал собственный голос Алан.

– Да. Я для вас чужак, полукровка, но я знаю, что талигойский король в Гальтаре обретает особую силу.

– Это так, – медленно произнес Эрнани. – Гальтару защищает сила Четверых, но мы приняли новую веру и поклялись отказаться от старых суеверий.

– Но суеверие ли это? – Алан видел, что кэналлиец прав. Если Четверо – сказки, они ничего не теряют: север и юго-восток все еще верны своему королю. Если же в древней столице король обретет легендарную силу, и того лучше. Да, их назовут отступниками, ну и что? Зато они победят!

– Рамиро, – вступил Эпинэ. Повелитель Молний всегда рубил плеча, для него чужак-южанин, нашедший выход из ловушки, тут же стал своим, – до Гальтары еще нужно дойти.

– Дойдем, – твердо сказал Алва. – Южная армия Франциска не разбита только потому, что никому не пришло в голову это сделать.

– Их в три раза больше, чем нас!

– Возьмите тридцать мышей и спустите на них пятерых котов, – пожал плечами кэналлиец. – Если понадобится, я разобью этого воспитанника адрианианцев. Хотя проще его обмануть и заставить ловить собственный хвост.

– Герцог, – слабо улыбнулся Эрнани, – вы о ком?

– О Колиньяре из Ариго. Это он сейчас пытается завоевать для Франциска свои родные места. Колиньяр лучше Франциска, но я с ним справлюсь.

– Что ж, – король смотрел на кэналлийца, уже не скрывая надежды, – вижу, вы все продумали.

– Кроме одного, – жестко сказал Алва. – Люди Чести не пойдут за полукровкой, а маршал Придд не станет меня слушать. Встаньте во главе армии, ваше величество, или смените маршала на того, кто видит дальше своего носа.

– Разрубленный Змей! – вскинулся Шарль. – Этого мерина давно пора на живодерню, а он все еще задом вскидывает.

– Держите себя в руках, герцог! – прикрикнул Эрнани, и Алан порадовался, что король очнулся от спеленавшей его апатии. – Алва прав, я завишу от Высокого Совета. Вас трое, и один сам называет себя чужаком. Мы можем убедить фок Варзов, Савиньяка и старого Дорáка. Тогда, с учетом королевских голосов²⁰ нас будет десять против семи, но маршалом Алве не стать. Алан, я отдам жезл вам.

– Будешь царствовать, но не править, – ухмыльнулся Эпинэ. – Рамиро...

– Погодите! – Алва вскочил, проверяя, как ходит в ножнах меч. – Кажется, я слишком долго думал...

Кэналлиец оказался прав – вбежавший оруженосец трясущимся голосом доложил о бунте. Гайифцы решили сменить хозяина.

– Вот и все, – Эрнани словно бы погас, – бороться с судьбой невозможно.

– Невозможно с ней не бороться. – Алва уже скинул котту и теперь стаскивал с себя морисскую кольчугу.

– Герцог, что с вами?

– Ничего. Эпинэ, шли бы вы на стены. Надеюсь, Цитадель под охраной?

– Сегодня на стенах Михаэль.

– Лучше, чем все остальные, но хуже, чем вы. Прошу простить, ваше величество, мне надо отлучиться.

– Что вы задумали?

– Вытащить Придда из лужи. – Кэналлиец рывком распахнул окно, выходящее на реку. Данар горделиво нес свои воды к порогам, и до противоположного берега было безумно далеко. – Подниму своих людей.

– Вы с ума сошли!

Алан был полностью согласен с королем. Вплавь миновать захваченный гайифцами Старый город и выбраться из реки над самыми порогами... Такое могло прийти в голову лишь безумцу.

– Я хорошо плаваю, господа. – Рамиро вскочил на подоконник. – Алан...

– Да?

– Нет, ничего... До встречи.

---

²⁰ На Высоком Совете у короля было четыре голоса.

Часть третья

*«Да я-то уже не я,
И дом мой уже не дом мой...»*

1

Эту ночь Алан Окделл запомнил навсегда. Гайифцы были умелыми бойцами и знали, чего хотят. Захваченный ими Старый город находился между Цитаделью и Новым городом, за стенами которого располагался вражеский лагерь. Замысливший предательство капитан рассчитывал овладеть мостом через ров и ворваться в Цитадель, одновременно пробив коридор через Новый город к Мясным воротам. План был хорош, а маршал Придд в очередной раз доказал свою полную бездарность. Спрут умел и любил вешать бунтовщиков или же тех, кого почитал таковыми, но настоящий бунт прозевал. К счастью, стоявшие у ворот люди Савиньяка и распорядившийся на стенах Цитадели Михаэль фок Варзов не сплеховали.

Ворваться в королевскую резиденцию бунтовщикам не удалось, но вожака гайифцев это не обескуражило. Леворукий с Цитаделью! Если город будет взят, Люди Чести рано или поздно запросят пощады.

Оставив напротив поднятых мостов пять сотен человек, предатель построил своих людей клином и пошел на прорыв. Хорошо вооруженные гайифцы сломали оборону Берхэйма, вырвались в Новый город и... налетели на южан Алвы, к которому примкнул Рокслей, ставящий дело превыше чистоты крови. Рамиро буквально сбросил наемников назад, в Старый город, и на улицах закипела резня.

Кэналлийцы шаг за шагом шли вперед, и у изменников не осталось иного выхода, кроме как снять охрану с мостов. Для Окделла и фок Варзов это стало сигналом, и их дружины ударили по гайифцам с тыла.

Алану было страшно и дико убивать недавних соратников, из-за чего Повелитель Скал дважды едва не погиб – рука не поднялась на тех, кого он знал в лицо. Один раз герцога спас оруженосец, второй – прорубившийся к нему Алва. Кэналлиец не был столь сентиментален – гайифцы для него были такими же чужаками, как все остальные. Южане, повинаясь своему сюзерену, сносили презрение «истинных талигойцев» и их наемников молча, однако это отнюдь не означало, что они прощают. Когда пришлось повернуть оружие против бунтовщиков, кэналлийцы не колебались и не скорбели, к тому же у них имелся опыт боев в городе.

Алва шел впереди своих людей. Глядя на забрызганную кровью фигуру в обманчиво легких доспехах, Окделл поймал себя на мысли, что ему страшно. Кэналлиец не щадил никого и казался железным. Потом южанина с северянином разметало в разные стороны. Ночь закончилась, взошло солнце, осветив заваленные трупами улицы, но бой все еще продолжался – гайифцы, понимая, что пощады не будет, огрызались до последнего.

Добивать бунтовщиков пришлось фок Варзов с Савиньяком – Бездомный Король, поняв, что в городе творится нечто необычное, не преминул атаковать многострадальную западную стену. Алва и Окделл бросились туда. К счастью, штурм больше походил на разведку. Убедившись, что защитников на стенах хватает, мараговец отступил, а Рамиро с Аланом в изнеможении рухнули прямо на раскаленные солнцем ступени Червленной башни.

– Вы опять спасли город, Алва.

– Не уверен. – Кэналлиец сорвал шлем и теперь жадно хватал ртом горячий воздух. – Если думать об этой стране, следовало поддержать бунт, а не подавлять его.

– Рамиро!

– Вы – хороший человек, Алан, но вы не видите того, что вам не нравится. Талигойя подыхает. Отказавшись от Четверых, Эрнани Святой подрезал подпругу коню, который вас вывозил тысячелетиями. Теперь вы пытаетесь удержаться за хвост и все равно свалитесь в пропасть. Мы прикончим Оллара, но придут другие, много хуже... Придут агарисские святоши, придут уэртские грабители, придут гайифские вымогатели, не говоря уж о дриксенских живодерах. Не те вас с вашей Честью сожрут, так другие, а бастард... Бастард прищипорит Талигойю, под ним она вспомнит, что значит бег! Оллар рожден королем великой державы, и он ее создаст. Если мы не помешаем.

– Почему тогда вы с нами, а не с ним?

– Так вышло, – пожал плечами Алва, – и, потом, я могу и ошибаться. Вдруг у Эрнани хватит духу вернуть то, от чего отказался его святой тезка, или взять то, что еще никто не брал?

– Вы говорите загадками.

– А вам надо в лоб? Извольте. Или Эрнани вернет столицу в Гальтару и обопрется на силу Четверых, если таковая существует, или станет тем, кем стал бы для страны Бездомный Король. Третьего не дано. Будь хоть конем на берегу, хоть рыбой в море, но не жабой в болоте...

– Соберано... – Черноглазый юноша в синем и черном нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Говори.

– Госпожа беспокоится...

– Сейчас буду. – Рамиро легко вскочил. – Простите, Окделл, я должен идти.

Кэналлиец умчался, на прощанье махнув рукой. Алан остался – ему спешить было не к кому, а в словах Алвы было слишком много правды, чтобы от них отмахнуться. Талигойя и впрямь застряла между «вчера» и «сегодня», а с ней вместе увязли и Повелители.

По легенде Окделлы вели свою родословную от старшего из канувших в небытие Четверых. На гербе Повелителей Скал красовался золотой вебрь у подножья черной скалы, скалы были и на гербах кровных вассалов – Карлибнов, Тристрамов, Рокслеев, Берхаймов. «Незыблем» – это слово с герба сюзерена входило в девиз каждой фамилии Дома. В чем незыблем? В глупости? В упрямстве? И существовали ли они, всеильные предки, завещавшие мудрость и силу избранным родам и покинувшие Талигойю для смертельного боя, или же великое минувшее – это сказки? Обычные сказки, придуманные дикарями, некогда населявшими Золотые Земли²¹?

Темнело, нагретые камни мало-помалу остывали, с реки потянуло холодком, да и застывшие в нескольких шагах свитские истомились. Надо было вставать и идти... Все дела на сегодня закончены – они перебили гайифцев и отразили очередной приступ, вернее, это Рамиро Алва подавил бунт и сбросил Оллара со стен. Кэналлиец поспекает всюду, но маршалом ему не бывать, потому что он – полукровка и, по мнению самовлюбленных болванов вроде Придда и Тристрама, не имеет права приказывать им, великим... Следуя этой логике, можно договориться до того, что Оллар не имеет права их бить, однако ж бьет.

Алан с трудом поднялся. Он устал, как ломовая лошадь, как табун ломовых лошадей, сегодня в Старом городе и Цитадели вряд ли бы нашелся хоть кто-то, способный держать оружие. Оставалось надеяться, что Бездомный Король подтвердит мнение Рамиро о своих воинских талантах и, опасаясь ловушки, на штурм не пойдет. Герцог Окделл медленно брел по извилистой улице, нехотя поднимая руку в ответ на воинские приветствия. Может, его прародитель и состоял в родстве со скалами, но тело потомка об этом не знало. Алан предвкушал хоть какой-то отдых, но его ждало разочарование, принявшее образ Женеьев в роскошном, но не слишком идущем ей церемониальном наряде и с фамильным ожерельем Окделлов на

---

²¹ Золотые, Седые, Бирюзовые и Багряные Земли – четыре материка, разделенные Полуночным, Холтийским и Померанцевым морями.

белой шее. Рядом с матерью хмурился Дикон, с которым явно было что-то не так. Алан с недоумением уставился на свое семейство, супруга сочла уместным пояснить:

- Собирается Полный Совет.
- По чьему слову?
- Повелителя Волн.

Окделл поморщился. Этого еще не хватало! Что надо этому спесивому дураку? Другой бы на месте Придда забился после сегодняшнего позора под стол и не вылезал до первого снега, а Спрут созывает Совет... Неужто хватит совести снять с себя маршальскую цепь? Нет, вряд ли... Для этого довольно Совета Мечей²², да и не таков Эктор, чтоб расписаться в собственной бездарности. Что же он затеял, собирая не только глав фамилий, но и их жен, наследников, всех Людей Чести, находящихся в пределах дневного конного перехода? Сколько же их сейчас в Кабитэле? В начале осады было человек восемьдесят, а сейчас? Затея маршала нравилась Окделлу все меньше и меньше, но он молча прошел к себе. Полный Совет требовал соответствующих одеяний.

Обычно Алан обходился без чужой помощи, но на сей раз кликнул слуг. Разрубленный Змей, как же он устал, как они все устали...

Затянутый в парадное платье герцог подал Женевьев руку, на которую та и оперлась, причем очень неудачно, задев место ушиба. Люди Чести терпят любую боль молча, к тому же жена не желала ему зла, и Алан ничего не сказал, только сжал зубы.

– Отец, – нарушил молчание Ричард, – а кошки после смерти возвращаются к своему повелителю?

- Кто тебе такое сказал? – быстро спросила Женевьев.
- Кэналлие. Барса убили. – Мальчик шмыгнул носом, но сдержался.
- Герцог Алва заходил к нам, – чужим голосом пояснила жена.
- Он сказал, что котенок теперь у своего хозяина и тот его никому в обиду больше не даст, – темно-серые глаза сына были очень серьезными, – это так?

Похоже на Рамиро. Утешить и при этом поставить весь мир с ног на голову. Хотя, если вдуматься, кому мешают кошки? Когда-то их считали священными. Почему то, чему прежде молились, объявили греховным? Мышь – символ мудрости и скромности... А то, что эта мудрость и скромность жрет чужой хлеб и разносит чуму, не важно?! Зато воюющие с грызунами и змеями грациозные и гордые зверьки стали прислужниками Чужого. Дескать, они охраняют врата Заката. Ну и пусть охраняют, жалко, что ли... Что же сказать Дикону? От необходимости отвечать герцога избавила жена.

– Никогда больше не говори о хозяине этих тварей, – в голосе Женевьев слышался страх, – слышишь?

- Да, – угрюмо кивнул сын, – мы ведь Люди Чести? Мы отличаемся от простых людей?
- Конечно. – Как хорошо, что сын заговорил о другом.
- Но Люди Чести раньше чтити кошек, – заявил сын, – я смотрел книгу Четверых. Ну ту, что дома, в библиотеке. Закат сторожили кошки, а ты мне говорил, что Окделлы – дети Заката и Полуночи.

Он прав. И Рамиро прав. Нельзя жить между «вчера» и «сегодня». Или носи медальоны с забытыми знаками, или бойся кошек и их зеленоглазого господина. Да какие там кошки, «истинники» – вот кто по-настоящему опасен!

– Мы с тобой поговорит об этом позже. – Он тоже смотрел книгу Четырех, там были красивые картинки, сейчас так не рисуют, но вот язык, на котором это написано... За восемь сотен лет половина слов стала непонятной.

- Мы правда поговорим? – уточнил сын. – Клянешься Честью?

---

²² Совет Мечей – военный совет при особе короля; в него входят главы Великих Домов и их доверенные военачальники.

– Клянусь.

2

Лицо Эрнани не выражало ничего – серая маска, безнадежная, как осенний дождь. За спиной короля тускло блестел знаменитый меч Раканов, привезенный Эрнани Святым из древней Гальтары. Предки Эрнани повелевали всеми Золотыми землями, но бывшее величие ушло, как уходит в песок вода... или кровь.

Приглашенные чинно занимали места на крытых сукном скамьях. Никакого железа – атлас, бархат и шелк, как в мирные времена, когда все доверяют всем... Алан учтиво подвел Женевьев к скамье, на которой сидели женщины Дома Скал, и занял свое место за столом. Он пришел последним, хотя из двадцати кресел пустовало семь. Семь некогда избранных родов исчезли с лица земли; вернее, девять, потому что Алва не были истинными Повелителями Ветров, а нынешние Ариго унаследовали титул лишь при Эрнани Четвертом.

– Люди Чести, – голос короля был столь же невыразителен, как и его лицо, – глава Дома Волн Эктор Придд по праву Чести потребовал собрать Полный Совет. Я, Эрнани из рода Раканов, подтверждаю законность его требований. Пусть говорит.

– Пусть говорит. – В голосе Шарля Эпинэ сквозило презрение.

– Пусть говорит. – Генрих Гонт, как всегда, ничего не понимал.

– Пусть говорит. – Алан произнес освященную обычаем фразу, пытаясь понять, что же ему так не нравится. Эрнани явно болен, однако дело не в этом.

– Пусть говорит. – Голос Алвы звучал лениво и равнодушно, в нем не осталось и следа утренней горячности.

Алан украдкой взглянул на женскую скамью, где виднелась одинокая фигурка в синем. Срок Октавии близок, ночные бдения вряд ли пойдут ей на пользу.

– Пусть говорит, – буркнул Огюстен Дорак, с весны называвший маршала не иначе как каракатицей.

– Пусть говорит... Пусть говорит... Пусть говорит...

Что-то происходит, что-то скверное. Окделл поймал взгляд Эпинэ – глава Дома Молний казался удивленным и раздраженным, не более того, а с места, где сидел Алан, ни фок Варзов, ни Савиньяка не разглядишь.

– Я говорю свое Слово и обращаюсь к Чести и Памяти. – Придд держался уверенно, чтобы не сказать нагло. Он отнюдь не походил на человека, допустившего чудовищный промах, с трудом исправленный другими. – Я, глава Дома Волн и маршал Талигойи, с болью и горечью объявляю, что силы нашего возлюбленного короля Эрнани истощены и он просит Высокий Совет принять на свои плечи заботу о государстве.

Недуг сразил короля в тяжелый час, мы осаждены сильным и коварным врагом, просто-народе, подстрекаемое изменниками, отвернулось от нас. У нас нет надежды на победу, но честь выше смерти. Мы не сдадим Кабитэлу! Да, мы умрем, но умрем, как должно умереть потомкам владык Золотых Земель. Наши жены и дети разделят нашу судьбу, но, прежде чем пробьет наш час, мы обагрим наши мечи кровью ублюдков. Небеса надолго запомнят наш последний бой!

Что он несет! Разрубленный Змей, что он несет?!

– Ты лжешь! – сверкнул глазами Шарло, и государь положил на плечо Повелителя Молний бледную руку. – Король здоров!

– Нет, герцог, – прошелестел Эрнани, – я болен и не могу отвечать за доверившихся мне. Вокруг – измена, Кабитэла не с нами, она против нас. Нам придется выбирать между почетной гибелью, смертью от голода и признанием своего поражения, а значит, выбора у нас нет.

– Есть! – Эпинэ не собирался сдаваться. – Выгоним взащей ненадежных, договоримся с бастардом, чтобы он отпустил женщин и детей. Он согласится, а мы... Мы – воины! Мы или прорвемся в Гальтару, или умрем, но сделав все, что возможно.

– Люди Чести раз и навсегда отреклись от демонов Гальтары. – Ариго были кровными вассалами Эпинэ, только кансильер не может перечить королю.

– Мы говорим не о том. – Карлион принадлежал к Дому Скал, но его жена была сестрой Придда. – Нужно принять отречение и избрать регента.

– Называю Алана Окделла, – раздельно произнес Михаэль фок Варзов. Старый рыцарь принадлежал к Дому Волн, но сегодня, похоже, умерла еще одна традиция – кровные вассалы один за другим отрекались от своих Повелителей.

– Называю Эктора Придда. – Карлион никогда не спорит с Кунигундой.

– Придд, – тихо и внятно произнес кансильер.

– Придд! – рявкнул Генрих Гонт.

– Молчу. – Алан изо всех сил сохранял спокойствие. Все случилось слишком быстро, но почему Эрнани их не предупредил?

– Окделл, – бросил Савиньяк.

– Придд, – Тристрам всегда ненавидел своего сюзерена, но зарычал на него впервые.

– Окделл! – рявкнул глуховатый Дорак и тоном ниже добавил: – Только каракатицы нам и не хватало.

– Молчу, – пожал плечами Алва, играя сапфировой цепью. Кэналлиец прав – тот, кого поддержит полукровка, больше проиграет, чем выиграет.

– Окделл! – весело выкрикнул Шарло.

– Молчу, – Берхайм внимательно рассматривал свой перстень. И на том спасибо.

– Окделл, – Роберт Рокслей не имел обыкновения предавать.

– Придд!

Алану показалось, что он ослышался. Никогда еще рыцарь не называл сам себя! Нет, напрямую это не запрещалось, зачем запрещать то, от чего и так удержит честь?

– Вы удивлены, – Эктор счел уместным объяснить свой жест, – но я маршал Талигойи, и я знаю, что делать. Я не уроню нашей чести.

– Закатные твари! – крикнул Арсен Савиньяк. – Конечно, не уроните, нельзя уронить то, чего нет!

– Спокойно! – голос Михаэля фок Варзов мог перекрыть и грохот боя, и шум самой отчаянной пирушки. – Слово короля!

Эрнани медленно, словно не понимая, что от него требуется, поднял голову и тихо сказал:

– Придд!

– Трое из нас промолчали, – Ариго старался выглядеть беспристрастно, – пятеро назвали Алана Окделла, пятеро Эктора Придда, его же имя произнес король. Люди Чести, признаете ли вы маршала Придда регентом Талигойи до конца войны? Есть ли среди вас готовые оспорить его избрание?

Таких не нашлось и не могло найтись. Закон не был нарушен, а король молчит. Если б кто-то из членов совета схватился за меч, возможно, у него и нашлись бы сторонники, но отступничество Эрнани выбило почву из-под ног даже у Эпинэ. Алан, словно в затянувшемся дурном сне, смотрел, как поднялся новоявленный регент, будто бы ставший еще выше ростом.

– Я не сомневался в сердцах Людей Чести. Нам некуда отступать, но мы...

Мимо проплыла маленькая серая бабочка – во дворце их было много, говорят, они зарождаются в старых тканях. Окделл невольно проследил глазами за живой пылинкой и увидел мелькнувшего на хорах арбалетчика в фиолетовом! Цвета Приддов. Возможно, кансильер с маршалом и верили в сердца Людей Чести, но на всякий случай приготовили дополнительные доводы.

– Я должен сообщить вам, – трубил маршал, – что я сделал с посланцем бастарда. Я повесил его на Песьей башне и с ним рядом два десятка гайифцев...

– Повесили? – подался вперед Дорак. – Когда?

– По дороге сюда.

– Бастард написал маршалу Придду лично?

– Какое это имеет значение?

– Для Людей Чести огромное. – Старик поднялся и внимательно и строго обвел взглядом зал Совета. – *«Нет большего позора, чем стать ниже врага своего, – процитировал он рыцарский кодекс. – Нет большего оскорбления, кое может нанести вассал своему сюзерену, нежели действовать от его имени, не имея на то должных полномочий»*. Вы еще не были регентом, Придд, когда казнили посла, ваш поступок опозорил всех Людей Чести. Я прошу Высокий Совет спросить регента, кому предназначалось письмо и где оно?

– На шее у посла. – Эктор огрызался, но в его голосе сквозила неуверенность. – Если угодно... Ублюдок требовал в четырехдневный срок сдать крепость и признать его королем.

– Что ж, – по-прежнему тихо произнес Эрнани, но его услышали все, – теперь дело за малым. Бастард ждет ответа. Кто из Людей Чести объяснит бастарду, как становятся талигойскими королями? Эктор Придд? Вы повесили посла, будет справедливо, если вы его замените.

– Слишком много чести! – регент старался говорить с презрением, но крепкая шея побагровела.

– К тому же, – вставил доселе молчавший Рамиро Алва, – жизнь регента слишком ценна для Талигойи, не правда ли? Поговорить по душам с Бездомным Королем должен тот, кого никому не будет жаль.

Ноздри Эктора раздувались, как у загнанного тяжеловоза, но что отвечать, он не знал. Кэналлиец откровенно нарывался на ссору, Придд ссоры не хотел, понимая, что поединок с Рамиро превратит его из победителя в труп. Высокий Совет ничем не мог помочь своему избраннику – обычай был на стороне полукровки. Подобные оскорбления смывают кровью в присутствии свидетелей. Пустит в ход арбалеты? Вряд ли... Его и так поддержали, а стрелков лучше приберечь на будущее.

Алан смотрел на дерзко улыбающегося южанина. Алва прикончит Придда, но не может же он перебить всех его сторонников! Место Эктора займет Ариго, только и всего. Отречение Эрнани обратного хода не имеет. До конца осады король не правит, а лишь царствует, осада же закончится со смертью последнего из осажденных. Плетью обуха не перешибешь, это понимает даже Эпинэ.

Затянувшееся молчание прервал король.

– Вы правы, герцог. Маршал Придд и Бездомный Король вряд ли поймут друг друга. Мне одинаково дороги все Люди Чести, но вы уже встречались с бастардом и вернулись. Я могу лишь просить, и я прошу вас поговорить с ним еще раз.

– Просьба короля – закон для Человека Чести, – поклонился Рамиро, – вне зависимости от того, правит он или только царствует. Не правда ли, Придд? Я полагаю, Высокий Совет захочет посмотреть на нашу встречу?

– Это неправильно! – Эпинэ и так терпел слишком долго. – Ответ должен передать тот, кто приказал повесить посла. Рыцарь отвечает за свои поступки сам, а не прячется за чужими спинами.

– Пустое, – кэналлиец улыбнулся, но на сей раз без своей обычной иронии. – Оллар – воспитанный человек, он знает, как обходиться с парламентом. Наш незаконнорожденный друг не пожелает выглядеть заходящимся от бессильной ярости дураком.

– И все равно я как член Высокого Совета требую, чтобы Рамиро Алва остался здесь. Если на то пошло, чем быстрее убьют Придда, тем дольше проживем мы все!

– Герцог Эпинэ, – Эрнани Ракан стукнул кулаком по столу, пожалуй, впервые за свои сорок восемь лет, – замолчите! Герцога Алва никто не неволит; если он откажется, Высокий Совет подумает над вашим предложением.

– Зачем мне отказываться от своих слов? – пожал плечами кэналлиец. – Если у марагонца есть хоть капля ума и гордости, он меня и пальцем не тронет. Ну а если что-то пойдет не так, герцог Эпинэ помянет меня в каких-нибудь молитвах.

3

...Все повторялось. Точно так же распахнулись ворота Полуденной башни, пропуская всадника в черном и синем. Точно так же посреди вытоптанного поля его ждал широкоплечий воин на могучем коне. Точно так же в лагере Оллара реяли знамена с Победителем Драконе, а с Королевской башни за встречей следили Эрнани Талигойский и его рыцари, среди которых был и Алан Окделл. Точно так же не было надежды. Никакой.

Единственным отличием было то, что и Бездомный Король, и властитель Кэналлоа сняли шлемы. С высоты в сорок бье²³ лица бастарда было не разглядеть, и Алану внезапно мучительно захотелось увидеть, каков с виду их будущий палач.

Оллар и Алва немного поговорили, затем Рамиро повернул коня. Ветер швырялся пылью, рвал с деревьев еще зеленые листья, трепал черные волосы кэналлийского soberano, треугольные флаги, хвосты и гривы коней.

Эрнани повернулся к Алану.

– Вам не кажется, что все повторяется?

– Я как раз думал об этом.

– Мне бы хотелось, чтобы мы всегда думали одинаково. Я не сразу решил, кому поручить столь щекотливое дело, но вы слишком прямодушны, Дорак стар, а Эпинэ излишне горяч.

– Да, – встрял Эктор Придд, – Человек Чести вряд ли смог бы стерпеть оскорбления ничтожного бастарда.

– Три месяца назад на этом самом месте вы их терпели, – сверкнул глазами Эрнани. – Оллару ответил лишь Алва.

– Ублюдку следовало об этом напомнить. – Генрих Гонт никогда не блистал умом. – Правильно, что ответ отвез именно кэналлиец.

Эктор гордо промолчал. Если б маршалу предложили выбирать между головой Бездомного Короля и головой Рамиро, он выбрал бы последнюю. Ревнив, как побитый молью ростовщик, женатый на танцовщице, – так, кажется, говорит Савиньяк...

Стражники раздвинули копы, пропуская вернувшегося посла. Смуглое лицо Алвы было невозмутимым.

– Вы передали письмо бастарду, герцог?

– Я исполнил приказ моего короля. Франциск Оллар получил то, что хотел.

– Благодарю вас, Алва. Вы оказали мне и Талигойе неоценимую услугу. Я и впредь рассчитываю на вашу руку и вашу голову. Проводите меня. Все свободны. Алан, Шарль, призываю вас к благоразумию. Мы еще не побеждены. Прощайте, господа. Доброй ночи.

Эрнани тяжело поднялся и оперся на руку кэналлийца. Рядом с южанином Эрнани казался серой тенью, тенью того, что исчезало навсегда. Если ничего не предпринять, они все исчезнут, больные и здоровые, старые и молодые, чистокровные и не очень. Если ничего не предпринять... Но что они, во имя Создателя, Четверых, Леворукого с его кошками, могут сделать? Что?!

---

²³ Один бье равен примерно 30 см.

Часть четвертая

*Кони мотают мордами.
Всадники мертвые.*

1

Когда в казармы ворвалась Женевьев, прошедший всю ночь на стенах Алан не сразу понял, что случилось, а случилась беда. Адепты Истины поймали на площади у комендантского дома котенка и, как это у них водится, принялись избивать своими посохами. Но страшным было не это, а то, что восьмилетний сын и наследник Окделлов ударил одного из проповедников кинжалом в спину и, похоже, убил. Герцог бросился к двери, но она оказалась заперта – верные слуги спасали господина то ли от гнева сбежавшей толпы, то ли от святотатства. Поняв, что высадить дубовое чудовище не удастся, Алан кинулся к окну. Он мог видеть, что творится внизу, но высота в полсотни бье и кованая решетка не позволяли броситься на помощь. Женевьев вцепилась ему в плечо, он этого не заметил. Там, внизу, непонятно откуда взявшаяся толпа готовилась растерзать его сына, а он ничего не мог сделать.

В странном оцепенении Повелитель Скал смотрел на сжимающего кинжал мальчика в центре стягивающегося кольца. И это в Новом городе, который он, герцог Окделл, защищает! Где его люди?! На стенах? В таверне? Живы ли? Как забрали такую власть фанатики в серых балахонах? Откуда столько злобы?

Просвистел брошенный кем-то камень, и Алан вздрогнул, словно целили в него, хотя, будь это так, он держался бы лучше. За первым булыжником полетел второй, третий. Истинник неистовствовал, размахивая своим посохом и призывая кары небесные на головы пособников Врага. Пока камни цели не достигали, но лишь пока...

– Прочь! Квальдэто цэра!²⁴

...Алан не понял, откуда вынырнул Рамиро Алва со своими рубаками, зато кэналлиец понял все. Южане обнажили клинки и рванулись сквозь толпу с яростью вебрей. Они, как и в день гайифского бунта, шли клином, прикрывая друг друга, и впереди всех рубился Рамиро. Несколько рук со все еще зажатыми в них камнями упали на землю, растрепанная баба взмыла в воздух и, пролетев пару шагов, врезалась в необъятное мужское брюхо, которое сделало бы честь любой беременной. Кто-то рассыпал непонятно откуда взявшиеся зеленые яблоки, и они, подскакивая, покатались по испятнанной кровью мостовой. Толпа зарычала и расступилась, на грязных камнях остались наследник Повелителя Скал, скребущий булыжники котенок, два проповедника, живой и мертвый, да герцог Алва с окровавленным мечом.

– Ты что-то говорил о проклятой крови и демонах? – Рамиро ухмылялся не хуже Повелителя Кошек. – И, кажется, я расслышал имя его величества?

– Горе чтящему древних демонов! – взвыл торквинианец, потрясая посохом. – Будет повержен он и...

Растрепанная голова с так и не закрывшимся ртом покатилась, будто еще одно чудовищное яблоко. Туловище в сером балахоне рухнуло рядом с затихшим котенком. Все замерло. Сейчас они или схватятся за колья, или разбегутся.

Рамиро Алва пнул ногой убитого и засмеялся.

– Если меня сейчас не убьет молнией, значит, я прикончил не святого, а бунтовщика и вражеского подсыла.

---

²⁴ Кэналлийское проклятие.

Окделл невольно поднял глаза – небо было высоким, синим и равнодушным. Высшим силам не было дела ни до «истинников», ни до котят.

– Прекрасно, – голос кэналлийца вернул Алана на землю, – Создателем я оправдан. А теперь считаю до ста. Если здесь кто-то останется, пеняйте на себя. Мои лучники не промахиваются.

Словно в ответ, что-то свистнуло, и стрела с черным оперением пригвоздила мертвую голову к земле, угодив в щель меж двух булыжников. Окделл поднял глаза и увидел на крыше стрелка в синем и черном. Видимо, вверх посмотрели многие, так как толпа стала стремительно редеть. Алва подошел к Дикону и взял было его за руку, но потом наклонился и поднял казавшегося тряпичным котенка. Мальчик что-то сказал герцогу, тот в ответ покачал головой – мол, ничего нельзя сделать. Лишь сейчас Алан понял, что его запястье все еще сжимают пальцы жены.

– Хвала Четверым, – Женеьев была слишком взволнована, чтобы следить за своими словами, – обошлось...

Именно что обошлось. Чудом. И чудо это опять сотворил кэналлийский полукровка, не задумываясь рубящий руки и головы. Кровь на юге стоит дешевле воды, не говоря уж о вине.

В Доре у «милосердников» настырно зазвонили колокола, призывая всех чтящих и ожидающих на вечернюю службу. Они что там, с ума сошли, сейчас нет и трех! Еще и труба запела... Разрубленный Змей! Алан с трудом разлепил глаза и не сразу им поверил. Не было ни Нижнего города, ни Женеьев, он лежал в собственной спальне, а за окном в самом деле звонили к вечерне. Да, разумеется, они же оставили город и затворились в Цитадели. Как глупо...

Выходит, ему все приснилось – «истинники», сжимающий кинжал Дикон, умирающий котенок, забрызганный чужой кровью Алва. Мерзкий сон, хоть и очень похожий на правду... Алан вздохнул и сел на постели, кое-как пригладив волосы. Как же он вчера устал, если не снял даже сапог, но нужно вставать и что-то делать, пока Придд и его приспешники не угробили всё и вся...

Повелитель Скал не понял, что именно его насторожило, но в спальне кто-то был! После вчерашнего можно было ожидать всего, в том числе и убийства. Регент явно не прочь избавиться от Окделла, Эпинэ и Алвы. Алан вскочил и тут же увидел отделившуюся от стены высокую фигуру.

Времени выяснять, кто и зачем к нему явился, не было, Окделл выхватил меч и бросился вперед. Незнакомец легко отбил удар и звонко расхохотался. Леворукий! Алан сразу его узнал, хотя Повелитель Кошек мало походил на демона, разве что глаза у него и впрямь были зелеными и чуть раскосыми, как у подвластных ему ночных тварей. Враг не стал атаковать. Не убирая меча, он прислонился к стене, с веселым любопытством разглядывая противника.

Странное дело, перед Аланом Окделлом было первородное Зло, но герцог не чувствовал ненависти, напротив, демон чем-то ему нравился. Только почему Леворукий ему казался веселым? Да, он улыбается, дразня ровными белоснежными зубами, но глаза не смеются, совсем не смеются.

– Чего ты ждешь от меня, Алан Окделл? – Повелитель Кошек вбросил меч в ножны и скрестил руки на груди. – Ты знаешь все. Выбор за тобой. Свободен ты или раб, решать тебе и только тебе.

– Я не жду от тебя ничего. – Почему так обидно? – И я тебя не звал.

– Звал. Потому что не можешь выбрать. Вернее, ты знаешь, что должен сделать, но ты сам связал себе ноги и повесил на шею камень. Сбрось его и иди вперед и вверх. Или оставь как есть и прыгай в омут.

– Камень? Какой камень?! – Повелитель Скал опустил глаза и увидел огромный булыжник, висевший на рыцарской цепи, ставшей толще раза в три. Так вот почему ему так тяжело...

«Честь истинного талигойца можно было бы уподобить бриллианту, если б земля могла рождать камни подобающей чистоты и размера. Честь истинного талигойца висит у него на шее, подобно рыцарской цепи, и нет потери горше, нежели потеря оной».

– Ты прав, – Леворукий вновь смеялся, – я говорю о твоей чести. Мертвой чести. Каменной чести. Глупой чести. Она мешает тебе, ведь твое сердце зовет тебя в иные дали.

Иные дали? Что там? Ветер в лицо, грохот вечно бьющихся о скалы волн, сверканье молний. Приближается гроза, нужно укрыться, отчего же ему не хочется уходить, а камень и впрямь мешает. Камень или честь?

Свет дробится о грани бриллианта. Бриллианта, в сравнении с которым знаменитое «Сердце Полудня» кажется жалкой галечкой. Бросить это?! Игра красок завораживает. Зеленоглазый лукав... Он сбивает рыцарей с прямой дороги на кривые темные тропы и смеется; он всегда смеется. Это его проклятье – Враг не может плакать, лишь смеяться, он не может миловать – лишь карать, он не может любить – лишь ненавидеть, он бессмертен, но «страшнее смерти жизнь его и тех, кого он избирает своими спутниками».

– Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой?

– Нет. Мои пути не назовешь счастливыми, и вам, людям, ими не пройти.

– Что же тебе нужно?

– Ничего. – Ворвавшийся в окно закатный ветер растрепал золотистые волосы. – Спроси свою совесть, что нужно тебе, и постарайся не лгать. Хотя бы себе самому.

Не лгать себе? Он, Алан Окделл, всегда был верен чести. Но что может знать о чести Леворукий? Покровитель предателей и сам предатель, тварь, единственная радость которой – морочить людей и сбивать их с праведного пути...

– Алан! – Шарло Эпинэ тряс его за плечо. – Не стоит спать на солнце, да еще после боя. Демоны приснятся...

– Уже, – хмыкнул Окделл, – и не какие-нибудь, а Повелитель Кошек собственной персоной.

Приснится же такое! Значит, город пока еще в их руках, хорошо бы и вчерашний Совет оказался сном.

– Шарло, скажи, только честно, ты мне не снишься?

– Нет вроде бы, – утешил Эпинэ. – Ну и о чем с тобой говорил Леворукий? Он в самом деле левша и носит красное и черное, или это вранье?

– Меч он держал в правой, – нехотя буркнул Окделл, – и был в красном... Сапоги у него, кажется, черные.

– Страшно было?

– Нет... Глупо, не могу отделаться от мысли, что он сказал что-то важное. Вернее, это я во сне понял, что не понимал наяву...

– Прости, что разбудил, но спать лучше в тени, а еще лучше в собственной постели. А то не только Зеленоглазого увидишь, но и Создателя верхом на крысе. Слушай, раз уж ты проснулся... Что будем делать с Приддом?

– А я-то надеялся, мне его регентство почудилось.

– Если бы! Не знаешь, где Алва?

– На укреплениях?

– Нет его ни там, ни у Октавии, а ей уже совсем пора...

– Думаешь, Придд?

– Ну не кошатник же твой!

2

Кэналлиец исчез. Алан не представлял, что Алва может надолго оставить жену, но Октавия была убеждена: ее герцог на стенах. Окделл не стал пугать молодую женщину, хотя надежда на то, что они когда-нибудь вновь услышат смех Рамиро, стремительно таяла. Спрашивать у регента или кансильера не имело смысла – если Придд и Ариго приложили руку к исчезновению южанина, концов не найдешь. Регент рассудил верно – убей Алву и спи спокойно... Пока тебя не проглотит мараговец. Даже наплюй Окделл с Эпинэ на свою честь и прикончи обнаглевшего Спрута, Талигойю без Алвы не спасти.

Шарло и Алан рыскали по самым глухим закоулкам, распугивая кошек и крыс, но ничего не находили. Глубокой ночью они сдались. Шарло поплелся на стены, Алан, умирая от усталости, добрался до Обители Скал, рухнул на постель и провалился во тьму, из которой его вырвали голоса Михаэля фок Варзов и оруженосца. С трудом всплыв на поверхность сонного озера, Окделл уставился на непроницаемое лицо старого рыцаря.

– Что-то случилось? Рамиро?!

– Да, но не то, что вы думаете. Герцог Алва жив... Алан, он сдал город и Цитадель Оллару...

– Нет!

– Придд и Ариго убиты. Собирайтесь, нужно успеть!

– Да-да, сейчас...

Сдал Кабитэлу?! Как ему удалось, хотя что удивляться? Кэналлиец знал город, как свои пять пальцев. С бастардом они, надо полагать, сговорились, когда Алва отвозил письмо. Да, все сходится... Эрнани под арбалетными стрелами выбрал «вчера», Рамиро – «завтра», а что делать ему, Алану Окделлу?!

– Чего вы хотите от меня?

– Помогите спасти королеву и наследника. Прочих Бездомный вряд ли тронет, но юный Ракан живым ему не нужен. Шевелитесь, нужно успеть.

Они успели. Королева, совершенно одетая, с сухими красными глазами, сидела на моленной скамье, вцепившись в руку наследного принца. В который раз за последние безумные дни Алану показалось, что он спит, только сон, каким бы дрянным он ни был, никогда не перешеголяет явь. Где-то что-то горело, едкий дым просачивался в молельню ее величества, выедавая глаза. За окнами явственно слышался шум приближающегося боя – кое-кто из защитников Цитадели предпочел умереть, но не сложить оружия.

– Ваше величество, мы с герцогом Окделлом имеем честь сопровождать вас в Агарис. – Граф фок Варзов не утратил своей обычной церемонности.

Вот как... В Агарис! А ты что думал? Что убьешь парочку выскочек, подсадишь королеву в портшез и вернешься домой? Ты не влюбленный мальчик, чтобы часами прощаться с женой. И, потом, Михаэль прав – Женевьев и Дикону ничего не грозит.

– Я счастлив служить вашему величеству.

Губы Бланш дрожали, но она нашла в себе силы поблагодарить. Во дворе что-то зашумело, раздался крик – Рамиро и Бездомный Король времени зря не тратили. Любопытно, как отсюда попасть в Агарис? Вряд ли их с Михаэлем мечей хватит, чтобы вырваться из города.

Королева подошла к старинному алтарю, где омываемый волнами Света Создатель хмуро взирал на двоих рыцарей, преждевременно увядшую женщину и бледного, пухлого мальчика. Неужели будет молиться?

Бланш преклонила колени перед алтарем, и одна из плит пола опустилась, открывая квадратный люк. Как же он забыл о знаменитой «Дороге королев»? Михаэль затеплил светильник

и начал спускаться, королева с принцем последовали за стариком, Алану выпало замыкать шествие.

Ход казался запущенным, но безопасным. Это в подземельях Гальтары бродят потомки изначальных тварей; там текут подземные реки, там расположен алтарь Четверых, ждущий жертв во славу Золотой империи и ее владык. К счастью, в Кабитэле нет места магии, не считать же за таковую человеческие подлость и хитрость.

Они шли, соразмеряя свои шаги с шагами женщины и ребенка, лужица света омывала серые камни, иногда в главный тоннель вливались боковые, но основной путь был отмечен особыми знаками.

Рамиро убил Придда... Был поединок, или регенту снесли голову, как безымянному гай-ифцу в шлеме с птичьей головой? Интересно, с кем Эпинэ и Савиньяк? Где они? Где Эрнани? Как Михаэль узнал о предательстве?

Еще один поворот, пятый или шестой, Алан не следил. Казалось, он идет целую вечность, видя впереди пытящего мальчишку и головной убор королевы, которому светильник Михаэля придает сходство с нимбом. Есть ли у них деньги? Без золота до Агариса не добраться, хотя королева несет какой-то сверток... Женщина всегда помнит то, о чем мужчины забывают, но в Агарис он не поедет. Он поможет Михаэлю найти лошадей и вернется. Место герцога Окделла в Талигойе, он не желает становиться изгнанником. Да, будет трудно, но Бездомный Король лучше бунтующих толп и озверевших «истинников».

Коридор сменился пологой лестницей, в свою очередь упершейся в стену, на которой красовался герб Раканов. Королева вновь что-то нажала, открывая проход. Было совсем светло, и с высоты холма, на котором оказались беглецы, открывался вид на дорогу, спускающиеся к реке огороды, какую-то деревню.

Они выбрались наружу, и Бланш тяжело опустилась на нагретый осенним солнцем валун, властным движением указав спутникам на соседние камни. Она не была красавицей, бывшая талигойская королева, но ее величия хватило бы на нескольких государынь.

– В придорожной гостинице должны быть лошади, – нарушил молчание Михаэль.

– Не сомневаюсь. – Разрубленный Змей, это все-таки не сон! – Ваше величество, после того как мы договоримся с хозяином лошадей, я попрошу у моей королевы разрешения ее покинуть.

– Разумеется, герцог. – Глаза Бланш Ракан нехорошо блеснули. – Теперь я спокойна – мой супруг и маршал Придд будут отмщены.

Он не ослышался? Эрнани мертв?! Алану и в голову не могло прийти, что Михаэль скроет смерть короля и скажет про маршала. А он-то решил, что Эрнани в плену, – фок Варзов так уверенно говорил, что бастард никого не тронет...

– Ваше величество... Я не знал...

– Вот как? – голос королевы стал жестким. – В таком случае узнайте, что Алва продал нас марагонскому ублюдку и убил своего короля. Сперва короля, потом – регента! Теперь он талигойский маршал! Цареубийца и предатель!

– Михаэль, – Леворукий, сделай, чтобы это было не так, и я отдам тебе душу, – это правда?

– Увы, – вздохнул старый рыцарь, – Эрнани мертв, заколот... Я видел его. Смерть была легкой.

– Это сделал Рамиро?

– Трудно сказать. Он был у его величества, и он последним из известных нам людей видел его живым, но это ничего не доказывает.

Для Михаэля – возможно. Старик не был в Старом городе во время бунта и не видел, как кэналлиец убивает.

– Ваше величество, клянусь, что убийца, кем бы он ни был, не уйдет. Моя королева откроет мне дверь?

– Да пребудет над вами мое благословенье, герцог! Вам нет нужды возвращаться в мою молельню – у развилки, помеченной тройной короной, сверните направо. Вы попадете в королевскую приемную. Чтобы выйти наружу, достаточно прижать медную стрелку и, когда она уйдет в камень, толкнуть дверь.

Дорога назад тянулась и тянулась, но кончилась и она. Алан, собираясь с силами, прислонился к сырому шероховатому камню. Если нажать короткую блестящую стрелку, пути назад не будет! Сейчас еще можно уйти, в конце концов, все уже случилось, ничего не изменить! Да, он может уйти, но не уйдет, потому что подлость и предательство не должны оставаться безнаказанными. Не должны, иначе зачем жить, дышать, надеяться?! Что он скажет Дикону? Что клятвы существуют для того, чтобы их нарушать, цель оправдывает средства, а удары в чужие спины лучше не замечать? А ведь он едва не пошел за человеком, для которого нет никаких запретов. Маршал Талигойи... Разрубленный Змей!

Придд оказался прав, а они с Шарло ошибались, признав морисского выродка своим. Алва обманул всех – и хитрых, и бесхитростных. Вдвоем с Бездомным Королем они не просто подомнут Талигойю, они пройдут от Багряных Земель до Полночного моря, основав на месте бывшей Золотой империи королевство подлости. Этим двоим нужно остановить, и он, Алан Окделл, сделает это! Лучше никакое «сегодня», чем кровавое завтра.

Повелитель Скал просчитал до шестнадцати и нажал на медную пластинку, которая сразу же поддалась.

3

Приемная Эрнани не походила сама на себя. Чужаки в разномастных доспехах пилились на гобелены, примеряли к руке королевское оружие, громко переговаривались и хохотали. Они чувствовали себя хозяевами. Закатные твари, да они и были хозяевами! Время Эрнани, время негромких разговоров и приглушенного света, ушло. Алан почувствовал себя совой, вытащенной из дупла и оказавшейся на ярком солнце среди наглых дневных птиц.

– Еще один!

Кто-то рыжий и крепкий, с похожим на огурец носом, рванул к нему, выхватывая меч и одновременно подавая знак своим людям.

– Оставьте. – Негромкого оклика оказалось довольно. Рыжий нехотя отступил, и Алан увидел Рамиро. Изменник был без доспехов, его голову и левую руку украшали свежие повязки; надо полагать, во время уличного боя он, по своему обыкновению, дрался в первых рядах.

Кэналлиец был здесь своим... Не просто своим – чужаки признали в нем вожака. Все они, не раз сменившие хозяев, ненавидевшие старую знать и мечтавшие с ней сравняться, приняли предателя в свою стаю. Хотя для сторонников бастарда Алва был не предателем, а волком-одиночкой, сперва доказавшим свою силу в схватке с Франциском, а потом открывшим городские ворота. Для захватчиков это не подлость, а подвиг. Что значит для них смерть Эрнани?! Эрнани, возвысившего полукровку и тем самым подписавшего смертный приговор себе и Талигойе. Бедный Эрнани, счастливый Эрнани – он не видит, как по его дворцу бродят довольные собой ублюдки.

– Откуда вы выскочили, Алан? – Разрубленный Змей! У него хватает наглости не опускать глаз. – Надо заметить, время и место весьма неудачные; если б меня тут не оказалось, у вас были бы неприятности.

– Но вы тут, так что я оказался именно там и тогда, где хотел.

– Я рад. – Алва ослепительно улыбнулся. Так вот отчего ухмылка Зеленоглазого казалась такой знакомой. Сон был пророческим, просто он его не понял... – Не думаю, что вам так уж хочется видеть Оллара. Ступайте к герцогине, я дам вам провожатых, а вечером мы все обсудим.

«Все обсудим?» Нечего им больше обсуждать. Нечего! Убийца и предатель, у которого хватает наглости делать вид, что ничего не случилось. Хотя откуда у этой твари совесть?! «Не поворачивайся спиной к мориску!» А они повернулись, и Эрнани, и Шарло, и он сам... Приняли выродка за Человека Чести!

– Ответьте только на один вопрос. Я знаю, Эрнани мертв. Его убили вы?

– Не здесь. – На точеном лице проступила досада. – Его убил я, но...

Кинжал Алана не дал убийце закончить. В черных глазах мелькнуло удивление и... и что-то еще. Не страх, не боль и не раскаянье... Зажимая рукой рану, Алва, шатаясь, опустился на ковер, алая ткань сливалась с кровью, делая ее незаметной. Казалось, герцог просто прилег отдохнуть.

– Алан, – Рамиро заговорил быстро, глотая слова, – вы глупец... Эрнани... Неважно... Главное, что... – Он осекся на полуслове, давешний здоровяк навалился на Окделла, заламывая ему руки, и почти сразу же раздался властный голос:

– Что тут происходит?!

Франциск Оллар не мог бы выбрать для своего появления более уместного момента. Среднего роста, коренастый и очень сильный, он вошел в приемную Раканов, как входят к себе домой. Чтобы понять, в чем дело, бастарду хватило одного взгляда.

– Вижу!

Не обращая внимания ни на кого, марагонец опустился на одно колено перед Рамиро и взял его за руку.

– Вы – Первый маршал Талига и герцог Кэналлоа.

– Нет, Франциск, – Алва все-таки улыбнулся, – я мертвец... Неплохой маршал выйдет из Эпинэ... если вы его укротите... Вернее, убедите, что Талигойя не кончилась, а начинается... Савиньяк тоже неплох... Берхайм – дурак, Карлион и Гонт – тем более...

– Я поговорю с Эпинэ. – Голос нового короля был уверенным и спокойным. – Что я могу сделать для вас?

– Моя жена... и ребенок... Он должен вот-вот родиться... Отродью предателя придется несладко...

– Первый маршал Талига не может быть предателем.

– Не может... но есть, – губы кэналлийца искривила последняя в его жизни усмешка, – однако я... не жалею... почти...

Оллар сорвал с плеч плащ, накрыл убитого и повернулся к своим людям.

– Как это было?

Высокий человек грубоватой наружности выступил вперед.

– Мой государь... – Алан вздрогнул, поняв, что эти слова обращены к плотному молодому человеку с круглыми птичьими глазами. Старый мир кончился, ушел в никуда вместе с Эрнани, все остальное не имело никакого смысла, ему, по крайней мере, среди живых места не было.

– Мой государь, Алва ждал вас, мы с ним говорили обо всех этих странностях с крысами и о том, как воюют на юге. Потом откуда-то выскочил вот этот, – рассказчик отнюдь не придворным жестом кивнул на Окделла. – Мánрик велел его взять, Алва сказал, что не нужно, и пошел к нему. Мы подумали, они друзья, а он... Он ударил кинжалом. Ну, Манрик его схватил, только поздно было.

– Убийца не сопротивлялся?

– Нет.

Оллар повернулся к Алану.

– Что вы скажете в свое оправдание?

– Убить изменника – долг Человека Чести! Мне не в чем оправдываться, тем более перед узурпатором и бастардом.

– Маршал Алва был верен Талигу и его королю. – Глаза марагонца злобно сверкнули. – Я не Человек Чести, и мне не нравится, когда на протянутую руку отвечают ударом кинжала. Вы умрете, и немедленно.

– Я в этом не сомневался, – наклонил голову Алан. – Умереть в один день с Талигойей большая честь.

– Да, – бросил Оллар, – Талигойя умерла. Давно пора. Зато родился Талиг. Вы с вашей честью и вашими предрассудками пережили самих себя. Рамиро Алва это понял.

Алан Окделл это понял не хуже, но есть вещи, которые нельзя предавать, – дружба, доверие, совесть. Если б они с Шарло не доверяли предателю, король был бы жив, но им и в голову не приходило...

Нельзя бить в спину тех, кто верит тебе и в тебя! Если бы Рамиро во всем признался... Пусть он решился сдать город на Совете или по дороге к Оллари, но, сговорившись с бастардом, должен был рассказать... Алан понял бы, он сам был почти готов открыть ворота, лишь бы остановить Придда, но убийство Эрнани зачеркнуло все. Такое не прощают.

– Я могу проститься с женой и сыном?

– Маршал Алва умер, не увидев своего наследника. Своего вы тоже не увидите. – Франциск возвысил голос. – Пусть бумагомайки запишут. Убийца никогда не получит того, чего лишился убитый, особенно если речь идет о наследстве. Если со смертью законного наследника его имущество по старшинству должно перейти к убийце, ни он, ни его семья не получают ничего. Если других наследников не отыщется, все отойдет короне.

Этот и впрямь усидит на троне... Алан с ненавистью взглянул на коренастого чужака. Оллара нельзя было назвать красавцем, но он принадлежал к людям, которых, раз увидев, забыть невозможно. Он пришел надолго, он и его вояки. Бездомный Король победил, грязь выбилась во владыки, теперь в руках ублюдка жизнь и смерть всех Людей Чести...

Окделл зло усмехнулся в ответ на угрюмый взгляд Манрика. Они могут его убить, и они его убьют, но герцог Окделл умрет, как и жил, Повелителем Скал, а они останутся безродными псами. Жаль, он не увидит Дикона, он должен передать ему... Что передать? Глупые, ничего не значащие слова, которые никого не защитили и никому не помогли? Медальон, что разглядывал Рамиро Алва? Мальчишке и так *придется несладко* – сыновьям казенных врагов труднее, чем их отцам, незачем тащить на себе еще и отслужившую свое шелуху.

– Алан!

Женевьев! Откуда?!

Герцогиня Окделл разъяренной кобылицей с родового герба прорвалась сквозь вооруженную толпу и повисла на шее мужа.

– Алан, – так она еще на него не смотрела, – я хочу, чтобы ты знал! Я люблю тебя и всегда любила...

Всегда? Может быть... Люди Чести скрывают свои чувства. Она его любила, а он? Нет, он ее не любил, он никого не любил, не выпало ему этого счастья! Ни любви, ни дружбы, ни смысла, ничего!

От необходимости лгать Алана избавили прихвостни бастарда, они действовали грубо, но Окделл был им почти благодарен. Когда все идет прахом, единственный выход – умереть с высоко поднятой головой. Создатель разберет, в чем новопреставленный раб Его прав, а в чем – виновен. Герцог быстро взглянул на жену, та уже овладела собой – фамильная гордость взяла свое. Алан очень надеялся, что Женевьев сможет сохранить себя и детей.

Манрик подтолкнул его к выходу, и Алан Окделл вздернул подбородок, в последний раз проходя приемной Эрнани. Проходя мимо окна, он краем глаза заметил человека в алом. Только не это! Он хочет умереть в здравом рассудке. Леворукий – выдумка, такая же, как Четверо, а у окна стоит очередной приспешник Оллара, вырядившийся в красное. Мало ли в мире высоких и золотоволосых, а лица он не рассмотрел.

Последним желанием герцога Окделла было оглянуться и убедиться, что у золотоволосого обычные человеческие глаза, но Повелитель Скал не мог себе этого позволить – бастард и его свора могли истолковать его жест как страх или надежду. Люди Чести умирают как жили, не оглядываясь и не опуская головы. Алан сдержал порыв и, не сбиваясь с шага, навсегда покинул королевский дворец.

Эпилог

«...В пятом часу пополудни...»

В песочных часах равнодушно перетекала вниз золотистая сухая струйка, в витражи рвалось солнце, его лучи были алыми, лиловыми, синими, золотыми... Было очень тихо, лишь иногда звякало оружие. Франциск своими круглыми, как у птицы, глазами смотрел на очень бледную женщину и слегка улыбался. Послышались шаги, распахнулась дверь, и рыжий воин неуклюже преклонил колено перед сюзереном.

– Казнь свершилась?

– Да, государь.

– Как она прошла?

– Очень просто. Убийца не причинил нам хлопот.

– Он что-то сказал?

– Ничего, государь.

– Я так и думал. Такие или говорят очень много, или не говорят вовсе. Не правда ли, эрэа? Темно-карие глаза Женевьев сверкнули.

– Будьте вы прокляты!..

– За такие слова снимают голову, – равнодушно произнес победитель, – но вы только что овдовели, а горе лишает рассудка. К счастью для вас, оно будет недолгим. Я даю вам другого мужа. Ларак, подойдите.

Хмурый, еще не старый человек со шрамом на щеке вышел вперед.

– Вы заслужили право на титул, владения и красивую жену. Согласны ли вы утешить эту эрэа и взять на себя защиту ее детей от первого, весьма неудачного, брака?

– Я постараюсь возместить ей ее утрату.

– Не сомневаюсь. – Франциск улыбнулся, показав крупные зубы. – В будущем году я намерен стать избранным отцом²⁵ ребенка, который со временем получит Надор. Подайте руку невесте и ведите ее в часовню, кажется, это в западном крыле... Начинайте обряд, я проводаю рожицу и присоединюсь.

Женевьев Окделл смотрела на жениха с ужасом и ненавистью, однако молчала. Надо полагать – вспомнила о детях. Ларак крепко взял герцогиню под локоть, и она безропотно пошла за ним.

Франциск Оллар улыбнулся еще раз:

– Положите Первого маршала Талига Рамиро Алву рядом с Эрнани Раканом и распорядитесь о похоронах.

Новый повелитель Талигойи повернулся и стремительно вышел. Франциск Оллар все делал стремительно и уверенно, даже когда никуда не спешил или сомневался в принятом решении. Сейчас сомневаться было не в чем, но дела торопили.

Новоявленный король не собирался задерживаться у вдовы – он не любил иметь дело с рыдающими женщинами. Только клятва есть клятва, особенно если это клятва короля умирающему, данная на глазах соратников и знатных пленников. Талиг должен знать – его величество Франциск Первый не забывает оказанных услуг и безжалостно карает тех, кто поднимает руку на его друзей. С Эпинэ он поговорит завтра или послезавтра, когда тот немного успокоится. Люди Чести чуть не погубили королевство и себя; те, у кого в голове есть хоть что-то, должны это понять.

---

²⁵ *Избранный отец* – избранный родителями человек (если говорить о дворянстве, чаще всего сюзерен), который при Наречении представляет ребенка Создателю, после чего принимает его под свое покровительство.

Скорым шагом спускаясь по лестнице и пересекая двор, Оллар думал уже о другом. Мысли победителя занимал разговор с епископом Кабитэлы.

Без церкви не обойтись, но она должна знать свое место! Отныне главой клира будет король, ну а кардинал... Кардинал получит все, кроме права лезть в дела королевства. Если его преосвященство не дурак, он поймет, что выгодней и безопасней подчиняться одному-единственному королю, а не зависеть от агарисской своры. Нынешние кардиналы и главы орденов мрут как мухи, а их имущество перетекает в бездонные карманы его святейшества и иже с ним.

Как же зовут вдову Рамиро? Жаль, если она родит девочку. Новый король не сомневался – огрызки Людей Чести не простят кэналлийцам измены, значит, Алва будут верны Олларам, а короне Алва нужны – чужака Кэналлоа не примет. Кэналлоа – это выход в Багряные Земли. Как не вовремя этот болван убил Рамиро, такие полководцы – удача для любого короля, да и с морисками через собрано договориться было бы проще. Пусть думают, что хотят, но союз с Багряными Землями безопасней лобызаний с Агарисом! Как же все-таки зовут герцогиню? Октавия! Девочка, подобранная Рамиро на дороге... Очередной плевок в сторону выродившихся спесивых болванов.

Так и надо жить, как жил кэналлийский герцог, – ничего не боясь и ни на кого не оглядываясь! Октавии Алва будут оказаны все почести, причитающиеся вдовствующей герцогине, чей муж оказал большую услугу короне. Пусть видят, что король умеет быть благодарным... А его уже ждут! Церковники всегда умудряются узнавать новости первыми и держать нос по ветру.

Подобострастная, похожая на старую клячу аббатиса монастыря святой Катарины, в одной из келий которого лежала герцогиня, медовым голосом сообщила, что родился мальчик и роды прошли благополучно. Это было добрым предзнаменованием. Бывший ублюдок, ныне именуемый талигойским королем, торжественно прошествовал по прохладному коридору, выслушивая благодные причитания навязавшейся в провожатые «клячи».

– Ваше величество, – аббатиса с видимым усилием распахнула тяжелую дверь, – это здесь.

– Благодарю. – Победитель шагнул в залитую заходящим солнцем комнату, где суеилось несколько человек. Роженица лежала на монашеской постели без балдахина. Король увидел роскошную пепельную косу и тонкую руку, не уступающую белизной алатскому полотну.

– Дочь моя, – подала голос старуха, – это я, мать Амалия. Вас пожелал видеть его...

Франциск властным жестом остановил «клячу», и та, пятясь, отступила к стене.

Бездомный Король давно научился производить именно то впечатление, которое хотел. Сейчас он был государем, взявшим под свое крыло вдову друга и соратника. Придав лицу соответствующее выражение, Оллар произнес со всей мягкостью, на какую был способен:

– Сударыня, я счастлив поздравить вас с рождением сына.

Женщина на постели повернулась, сделав робкую попытку подняться, пресеченную бдительным лекарем, и подняла на гостя светящийся взгляд.

– Благодарю вас, сударь.

У Оллара загодя была припасена и вторая приличествующая случаю фраза, но победитель внезапно утратил дар речи. Возможно, в этом мире были женщины красивее молодой вдовы, которая еще не знала, что она вдова. Даже наверняка, но какое дело до этого Франциску Оллару?!

– Сударь, вы – друг Рамиро? Где он?

Бездомный Король был человеком жестким, даже жестоким, но сказать правду отчего-то не мог. Октавия смотрела на незнакомца ясными синими глазами и ждала, а он молчал. Он нашел свою королеву, но не мог ей об этом сказать, он вообще не знал, что говорить.

– Вы – друг Рамиро? – повторила Октавия. – Он не может прийти?

– Да, я друг Рамиро, и он не может прийти, – подтвердил Франциск. – Вы уже решили, как назовете сына?

– Нет, – она казалась удивленной, – имя ребенку дает отец. Но, сударь, все же вы...

– Я – новый король Талига. – Странно, почему радость от этого обстоятельства куда-то делась. Новый король Талига – одинокий король Талига... Он будет одинок, сколько б дворян ни вилось у его трона и сколько б красавиц ни побывало в его постели, если только эта синеглазая женщина не забудет свою потерю.

– Рамиро... Он... Он мертв? Кто его убил?.. Вы?!

– Не я. Рамиро Алва оказал мне и Талигу неоценимую услугу. Я любил его и был бы счастлив видеть своим маршалом. Надеюсь, со временем это место займет его сын. Вы позволите мне взять его и вас под свое покровительство? Я... Сударыня!

И без того бледное лицо стало вовсе белым, и Октавия упала на подушки. Подбежала повитуха, кто-то громко закричал, кто-то принялся бормотать молитвы. Франциску следовало оставить герцогиню на попечение старух и врачей и вернуться к делам – захватить власть трудно, удержать ее еще труднее. Он так долго шел к этому дню и не может в решающий момент выпустить вожжи ни на мгновение. Оллар железной рукой схватил за плечо кого-то дородного в лекарском балахоне.

– Что с ней?

– Обморок, – проблеял тот, – у эрэа слабое сердце, а тут такое потрясение... Эрэа очень привязана к мужу...

Привязана к мужу, а муж был привязан к ней и нерожденному ребенку, которым эти заносчивые уроды велели не жить. Но теперь эти уроды – его, Франциска, подданные.

– Если с ней все будет в порядке, получишь дворянство, – проникновенно сказал новый король, – нет – повешу.

Лекарь что-то забормотал, но победитель уже вышел, придержав тугую дверь. Будь Рамиро Алва жив, король со временем послал бы красавца-маршала на красивую смерть, но к уже убитому испытывал лишь благодарность и скорбел по несостоявшейся дружбе.

Топтавшийся на пороге оруженосец торопливо доложил, что в часовне все готово к венчанию, а в Коронационном храме – к поминальной службе. Франциск что-то буркнул и, тяжело ступая, пошел по гулкому коридору, не обратив никакого внимания на шарахнувшуюся из-под ног здоровенную крысу.

Отмеченная монаршим вниманием герцогиня осталась лежать с закрытыми глазами среди суевившихся слуг, число которых стремительно возрастало. Лежать, прижимая к наливающейся молоком груди руку с обручальным браслетом. Рамиро умер, она тоже умерла, только этого никто не заметил.

Ветер лениво шевелил полотняные занавеси, сиделка-монахиня перебирала четки, озабоченный лекарь что-то смешивал в костяной чаше. Через распахнутое окно донесся звон сигнального колокола – пять часов пополудни...

Пять часов... В соседней комнате мирно спит ребенок, которому суждено жить с двойным клеймом – сына предателя и пасынка чужеземного короля.

Пять часов... В наспех прибранной часовне вдова будущего мученика и святого, глядя в глаза перепуганному священнику, тихо произносит «да», отдавая руку чужаку, от которого ей предстоит родить семерых Людей Чести.

Пять часов... Запертый в казармах граф Карлион в сотый раз объясняет графу Тристраму, что с самого начала знал, что Алва – предатель.

Пять часов... Епископ Ариán, преклонив колени перед алтарем, не столько молится об упокоении душ новопреставленных, сколько обдумывает предложение Франциска порвать с Агарисом и стать главой новой церкви. Еще не маршал Шарль Эпинэ в нерешительности стоит

на краю Коронной площади, решая, войти ли в храм у всех на глазах или же проститься с Рамиро ночью, когда этого никто не увидит.

Пять часов... Королева Бланш и ее сын в придорожной харчевне ждут, когда Михаэль фок Варзов добудет им хлеба и сыра, на конюшне тяжело поводят боками уставшие лошади, а в небе сгущаются тучи – к вечеру зарядит нудный холодный дождь.

Пять часов... Кровь во дворце смыта, испорченные ковры заменены, над тронном развешаны знамена с Победителем Дракона. Скоро хронисты всех стран запишут, что в третий день Осенних Ветров 399 года Круга Молний Франциск Оллар захватил столицу Талигойского королевства Кабитэлу, одним махом покончив и со старой династией, и с позорной кличкой «Бездомный Король». Они много чего напишут...

Красное на красном

Часть I. «Башня»²⁶

Человек никогда не бывает так счастлив или так несчастлив, как это кажется ему самому.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

Глава 1

**Талиг. Окрестности Оллари
397 год К.С. 1-й день Осенних Волн**

1

Осень 397 года круга Скал выдалась хмурой и слякотной. Серое небо, словно бы укутанное грязным войлоком, нависало над раскисшими дорогами. На проселках лошади вязли чуть

---

²⁶ «Разрушенная башня» («Удар молнии») – высший аркан Таро. Рядом с хорошими картами означает окончание черной полосы в жизни, избавление от тяжелого груза. При дурном раскладе эта же карта предрекает потерю счастья, уничтожение, хаос. Перевернутая карта (далее П.К.) указывает на зависимость от существующих обстоятельств, ограниченность возможностей. Вы вынужденно идете старой дорогой, не в силах ничего изменить.

ли не по колено, но и столичный тракт выглядел немногим лучше. В такую погоду путешествуют либо по большой охоте, которая, как известно, пуще неволи, либо по необходимости. Злые, заляпанные грязью путники, измотанные кони и мулы, чавкающая, вязкая грязь, мокрые деревья у обочин, воронье в низком небе – все это напрочь лишало окрестности Оллáрии неоднократно воспетой поэтами и трубадурами прелести. Добровольно обрекшие себя на дорогу непоседы – и те глядели по сторонам безо всякой радости, что уж говорить о тех, кого впереди не ждало ничего хорошего. Летом яркое солнце и сочная зелень скрасят любую неприятность, осенью, особенно столь унылой, даже воображаемые напасти кажутся ужасными и неотвратимыми. Неудивительно, что шестнадцатилетний Ричард Окделл взирал на мир отнюдь не радостными глазами.

Юноша никогда не бывал в столице, но уже ненавидел ее всей душой. Единственный сын предательски убитого четыре года назад герцога Эгмонта до последнего надеялся остаться в родном Надоре. Увы, вдовствующая герцогиня была неумолима. Корона требовала, чтобы Ричард Окделл, как и пристало высокородному дворянину, прошел школу оруженосцев, – значит, так тому и быть. Граф Ларак, родич и опекун Дика, пытался отстоять внучатого племянника – не вышло. Мирабелла Окделл обладала железной волей. Ларак сдался, хотя по закону решал он, и только он.

Матушка объясняла сыну и наследнику, в чем его долг, несколько дней; Ричард почти не слушал. Судьба одарила юношу весьма сомнительным свойством – смелый и порывистый, Дик умудрялся переживать все радости и неудачи загодя, причем грядущие беды в его глазах выглядели ужаснее, чем на самом деле. Вот и полгода в знаменитом на весь Талиг поместье Лáик, чаще называемом «Жеребьячим загоном», казались юному герцогу страшнее чумы и войны. Впрочем, на сей раз воображение и рассудок друг другу не противоречили. Жить среди врагов, подвергаясь оскорблениям и не имея права ответить ударом на удар, – что для дворянина может быть горше?!

Дикон не сомневался – королевские лизоблюды сделают все, чтобы превратить жизнь сына Эгмонта в пытку. Мать и ее духовник год за годом твердят о терпении – «кольчуге сильного», но с терпением у Повелителей Скал всегда было худо. Молодой человек тоскливо глядел на вырставшие из серой мути башни Оллáрии. Разбитая дорога поворачивала и шла вдоль стены к воротам, у которых собралась небольшая толпа.

Попасть в столицу было непросто – стражники в шлемах и кирасах придирчиво рассматривали путников. Мелких торговцев и крестьян пропускали, взяв с них и с их товаров положенную мзду, а дворянам и серьезным негодьям приходилось называть писарям имя и цель приезда. Так повелось со времен Франциска Оллара. Узурпатор отобрал у побежденных не только свободу и гордость, но и веру, и имена. Кабитэла стала Оллáрией, Талигойя – Талигом, а ее жители – подданными чужеземной династии. Король Оллáр сидел на троне и теперь, хотя потомки Победителя Дракона давно выродились и управились бы разве что с ызаргом²⁷.

– Запомните, Ричард, – граф Ларак вырвал подопечного из невеселых раздумий о прошлом и еще менее приятных мыслей о будущем, – для всех мы прибыли не сегодня вечером, а завтра утром. Окделлам нельзя появляться в столице без особого разрешения и задерживаться дольше, чем требуется. Я должен без промедления передать вас с рук на руки капитану Лаик, но мы поступим иначе. Конечно, мы рискуем, но...

– Я буду молчать.

– От вашей скромности зависит очень многое. Даже если у вас появятся друзья, они не должны знать о вашей встрече с кансильером.

– Так мы едем к Шта́нцлеру?!

²⁷ Небольшое степное животное, питающееся падалью. Символ трусости и подлости.

– К графу Штанцлеру, Дикон. Вас ждет хороший вечер и знакомство с настоящим другом, но учтите – тайно принимая сына Эгмонта, он рискует больше нашего.

– Я понял, – заверил юный герцог. – Я никому не скажу.

– Надеюсь. Нам выпало жить во времена стервятников, такие люди, как Август Штанцлер, наперечет. Они слишком драгоценны, чтобы ими рисковать. Я не хотел ставить кансильера под удар, но он весьма настойчив, если не сказать упрям.

– Поэтому мы и поехали впереди свиты и в чужих плащах?

– Да. У ворот Роз нас встретит человек Штанцлера и проводит к нему.

– Ворота Роз? Это уже они?

– Да. Придержите лошадь, мы приехали точно к назначенному времени.

Ричард послушно остановил измученного Баловника. Жеребец был, мягко говоря, не из лучших, но нынешнее положение Окделлов требовало если не самоуничтожения, то скромности. Молодой человек знал, что без заступничества кансильера и королевы семье мятежника пришлось бы еще хуже, но вообразить это «хуже» было трудно.

– Не пожертвуют ли добрые господа на храм Святой Октавии Олларийской? – Герцог, вздрогнув, устался на ухватившегося за его стремя человека в олларрианском черном балахоне и торопливо вытащил монетку. Окделлы, как и большинство Людей Чести²⁸, тайно исповедовали эсператизм и потому, несмотря на стесненные обстоятельства, редко отказывали жадным святошам. Истинная вера в Талиге была под запретом, равно как и Честь.

– Святая Октавия не забудет вашей щедрости, – заверил клирик, опуская суан²⁹ в опечатанную глиняную кружку, и зашептал: – Поезжайте вдоль городской стены. Увидите гостиницу «Мерин и кобыла», спросите две комнаты окнами во двор и ждите.

Олларианец отпустил стремя Дика и завел свою песню о жертвоприношениях перед каким-то торговцем.

– Ричард, – в голосе опекуна слышалась тревога, – учитесь властвовать собой, на вашем лице все написано. Впрочем, чего еще ждать от сына Эгмонта? Поехали!

2

Гостиница «Мерин и кобыла» оказалась небольшой и уютной. На вывеске красовалась игривая молодая кобылка, за которой уныло наблюдал седой от старости мерин. Вывеска была веселой, физиономия трактирщика – тоже. Граф Ларак занял две предложенные ему комнаты и заказал туда баранину, тушеные овощи и красное вино. Дик наслаждался отдыхом, не слишком веря, что кансильер почтит своим вниманием придорожную гостиницу, но он ошибся. Едва на ближайшей колокольне отзвонили десять, как в дверь коротко и властно постучали. Ричард отворил, и на пороге возник еще один клирик, пожилой и тучный.

Переступив порог, олларрианец отбросил капюшон, открыв некрасивое отечное лицо – впрочем, умное и приятное. Глубоко посаженные глаза гостя подозрительно блеснули.

– Дикон! Совсем большой... Одно лицо с Эгмонтом, разве что волосы потемнее. Эйвон, вам не следовало соглашаться на эту авантюру.

– Я был против, но кузина считает, что Окделлы не могут отказаться, когда их призывает Талигойя.

– Талигойя. – Густые брови кансильера сдвинулись к переносице. – Талигойя, вернее, Талиг безмолвствует. Ричарда вызвал кардинал. Что у аспиды³⁰ на уме, не знаю, но добра вам он не желает. Ричард, – Август Штанцлер пристально посмотрел на юношу, – постарайся понять

²⁸ В описываемое время Людьми Чести называли себя потомки доолларовской аристократии, находящиеся в явной или тайной оппозиции к правящей династии.

²⁹ *Suain* – мелкая серебряная монета.

³⁰ Намек на черные олларрианские одеяния.

и запомнить то, что я скажу. Самое главное – научиться ждать. Твое время еще придет. Я понимаю, что Окделлы ни перед кем не опускают глаз, но ты должен. Ради того, чтобы Талиг вновь стал Талигойей. Обещай мне, что последуешь моему совету!

– Обещаю, – не слишком уверенно пробормотал Ричард. – Но если они...

– Что бы они ни болтали, молчи и делай, что приказано. Ты хороший боец?

– Со временем он превзойдет Эгмонта, – вмешался Эйвон, – но пока его подводит горячность.

– Я бы предпочел, чтобы он превзошел Ворона, – вздохнул кансильер, – но это вряд ли возможно. Дик, постарайся употребить эти месяцы на то, чтобы догнать и перегнать большинство своих товарищей. Смотри на них, пытайся понять, что они за люди, возможно, от этого когда-нибудь будет зависеть твоя жизнь.

Помни, в Лаик нет герцогов, графов, баронов, нет Окделлов, Приддов, Савиньяков, Рафиано. У тебя останется только церковное имя, родовое ты вновь обретишь в день святого Фабиана³¹. Тогда же будет решено, оставят тебя в столице или отправят домой. Я постараюсь не терять тебя из виду, но в «загон» мне и моим людям доступа нет. Через четыре месяца унары³² получают право встречаться с родичами, но до тех пор ты будешь волчком на псарне. Это очень непростое положение, но ты – Окделл, и ты выдержишь. Я старый человек, однако с радостью отдал бы оставшиеся мне годы за то, чтобы увидеть на троне законного короля, а на плахе – Дорака. Увы, пока это невозможно.

Терпят все – ее величество, твоя матушка, граф Эйвон, а я... я пью с мерзавцами вино и говорю о погоде и налогах. Потерпишь и ты, хотя придется тебе несладко. Твои будущие товарищи, кроме молодого Придда и пары дикарей из Торки, принадлежат к вражеским фамилиям. Начальник «загона» капитан Арамона метит в полковники гвардии. Он лебезит перед теми, кто ему полезен, и отыгрывается на ненужных и опасных, то есть на таких, как ты. Тебя будут задевать, оскорблять родовую честь и память отца. Молчи!

С прошлого года дуэли среди унаров запрещены под угрозой лишения титула. Возможно, это и есть причина, по которой тебя вытребовали. Сожми зубы и не отвечай. Когда-нибудь ты отдашь все долги. Тебе станут набиваться в друзья. Не верь. Доверие Окделлам обходится очень дорого. Никаких откровенных разговоров, воспоминаний или, упаси тебя Создатель, сплетен о короле, королеве, Первом маршале и кардинале. Если тебе станут про них рассказывать – прерывай разговор. Если кто-то начнет хвалить твоего отца, говори, что утрата слишком свежа и тебе тяжело о ней говорить. Если собеседник желает тебе добра, он поймет. Если это подсыл – останется ни с чем. Ты все понял?

– Все.

– Ну вот и хорошо. – Кансильер улыбнулся. У него была удивительно располагающая улыбка. – А теперь давайте ужинать и болтать о всяких пустяках.

Мысль была хороша, да и ужин оказался изумительным, но болтать о пустяках и веселиться не получалось. Эйвон, прямой как копье, молчал и со скорбным видом кромсал ножом нежнейшую баранину. Кансильер натянуто шутил, а Дикон думал о том, что завтра он останется один... Волчонок на псарне... Так сказал Август Штанцлер, а он знает, что говорит.

Юноша прекрасно помнил главных врагов Талигойи, бывших и врагами Окделлов. Чужеземная династия и их прихвостни! Это они превратили некогда великое королевство в держащуюся на страхе и лжи полунищую страну, в которой истинным талигойцам нет места. Держава гибнет, отец это видел... Он поднял восстание и погиб...

– О чем ты задумался, Дикон? – Мягкая рука легла юноше на плечо.

---

³¹ *Фабиан*, один из первых олларианских святых, был воспитателем молодых дворян и погиб, заслонив собой единственного сына Франциска Оллара.

³² *Унары* – молодые дворяне, обучающиеся в школе оруженосцев.

– Об отце, эр³³ Август...

– Ричард, – забеспокоился Эйвон, – ты же видишь графа Штанцлера впервые! Он не разрешал тебе...

– Уже разрешил. – Штанцлер улыбнулся, но как-то невесело. – Однако слово «эр» лучше приберечь для Надора или... Агариса. Для Олларики хватит и «сударя», хотя, не скрою, мне приятно, что ты назвал меня так, как называл твой отец. Я его часто вспоминаю... Вальтер Придд – истинный Человек Чести, но заменить Эгмонта ни он, ни его сыновья не в состоянии. Талигойя смотрит на тебя, герцог Окделл, поэтому ты должен выдержать все. Любое унижение, любую несправедливость. Тебе шестнадцать, сегодня твоя молодость – помеха нашему делу, но через десять-пятнадцать лет ты войдешь в полную силу, а наши враги побредут под гору. Я вряд ли увижу твою победу, но я в ней не сомневаюсь. Ты – наша надежда, Дикон, и я пью за тебя. За то, чтоб ты стал таким, как Эгмонт.

– И пусть Создатель будет к тебе милосердней, чем к нему, – серьезно и грустно сказал Эйвон, поднимая свой бокал. – Мы тебе не сможем помочь, но наши сердца будут с тобой.

– *Так и будет!* – Кансильер осушил свой бокал и повернулся к Лараку: – Вы слишком мрачно смотрите на жизнь, Эйвон.

– Потому что в ней мало радости и совсем нет справедливости, – опустил сидящую голову Ларак. – Эгмонт погиб, сын и трое внуков старика Эпинэ тоже... Гвидо фок Килеан-ур-Ломбах мертв, а я, не стоящий их мизинца, живу!

– Дядя Эйвон, – подался вперед Дикон, – вы не виноваты, ведь никто не знал...

– Можно было догадаться, – с горечью произнес Ларак.

– Догадаться, что сделает Рокэ Алва, нельзя, – резко сказал кансильер. – Маршал законченный негодяй, но подобного полководца Золотые Земли еще не рождали. Я готов поверить, что ему и впрямь помогает Леворукий. Упаси тебя Создатель, Дикон, иметь дело с этим человеком. Его можно убить, по крайней мере я на это очень надеюсь, но не победить...

– Вы правы, – вздохнул граф, – человек не может так драться, и человек не может быть настолько подлым.

– Насчет подлости вы заблуждаетесь, – не согласился Штанцлер. – Рокэ Алва – чудовище, это так. Для него чужие жизни не значат ничего, возможно, он безумен, но маршал – гремучая змея, а не подколотная. Он знает, что равных ему нет, ему нравится доводить людей до иступления, играть со смертью и с чужой гордостью, именно поэтому в спину он не бьет. Алва – враг, и враг страшный, но за один стол с ним я сяду, а вот с Дораком или Манриками никогда не обедаю и не советую это делать своим друзьям.

Два крыла Зла! Так отец Маттео в тайной проповеди назвал герцога Алва и Квентина Дорака, присвоившего себе имя святого Сильвестра...³⁴ Именно от этих двоих нужно избавить Талигойю в первую очередь.

– У нас не выходит веселого застолья, мои эры, – усмехнулся Штанцлер. – Мы, как лесник из притчи, можем говорить только о медведе.

– Слишком дурные времена, – пробормотал Эйвон.

– Будем надеяться, что худшее уже случилось четыре года назад. Мы поторопились и не рассчитали.

– Десять лет назад мы тоже поторопились и не рассчитали. – Ларак безнадежно махнул рукой.

– И поэтому торопиться мы больше не будем, – спокойно и твердо сказал кансильер. – Мы будем ждать год, два, десять, но мы дождемся! Мы поступали глупо, нападая. Теперь пусть играет Дорак, рано или поздно он зарвется и совершит ошибку, но, Дикон, мы этого тебе не

³³ Эр (жс. р. – эрза) – в описываемые времена указывает на принадлежность к доолларовской аристократии.

³⁴ Эсператисты между собой называют оллариянских клириков их мирскими, а не церковными именами.

говорили, а ты не слышал. Мне пора, друзья мои, и последний кубок я хочу поднять за всех Людей Чести, за Талигойю и за ее истинного короля. – Кансильер тяжело поднялся, и Эйвон с Диконом последовали его примеру. – Над Олларией, нет, над Кабитэлой еще взовьется знамя Раканов. Ночь, какой бы длинной она ни была, кончится. За победу, мои эры! За победу!

– Так и будет, – прошептал Дикон. В этот миг он не сомневался, что они победят, ведь на их стороне правда и честь! – Святой Алан, так и будет!

Глава 2

Агарис

397 год К.С. 1-й день Осенних Волн

1

Старуха под окном расхваливала свои лимоны. Визгливый голос вызывал у Робера Эпинэ, маркиза Эр-При, настойчивое желание то ли придушить старую ведьму, то ли купить у нее всю корзину – авось заткнется. К несчастью, изгнанник был бедней орущей торговли. Кров и пищу ему предоставлял его святейшество Адриан, но с наличностью было вовсе худо. Робер в который раз с ненавистью оглядел голые стены, кровать с линялым пологом и рассохшийся стол в окружении рассохшихся же стульев. Говорят, лучше быть живым в лохмотьях, чем мертвым в бархате, и все равно разве это жизнь?!

Эпинэ тошнило от Агариса и эсператистского гостеприимства, но в Талиге соратники Эгмонта Окделла были вне закона. Роберу еще повезло – братья и отец были мертвы, а дед уцелел, лишь разыграв старческое безумие. Опекуном над стариком и всем его имуществом стал дальний родич, женатый на сестре кардинальского прихлебателя. Альбин Маран – полное ничтожество, а его супруга заест кого угодно. Теперь мать с дедом вынуждены сидеть с ними за одним столом и слушать нытье Альбина и поучения корчащей из себя хозяйку Амалии. Эта своего не упустит... Проклятая «навозница»!³⁵

Дверь, надсадно скрипнув, распахнулась – прислужники в приюте Эсперадора не утруждали себя стуком. Принесли ужин, вернее, то, что здесь называли таковым. Заканчивался очередной из шестнадцати нестрогих постов, и богобоязненный повар кормил постояльцев вареными овощами и пресными лепешками. Рыбы и той не дали. Робер с отвращением взглянул на поднос. Есть он хотел, и еще как, но это?! Хотя куда денешься – то небольшое, что можно продать, давно продано, а гоганы³⁶ в долг изгнаннику не дадут, и правильно – Оллары сидят крепко, а родственнички удавятся, но ничего не пришлют.

Конечно, можно наступить на гордость и податься в наемники или посвататься к богатой горожанке, но не при жизни деда ведь! И вообще наследники Великих Домов женятся лишь на эориях, не плевать же на тысячелетние законы только потому, что тебя воротит от вареных овощей! Может, ограбить кого-нибудь? А что, хорошая мысль! Дождаться ночи, надеть маску, остановить первого попавшегося дуралея потолще и потребовать кошелек.

Робер Эпинэ усмехнулся, представляя себя в роли ночного грабителя, и с видом мученика принялся за еду, оказавшуюся еще более мерзкой, чем он ожидал. Баба за окном продолжала выхвалять свою кислятину, мало того, в комнату залетела здоровенная муха и с траур-

---

³⁵ «Навозники» – презрительная кличка, которой старые талигойские аристократы наградили потомков безродных сподвижников Франциска Оллара, получивших из его рук титулы.

³⁶ Гоганы (самоназвание «гоххоны») – выходцы из Багряных Земель, исповедующие собственную религию. Живут замкнутыми общинами, держат в руках значительную часть банковского и ссудного дела.

ным гудением принялась нарезать круги над самой головой. Богоугодная пища не привлекала даже ее.

Будущий Повелитель Молний дожевал морковину и оттолкнул миску – лучше честный голод, чем такая еда. Будь Робер и впрямь лошадиной породы, он с наслаждением хрумкал бы кочерыжками, но последний из братьев Эпинэ, хоть его и прозвали Иноходцем, предпочитал мясо. Хороший кусок мяса со специями и пару бутылок кэналлийского... Пусть Алва были, есть и будут убийцами, вино в их владениях делают отменное. Лучшие виноградники Золотых и Багряных Земель и лучшие полководцы, раздери их кошки! Если б не Ворон, братья и отец были бы живы, а в Талиге вместо ничтожного Фердинанда правил Альдо Ракан.

Неужели Альдо, как и его отец, дед, прадед, умрет в Агарисе?! Парень рожден королем, а не приживальщиком. То, что его предки воспринимали как данность, для него – пытка. И вообще сколько можно тухнуть в святом болоте?! Штанцлер пишет, что надо ждать. Они ждут, но от такой жизни впору рехнуться или запить. Лучше, конечно, запить, но на вино нет денег, даже на самое паршивое.

Вновь открылась дверь, прислужник, поджав губы, гордо унес расковырянные овощи. Тля бледная, ни в жизни ничего не понимает, ни в еде, а туда же! Судит с высоты своего благочестия. Да с такой рожей не захочешь – станешь праведником! И еще эта торговка...

Иноходец Эпинэ вскочил с колченогого стула и, фальшиво насвистывая фривольную песенку о черных кудряшках некой красотки, встал у окна, стараясь не глядеть в сторону лимонницы. Скорей бы протрубили Вечер³⁷, иначе он за себя не ручается!

– Робер, я и не надеялся, что ты дома!

Иноходец оглянулся – Альдо стоял в дверном проеме и улыбался. Рожденный в изгнании принц³⁸ был моложе Робера на пять лет, но дружбе это не помешало.

– Где же мне еще быть?! – возмутился Эпинэ. – Денег ни суана!

– Ты ужинал?

– Святоши полагают, что да, – в голосе Иноходца звучала неподдельная горечь, – но я с ними не согласен.

В серо-голубых глазах Альдо мелькнула смешинка.

– Прав ты, а не они. Нам пора поужинать, и мы, поberi меня Леворукий, сделаем это! У меня есть деньги, Робер.

– И много?

– Ну, не так чтобы очень, но на ужин хватит. Я продал свой янтарь.

– С ума сошел!

– Я сошел бы с ума, если б позволил тебе помереть от несварения. Ты – мой маршал, а не коза и не корова, чтобы лопать капусту, и потом, на кой ляд мне четки? Терпеть их не могу... Короче, пошли.

Нахлобучивая шляпу с изрядно потрепанным пером, Эпинэ попытался воззвать к здравому смыслу друга, но тот лишь рукой махнул.

– Здесь у меня есть Матильда, а в Кабитэле – Штанцлер. Уверю тебя, все, что нужно, они мне скажут и напишут, но я хочу жить! Жить, а не побираться! Я – наследный принц Талигойи, и я проживу свою жизнь королем. Или, если не вый-дет, умру, но по-королевски. И ты, между прочим, – Альдо ударил друга по плечу, – такой же. Просто ты уже все продал, а я пока нет! Мы еще победим, вот увидишь!

– Обязательно победим, – подтвердил Иноходец и подкрутил усы. Эпинэ не имел обыкновения мешкать, куда б ни собирался – на войну, пирушку или любовное свидание, каковых

---

³⁷ В Агарисе уличная торговля разрешена лишь днем. О ее начале и конце оповещают находящиеся на городской службе трубачи.

³⁸ Осевшие в Агарисе потомки Эрнани Ракана носили титулы принцев и принцесс, так как Эсператор во избежание конфликтов с Талигом и лишних трат на содержание двора в изгнании не давал согласия на их коронацию.

у черноглазого красавца в давние времена было множество. Увы, он придерживался родового принципа – мужчина дает и дарит, а не берет и тянет.

Оставшись без денег, Иноходец впал в целомудрие, так как не мог иметь дело с дамами, не забрасывая их если не бриллиантами, то хотя бы цветами. Впрочем, долго унывать Робер не умел, в его роду всегда надеялись на лучшее, а беды встречали улыбкой и обнаженной шпагой. Маркиз накинул плащ и подмигнул сюзерену.

– Вперед, ваше высочество!

– Нас ждут великие подвиги! – провозгласил Альдо и почесал переносицу: – А сейчас поищем трактир понечестивей³⁹.

– А чего его искать? У старого Жаймиоля такие куры...

Куры Жаймиоля и впрямь славились на весь Агарис, и не только куры. Хитрый гоган владел чуть ли не половиной «нечестивых трактиров», в которых во время самых строгих постов можно было разжиться и глотком вина, и поцелуем. Считалось, что запретные радости предназначены исключительно для иноземцев, но на проверку большинство завсегдатаев Жаймиоля принадлежали к эсператистской церкви. Робер и Альдо немного подумали и направились на улицу Сгоревшей Таможни в «Оранжевую луну», где, несмотря на пост, а может, как раз благодаря ему, угощалось множество народа.

Эпинэ с весны не бывал в приличных трактирах и почувствовал себя провинциалом, приехавшим в столицу, – нарядные люди, подобострастные слуги, дорогая посуда... Когда-то он жил среди роскоши и не замечал. Закатные твари! Робер Эпинэ никогда не жрал за чужой счет! Пирушки с друзьями – это совсем другое: сегодня угощаешь ты, завтра – я, и никто никому не должен, но чтобы вот так...

Альдо понял, почему обычно веселый приятель непривычно молчалив, и с нарочитой значительностью возгласил:

– Король обязан должным образом кормить своего маршала. Как ты думаешь, во сколько обходится Оллару Алва?

– В том-то и дело, что ни во сколько, – буркнул справедливый Эпинэ. – Ворон швыряется собственным золотом.

– Вассал не должен быть богаче сюзерена, – нахмурился Альдо.

– Настоящий хозяин Талига – не Оллар, а Дорак, – отмахнулся Робер. – *Ego* Алва вряд ли богаче, а Фердинанд – тряпка, к тому же дырявая.

2

– Блистательные господа, – пухлый юноша, не похожий на обычного слугу, склонился в учтивейшем из поклонов, – покорнейше прошу вас омыть руки и проследовать за сыном моего отца. С вами желают говорить.

– И кто же? – поинтересовался Альдо, поднимая голову от истекающего жиром каплуна.

– Блистательные увидят сами. Это важные люди. Такие важные, что можно умереть.

– Умирать не надо. – Принц с некоторым сомнением посмотрел на заставленный снедью стол.

– Блистательные господа, в комнате встреч накрыт такой стол, что против этого он как роза против лебеды и тучный телец против весеннего ежа. – Гоган поцеловал собственные растопыренные пальцы. – Сам достоправный Жаймиоль, узнав, кто почит его кров, четырежды и один раз воздел руки к небесам и встал к жаровням...

---

³⁹ Агарис не только центр эсператизма, но и крупный торговый порт. Святой престол заинтересован в торговле и потому снисходителен к нарушениям некоторых церковных канонов купцами и наемниками, охраняющими торговые суда. В частности, во время постов в ряде трактиров, которые официально содержат иноверцы (главным образом гоганы), подают вино и мясо. В обиходе подобные трактиры называют «нечестивыми». Разумеется, их хозяева платят соответствующий налог.

Альдо не понимал ничего, Робер – тоже, но не принять приглашение становилось невозможным. Талигойцы из вежливости омочили руки в чашах с пахнущей розами водой, отерли их тонким неподрубленным полотном⁴⁰ и, предшествуемые толстяком, проследовали за плотный занавес, отделявший «Оранжевую луну» от обиталища достославного Жаймиоля. В нос пахло странным, ни на что не похожим запахом, исходящим от выставленных в ряд четырехглавых бронзовых курильниц, и Эпинэ едва удержался от того, чтобы присвистнуть: толстяк не преувеличивал – происходило что-то очень важное и очень странное.

Даже в дни относительного благополучия Робер никогда не бывал на защищенной половине гоганского дома⁴¹. Единственными не-гоганами, проникавшими в святая святых богатейших купцов и ростовщиков Золотых земель, были воры, да и то самые отчаянные. Про то, как «куницы»⁴² наказывают своих обидчиков, ходили рассказы столь страшные и нелепые, что приходилось верить в их достоверность – выдумать подобное невозможно. Альдо и Робер не считали себя трусами, но не по себе стало даже им. От пары изгнанников явно чего-то хотели, и отказаться от предложенной чести будет, мягко говоря, непросто.

Вымощенный желтыми и черными плитками ход вел вверх – «куницы» не признают лестниц, а внутренние двери запирают лишь в какие-то там особенные ночи. Курильницы исчезли, значит, они уже в сердце дома.

Коридор уткнулся в очередной занавес, и сопровождающий остановился.

– Не мне, ничтожному, переступать этот порог. Да пребудет над могучими и мудрыми длань Кабио́ха.

Эпинэ, несколько невежливо отстранив принца, вошел первым. На всякий случай: поговаривали, что первый чужак, вошедший в гоганское обиталище, умрет раньше, чем второй. Кто бы ни сидел за занавеской, маршал не позволит ему причинить вред Альдо! Только вот там никто не сидел.

Комната, в которой оказался Робер, была совершенно круглой. В нее вели четыре двери, но привычных талигойцу окон не имелось. Днем свет проникал через отверстия в потолке, но сейчас на улице было темно, и гоганы зажгли массивные масляные лампы. Занавес на одной из дверей был раздвинут, и Робер счел это приглашением.

Если первый зал не имел углов, то во втором их было в избытке, царил же здесь заставленный яствами стол, вокруг которого расположились пятеро пожилых гоганов в желто-черных балахонах и один в желтом одеянии старейшины. Это зрелище окончательно лишило Робера аппетита – Эсператора и магнусов⁴³ будущий герцог Эпинэ видел, хоть и издали, а старейшину «куниц» – нет, хотя слышал про достославного⁴⁴ Еннио́ля немало. Этот человек слыл слишком умным, хитрым и безжалостным даже для гогана. Что Енниоль делает в доме Жаймиоля, стоящего в гоганской иерархии на несколько ступеней ниже достославного из достославных?!⁴⁵ Что здесь делают они с Альдо?!

– Моя радость безмерна. – Енниоль говорил негромко и четко. Так говорят люди, привыкшие к безоговорочному повиновению. – Да расточатся горести наших гостей и приумножатся их радости. Нижайше прошу блистательных и великолепных присоединиться к нашей трапезе. Лишь удовлетворив тело, можно подняться к высотам мысли.

⁴⁰ Вера гоганов запрещает прикасаться иглой к краям ткани, не подлежащим соединению.

⁴¹ Гоганы живут очень замкнуто, люди другой веры допускаются лишь на деловую половину дома, отделенную от занимаемой хозяевами коридором, в котором воскуряют особую смесь из освященных благовоний, позволяющую сохранить чистоту.

⁴² Так иногда называют гоганов, среди которых много темно-рыжих, а те, кто от природы обладает другим цветом волос, красят бороды и волосы, темноволосые – хной, светловолосые смешивают хну с черной краской.

⁴³ *Магнус* – титул главы одного из семи основных эсператистских орденов.

⁴⁴ Обращение к уважаемому гогану.

⁴⁵ Открытый (в отличие от тайного) титул старейшины гоганов.

Светочи эсператизма утверждали, что, умерщвляя плоть, люди укрепляют дух и радуют Создателя, но изголодавшийся Эпинэ был полностью согласен с гоганом. Увы, накинуться на еду, не узнав главного, было невозможно. Иноходец собрал волю в кулак и постарался не смотреть на лучший из столов Агариса.

– Благодарю достославного Енниоля и его соплеменников за любезное приглашение, – принц придерживался тех же взглядов, что и его маршал, – но мы хотим знать, чем изгнанники могут быть полезны вашей общине.

– Я слышу то, что ожидал услышать, – все так же негромко произнес Енниоль. – Могут ли изгнанники быть полезны правнукам Кабиоха и могут ли правнуки Кабиоховы облегчить участь изгнанников? Если блистательные согласны, мы узнаем ответ до конца этой ночи, но я – старый человек и не привык смотреть на юность снизу вверх. Прошу гостей этого дома опуститься в кресла и отведать четыре раза по четыре блюда, дабы показать, что они доверяют хозяину. Люди Чести чтят свои обычаи, мы, правнуки Кабиоховы, – свои, и в этом – наша сила и наше спасение.

Хозяевам Робер не доверял. Да и кто, находясь в здравом уме, станет доверять гоганам, но почему бы и не поесть, если предлагают? Самолично встав у жаровен, Жаймиоль доказал свое право называться лучшим поваром Агариса. Конечно, общество достославных наслаждение несколько портило, да и выказывать застарелый голод не хотелось, но Эпинэ и Ракан должное угощению отдали. Енниоль рассказывал о достоинствах предлагаемых яств, Альдо время от времени отвечал, остальные молчали.

Трапеза закончилась уже знакомыми чашами для омовения рук. Слуги вынесли кушанья и зажгли неизбежные курильницы. Робер Эпинэ видел напряженное лицо своего сюзерена – Альдо понимал, что они вступают на шаткую лестницу, которая может вести как в Рассвет, так и в Закат.

– Прежде чем предложить блистательным то, что мы хотим предложить, – начал достославный, – я хочу спросить: что знает великолепный Альдо о нашей вере и о прошлом своего дома?

– Почти ничего, – признался великолепный Ракан. – Вы не любите быть на виду, а я, правду сказать, в эсператизме не силен. Клирики болтают – надеюсь, достославный меня простит, – что вы молитесь демонам, которых изгнал Создатель.

– Слова блистательного не оскорбление, – негромко проговорил Енниоль. – Так думают многие, и мы, правнуки Кабиоховы, не спешим развеять мрак, в коем блуждают непосвященные. Те, кто забыл родство свое, недостойны его. Только мы храним в памяти то, что храним, и, когда солнце взойдет на западе, станем теми, кем станем. Это обо всех, теперь о блистательном. Альдо из дома Раканов принадлежит к избранному роду, и мы откроем ему истину.

Робер Эпинэ стиснул зубы – проповедь после обеда, что может быть гаже, но проклятый гоган не перейдет к делу, пока не нагородит сорок ведер вяленых кобелей. Придется слушать. Иноходец украдкой глянул на Альдо – в глазах принца пряталась обреченность, но на лице был написан вежливый интерес – от природы порывистый, чтобы не сказать неистовый, Ракан выучился держать себя в руках еще в детстве. Изгнание и бедность – хорошие наставники, даже слишком хорошие.

– Я не стану перечислять все колена Кабиоховы, – похоже, Енниоль понимал, какому испытанию подвергает своих гостей, – и не стану призывать блистательных принять нашу веру. Быть может, потом гостям нашим откроется истина, и они сделают шаг от величия земного к величию горнему. Пока я скажу лишь то, что скажу. Мы, как и вы, верим, что мир сей создан в шестнадцать дней и создавший его, имя коему Кабиох, ушел по звездной Нити, но далее наше знание и ваши заблуждения расходятся, как расходится торная дорога и след ослепшего осла.

Достославный остановился и пристально посмотрел на гостей, видимо, ожидая, что они с Альдо возмутятся, но принц смолчал, а маршал тем более. Робер Эпинэ слишком горячо

ненавидел пареную морковь и постные рожи, чтобы вступаться за эсператистов, родившемуся в Агарисе Альдо благодетели насолили еще сильнее. Эпинэ показалось, что Енниоль подавил улыбку.

– Не хочу злоупотреблять вниманием блистательных. Вам говорят, что мир наш некогда захватили четверо демонов, правивших семь тысяч лет и изгнанных вернувшимся Создателем, только Создатель превыше всех в мудрости, силе и благодати. Все идет по воле Его, мог ли Он уйти, покинув сотворенное на произвол судеб? Могли ли демоны осмелеть настолько, чтобы протянуть руки к принадлежащему Ему и преуспеть?

Вопросы ответов не требовали, но Роберу внезапно стало интересно. В самом деле, если Создателю известно будущее, как вещают клирики, значит, про демонов он тоже знал? Знал и не предотвратил?

– Вижу в глазах блистательного тень сомнений, и да превратится она в свет. Четверо были не демонами, но первыми из детей Кабиоховых, сильнейшими, мудрейшими и справедливейшими.

Енниоль замолк, строго и требовательно глядя на Альдо. Ракан вежливо улыбнулся.

– Теперь я знаю смысл вашей веры, но я по-прежнему не...

– Блистательный – последний в роду правителей земных, в чьих жилах течет кровь всех сынов Кабиоховых. Раканы – внуки Кабиоховы, гоганы лишь правнуки. Откажется ли блистательный Альдо от того, что принадлежит ему по праву рождения, в обмен на трон Талига?

Роберу показалось, что он ослышался; Альдо, судя по его лицу, тоже. Для родившегося в Агарисе наследника Раканов талигойский трон был чем-то вроде степного миража, но принц и не пытался за ним бежать. Эгмонт Окделл и дед попробовали власть Олларов на зуб, зуб сломался вместе с шеей, и вдруг...

– Первородный удивлен, – произнес с довольным видом старейшина. Говорил он один, остальные лишь согласно наклоняли головы, словно свидетельствуя.

– Признаться, да, – не стал ходить вокруг да около оказавшийся первородным друг. – От чего именно я должен отказаться и каким образом вы можете мне помочь? Ссудить деньгами?

– Золото может многое, но мы сильны не только золотом, но и знаниями, и многим иным, о чем блистательным знать необязательно. Когда Альдо Ракан наденет корону, он вспомнит этот разговор, а он ее наденет, если согласится на обмен.

– Достославный, – изгнанник взглянул в лицо старому гогану, – до сего дня я был далек от вашей веры, но я знаю: вы ничего не даете даром и всегда остаетесь в выгоде.

– Правнуки Кабиоховы желают принять на свои плечи ношу, брошенную нерадивыми, – сверкнул глазами Енниоль. – То, чего мы хотим, отринуто прародителями блистательного много веков назад. Первородный Альдо обретет то, что видит в своих снах, взамен того, о чем сердце его никогда не тосковало. Пусть блистательный поклянется, что, став королем Талига, отдаст возведшим его на трон город, именуемый Гальтарой, и реликвии, созданные в те поры, когда Раканы не признавали Создателя.

– Гальтару? Но от нее остались только развалины!

– Сын моего отца говорит внуку твоего деда: то, что просим мы, не имеет ценности в глазах забывших родство свое.

– Если мы все забыли и ничего не знаем, зачем вам мой отказ? – Альдо словно прочитал мысли Робера. – За свое золото вы купите и Гальтару, и прочее старье.

– Мы чтим Закон Кабиохов и не хотим уподобляться скупщикам краденого. Лишь законный обладатель прав и имущества может ими распорядиться.

– А если ничего не выйдет? Скинута Олларов не так-то просто.

– Если ничего не выйдет, значит, правнуки Кабиоховы не исполнили своих обязательств и заплатят неустойку. Каково слово блистательного? Талиг или покой?

Робер смотрел на Альдо, ожидая его решения. С одной стороны, предложение было заманчивым, с другой – оно казалось... слишком уж выгодным, хотя Леворукий разберет этих фанатиков. Может, для них и впрямь нет ничего важнее этого самого первородства и допотопных цапек...

– Я согласен, – отдельно сказал Альдо. – В день моей коронации вы получите Гальтару и все старинные вещи, которые пожелаете.

– Сын отца моего просит первородного подтвердить свое слово в Чертоге Одного и Четверых. И да поведает кровь блистательного о минувшем.

– Но, достославные, я как-никак эсператист.

– Кабиоху и правнукам его важна кровь первородного, но не вера его.

– То есть мне нужно поклясться на крови?

– Таков обычай. Но и правнуки Кабиоховы принесут свою клятву и внесут залог.

– Хорошо, – Альдо поднялся, – пусть будет так, как вам нравится, хотя кровь дворянина дешевле его чести. Мой друг тоже должен клясться?

– О нет! Пусть блистательный Робер из рода огнеглазого Флоха даст слово молчать об увиденном, этого довольно.

– Я не разбрасываюсь тайнами своего сюзерена, – отрезал Иноходец, ошалевший от нового родства с каким-то Флохом.

– Да проследуют блистательные впереди меня в чертог Кабиохов.

3

Вновь повеяло благовониями, но запах был слабее и не столь резок, как в первом из коридоров. Посредине пресловутого чертога, подтверждая правдивость агарисских воров, тускло мерцала высокая, в человеческий рост, металлическая пирамида. Неужели в самом деле золото?! Или все же позолоченная медь или бронза?

Енниоль поднял руку – один из занавесов раздвинулся, пропуская двух то ли беременных, то ли очень полных молодых женщин, разодетых в разноцветные шелка и увешанных драгоценностями. Толстухи вели под руки третью, невысокую и тоненькую, закутанную в легкое белое покрывало. Равнодушный ко всяческим обрядам, но не к женщинам, Иноходец, стараясь не нарушать приличий, постарался разглядеть вошедших дам. Гоганы прятали своих жен и дочерей от чужих глаз, а тут к блистательным выпустили аж трех.

Говорили, что «куницы» женятся на родственниках, даже на сестрах и дочерях. Говорили, что правнучки Кабиоховы прекрасны, что у них темно-рыжие кудри и белая кожа. Говорили, что гоганы уродуют своих женщин, откармливая их, как гусынь, и вставляя им в нос кольца. Говорили, что гоганские женщины сплошь ведьмы, что отец вправе жить с женами сыновей, а старший брат – с женой младшего, и что иноплеменника, увидевшего гоганни⁴⁶ без покрывала, ждет смерть. Сколько в этих слухах чуши, а сколько правды, Эпинэ не знал, но толстухи стали бы настоящими красавицами, догадайся кто-нибудь продержать их месяц на пареной морковке. Темно-рыжие и белокожие, с соболиными бровями и крупными чувственными ртами, они могли сойти за сестер, а может, таковыми и были.

Истосковавшийся по женскому обществу Иноходец простил дамам двойные подбородки и тяжелые животы за лучистые светло-карие глаза и яркие губы. Конечно, в талигойских платьях гоганни казались бы бочками, но многослойные переливчатые накидки, из-под которых виднелись изящные ножки в сафьяновых туфельках без каблуков, несколько выправляли положение. Так беременные они все-таки или нет?

---

⁴⁶ Гоганни – женщина из племени гоганов.

– Иноверец не может коснуться ары⁴⁷, – пояснил Енниоль, – но залог блистательного примет правнучка Кабиохова, вступающая в пору расцвета и до сего дня не видевшая мужчин, кроме отца своего и старейшего в доме.

Свет стал ярче, по бокам пирамиды заметались жаркие сполохи. Сомнений в том, из чего сделана эта штукавина, больше не было. Золото! Чистейшее золото, не изгаженное никакими примесями. Робер никогда не был корыстным, но при мысли о том, сколько слитков пошло на одну-единственную гоганскую игрушку, становилось страшно.

Толстушки что-то пропели и сняли со своей спутницы белое покрывало. Третья куничка отличалась от сестер или подруг, как породистый жеребенок отличается от дойных коров. Одетая в белое девушка казалась совсем юной. Невысокая, чтобы не сказать маленькая, гоганни была темно-рыжей, ее густые, слегка волнистые волосы были собраны на макушке в подобие конского хвоста и все равно достигали колен. Белоснежная кожа, нежный крупный рот, большие глаза, более светлые, чем у соплеменниц, испуганные, но решительные... Сказать, что девушка была красива, значило не сказать ничего. Такую хочется подхватить на руки и унести по заросшему цветами лугу туда, где нет ни боли, ни грязи, ни осени.

– Юная Мэллит, младшая дочь достославного Жаймиоля, донесет слово и кровь первородного до зеркала Кабиохова.

Альдо грациозно поклонился женщинам. Робер знал своего сюзерена – на Кабиоха ему наплевать, но пролить кровь ради красавицы в белом он готов. И не только он... Увы, Мэллит покинет дом отца ради какого-нибудь менялы или трактирщика. Мужем гоганни может стать лишь гоган, а женой герцога Эпинэ – каменная статуя с длиннющей родословной. Вот уж точно, нет в жизни счастья!

Под восхищенными взглядами чужаков красавица вспыхнула и опустила ресницы. В отличие от своих жирных спутниц юная Мэллит не носила многослойных балахонов, на ней были лишь стянутые у щиколоток белые шароварчики и белая же короткая рубашка, завязанная под грудью. И все. Ни золота, ни драгоценностей, да они бы девушке и не пошли. Зачем ландышу золото? Он хорош сам по себе.

Мэллит преклонила колени перед Енниолем, и тот властным жестом взял ее за волосы, приподнимая лицо. Слов, произнесенных достославным, Робер, разумеется, не понял. Старейшина говорил, Мэллит слушала, слегка приоткрыв алые губки. Одна из толстух принесла оправленную в золото створку раковины, другая – стилет с вычурной золотой рукоятью.

– Согласен ли первородный Альдо нанести себе рану этим ножом и позволить юной Мэллит отереть выступившую кровь?

– Ради глаз прелестной Мэллит я готов на все, – галантно ответил сюзерен, но вовремя спохватился и добавил: – Если таков обычай, я согласен. Куда и как колоть?

– Пусть блистательный проследит за сыном моего отца. Да убедится первородный, что клинок чист, и да будет кровь правнучки Кабиоховой нашим залогом, а кровь блистательного Альдо – его.

Робер вздрогнул, когда Енниоль, все еще держа Мэллит за волосы, взял в другую руку стилет и кольнул девушку в ложбинку меж грудями. Брызнула кровь. Алое на белом! Ранка была неглубокой, но крови было много. Гоган положил окровавленный стилет на блюдо-раковину, и Мэллит поднялась с колен, даже не пытаясь унять струящуюся кровь. Приняв раковину и часто моргая, она подошла к Альдо, торопливо расстегнувшему колет. Наследник первородных лучезарно улыбнулся окровавленной красавице.

– Пусть моя кровь ответит за мои слова.

– Да будет так! – пророкотали гоганы. Мэллит приняла из рук Альдо клинок, на котором ее кровь смешалась с кровью иноверца, и зажала рану принца подсунутым толстухой непод-

---

⁴⁷ Ара – алтарь (гоган.).

рубленным полотном. Хитрый Альдо перехватил ткань таким образом, что его рука на мгновение накрыла пальчики Мэллит. Девушка вздрогнула, высвободилась и торопливо шагнула к золотой пирамиде. Енниоль что-то сказал на своем языке, гоганы с гоганни четырежды повторили, и Мэллит подняла стилет.

Золото мягче стали, но не настолько же! И уж всяко не тонким девичьим рукам всадить клинок в золотой монолит, однако окровавленное острие вошло в пирамиду, словно в масло, а Мэллит без сознания упала на руки толстух, которые утащили ее за занавес.

Робер едва не бросился следом – судьба девушки волновала Иноходца куда сильнее кунных сказок. Пришлось напомнить себе, что гоганни не пара талигойскому маркизу, а талигойский изгнанник не пара гоганни. Мэллит – чужая, он видит ее в первый и последний раз.

Иноходец заставил себя взглянуть на дурацкую пирамиду, и увиденное заставило забыть и о лишившейся чувств красавице, и о том, куда их с Альдо занесло.

На блестящей поверхности появилась трещина, нет, не трещина! Молния! Молния Эпинэ! Зачарованный неистовым зигзагом, Робер не сразу сообразил, что сама пирамида начала таять, как тают летние облака. Вскоре от золотого монолита остались лишь острые ребра, обозначавшие заполненный золотистым свечением объем, и знак Молнии. Свечение понемногу бледнело, сквозь него проступили какие-то тени – они сменяли друг друга, сходились и расходились, постепенно обретая четкость. Становилось ясно, что это люди, но какие-то странные.

Робер с удивлением смотрел на представшую перед ним картину. Полутемная комната, на стенах – оружие и шпалеры с охотничьими сценами, но какие же уродливые! Тусклые окна с частым переплетом, за ними – ночь или поздний вечер. Вовсю чадят вставленные в гнезда факелы, скачут по щитам и доспехам красноватые отблески. Комната кажется знакомой, и вместе с тем Эпинэ мог поклясться, что никогда в ней не бывал...

Золотистая дымка растаяла окончательно, открывая взору пару часовых, скрестивших в дверях копьа, массивный стол и сидящего за ним человека средних лет в лиловой котте поверх кольчуги.

На благородном лице незнакомца читались решимость и уверенность в себе, и опять-таки Роберу показалось, что он знает эти строгие правильные черты, короткую бороду, пристальный взгляд. Сильная рука перебирала лежащую на плечах массивную золотую цепь, в глазах светились ум и озабоченность. Маршал Талигойи? Но кто и почему так странно одет?

Маршал, если это был он, поднялся, позволив рассмотреть вышитого на платье спрута. Придд! Но Эктор, последний маршал этого рода, погиб в один день с Эрнани Раканом, и было это... Закатные твари, когда же это случилось?!

История Иноходца особо не занимала, но если человек в аре – Эктор Придд, становится ясным все – маленькие окна, нелепые шпалеры, старинная одежда, воины с копьями, только зачем все это?

Давным-давно почившие стражники раздвинули копьа, пропуская кого-то темноволосого и быстрого. Ослепительная улыбка, иссиня-черные волосы, зло сощуренные глаза – резкая, южная красота, чужая и неприятная. Губы вошедшего шевельнулись, но из пирамиды не донеслось ни звука. Лицо Придда исказил гнев, он стукнул кулаком по столу, южанин расхохотался маршалу в лицо, и тут Робер все понял. Рамиро-предатель! Нынешний герцог Алва мало походил на своего проклятого предка, но смеялись они одинаково.

Иноходец знал, что Рамиро, убив сперва маршала, а потом – короля, открыл ворота маратонскому ублюдку. Талигойя пала не в честном бою, а благодаря измене... Теперь Иноходец видел, как это было. Рамиро все еще хохотал, когда разгневанный маршал вскочил и схватился за меч, одновременно махнув рукой своим людям. В тот же миг сверху ударили арбалеты. Стрелки не промахнулись: воины в лиловом один за другим упали на пол. Это послужило сигналом. В распахнувшиеся двери ворвались десятка полтора черно-синих мерзавцев.

Маршал оказался один против целой своры, но сдаваться он не собирался. Робер Эпинэ сжал кулаки – одно дело знать о древнем предательстве, с которого начались несчастья Талигойи, и совсем другое – видеть воочию. Эпинэ не мог слышать, что говорит Придд, но все было ясно и так. Мужчина и воин, угодивший в ловушку, найдет, что бросить в лицо предателю, а предатель... Предатель опять рассмеялся! Кэналлийские воины не ведали, что такое совесть, недаром подлец-потомок получил в наследство от предка издевательский смех. Рамиро что-то сказал, махнул рукой своим и обнажил меч.

Это у них тоже фамильное – все Алва рождаются с клинком в руке и, подобно кошкам, норовят поиграть со своими жертвами. Просто убивать им скучно! Придд был неплохим бойцом, даже хорошим, но Робер помнил, чем все закончилось, а маршал... Маршал дрался! Один в кольце предвкушающих очередную победу своего вожака кэналлийцев. Ну почему, почему, почему нельзя броситься вперед, прорваться сквозь золотистую грань и, влетев в прошлое, стать спиной к спине с человеком, которого убивает подонок?!

Робер невольно рванулся к алтарю, но его руку сжали словно клешнями, и чей-то голос прошипел:

– Блистательный видит лишь тень тени. Память крови Раканов проснулась и говорит... Это уже было, и этого не исправить...

Не исправить... Было... Но отчего же так больно?

Турниры окончательно вышли из моды к началу Двадцатилетней войны, но королева Алиса решила их возродить, а дед, как вернейший из ее рыцарей, взялся за это дело с присущей ему страстью. Что такое двуручные мечи, которыми орудовали противники, Робер Эпинэ знал не понаслышке. В юности ему с братьями приходилось братья за древнее оружие. Маркиз запомнил, что нужно все время поддерживать движение клинка, чтобы его вес помогал, а не мешал. Нет, положительно, шпага удобней, но во времена Рамиро и Эктора думали иначе.

На первый взгляд, ставить следовало на маршала – тот был массивней и как будто сильнее, а его эспадон длиной превосходил меч кэналлийца. Длиной, но и тяжестью, а высокий и верткий Рамиро казался моложе и быстрее своего соперника.

Придд, раскручивая меч, пытался держать Алву на расстоянии. Все зависело от того, сможет ли маршал навязать предателю свой ритм. Все зависело? Эктор Придд убит давным-давно, Талигойя пала, на троне сидит Оллар, а у него за спиной стоит потомок Рамиро. Стоит и смеется...

Стиснув кулаки, Иноходец наблюдал за ходящими по кругу соперниками. Когда дерешься на шпагах, нужно смотреть противнику в глаза, чтобы предугадать удар. Если бой идет на мечах, следи за ногами врага, точнее, за той, на которую он сейчас опирается.

Маршал, как и думал Робер, атаковал первым, начав бой с подшага и ударив снизу вверх. Он целил в голову кэналлийца, но тот уклонился вправо, отвел клинок Придда в сторону и вниз и легко отпрыгнул назад. Эктор провел финт из четвертой позиции в первую, метя в плечо соперника. Робер и сам бы так поступил, но Алва принял удар на блок, левой рукой перехватив свой меч за лезвие. Дерись рыцари вживую, комнату наполнили бы скрежет и лязг, но воскрешенных для боя противников обнимала тишина.

Предатель оказался силен, да чего еще следовало ждать?! Не будь Алва уверен в себе, маршал лежал бы со стрелой в горле рядом с несчастными стражниками. Рамиро, хоть и двумя руками, удержал меч Эктора, оттолкнул его и резко отскочил. Придд снова бросился в атаку, еще более отчаянную, обрушив на отступающего противника целый град ударов, на первый взгляд беспорядочных, но лишь на первый взгляд. Эпинэ понимал, что маршал сделал ставку на удар в голову, а для этого нужна скорость, которую Придд потерял.

Удары обреченного пропадали впустую, а потом Алва улучил момент, когда маршал промешкал, и ударил сам. Наотмашь, разрубая прикрытую дорогой тканью кольчугу.

– Закатные твари! – простонал Альдо, о котором Робер как-то забыл.

Победитель вытер лезвие, махнул рукой своим людям и скрылся за дверью, кажется, королевской опочивальни. Робер видел разгоряченные южные лица и застывший профиль маршала, не сумевшего защитить ни своего короля, ни свое королевство. Двое кэналлийцев подхватили тело и куда-то поволокли, еще четверо принялись переворачивать стражников, а затем все сгнуло в густеющем золотистом мареве.

Глава 3

Талиг. Лаик

397 год К.С. 2–3-й день Осенних Волн

1

Ров был не таким уж и широким, но по одну его сторону оставались родные, дом, друзья, а по другую Ричарда Окделла не ждало ничего хорошего. Часовой в ненавистном черно-белом мундире внимательно рассмотрел письма и вызвал из караулки толстощекого, пахнущего луком сержанта. Тот, шевеля красными губами, снова проглядел бумаги и кивнул под ручным. Подъемный мост, недовольно крикнув, опустился, и надорские кони, опасливо прижимая уши, ступили на мокрые доски.

Превратившаяся в болотце дорога вела через унылый парк. Здоровенные голые деревья облепляли шары омелы и растрепанные птичьи гнезда, выше клубились низкие, готовые разрыдаться облака. На окаймлявших дорогу колючих густых кустах еще держались сморщенные грязно-белые ягоды ведьминых слез – в Надоре это растение почиталось нечистым. Всадники миновали одинокую часовню – разумеется, олларианскую. Дикон не знал, видят ли их, но, припомнив наставления Штанцлера, приложил правую руку к губам и склонил голову⁴⁸. Эйвон, мгновение помедлив, последовал его примеру.

Парк был огромным; пожалуй, его можно было назвать рощей. Слева тускло блеснуло что-то похожее на озеро или большой пруд, за которым маячило показавшееся Ричарду отвратительным здание – длинное, серое, с маленькими подслеповатыми окнами. Когда-то здесь располагалось аббатство Святого Танкреда⁴⁹. Франциск Оллар выгнал не признавших его главой церкви монахов из их обители и отдал ее под школу оруженосцев. С тех пор здание несколько раз перестраивали, но оно упорно отдавало монастырем.

Рассказывали, что в эсператистские праздники и перед большими бедствиями в Лаик звонит невидимый колокол, созывая мертвых братьев в оскверненный храм на молитву. Теперь Ричарду предстояло убедиться в этом самому. Юноше отчаянно захотелось повернуть Баловника, но он сдержался и, сокращая пытку, дал бедняге шенкелей. Возле самого дома с деревьев сорвалась целая туча ворон, осыпав приезжих сварливыми воплями. Дикон спрыгнул с коня первым и помог спешиться Эйвону. Откуда-то возник черно-белый конюх с неприметным остреньким личиком и увел недовольных лошадей. Появился еще один слуга, казавшийся братом-близнецом остролицего.

– Как прикажете доложить? – Голос черно-белого человечка был столь же невыразителен, как и его физиономия.

– Граф Эйвон Ларак и его подопечный.

– Следуйте за мной.

Массивная, украшенная бронзовыми накладками дверь с шумом захлопнулась, и Ричард почувствовал себя угодившим в ловушку зверьком. Маленькие окна вряд ли давали доста-

---

⁴⁸ Ритуальный олларианский жест. Эсператисты проделывают то же левой рукой.

⁴⁹ *Святой Танкред* – один из семи основателей эсператизма, первый магнус ордена Знания.

точно света даже в разгар лета, осенью же в здании было темно, словно в склепе. Слуга зажег свечу, став удивительно похожим на эмблему ордена Истины. Кошунственное сравнение слегка отвлекло Дикона от мрачных мыслей, которые вернулись, стоило юноше увидеть будущего наставника.

Капитан Лаик Арнольд Арамона восседал в кресле под портретом марагонского бастарда. Встать навстречу гостям сей господин счел излишним. Кивнув в знак приветствия круглой башкой, он коротко буркнул:

– Прошу садиться.

Больше всего на свете Дикону хотелось швырнуть в эту красную самодовольную харю перчатку, но он дал слово кансильеру.

– Значит, герцог Окделл соизволил поступить под *мое* начало, – голос Арамона соответствовал его габаритам, – а его опекун не имеет ничего против.

– Решение приняла вдовствующая герцогиня Мирабелла, – очень спокойно объяснил Эйвон. – Я не счел себя вправе ей возражать.

– Но по своей воле сына Эгмонта в столицу вы отправлять не желали? – Господин капитан устался на Ларака с неприкрытым презрением. – Однако к делу. Здесь наш капеллан. Присягните в его присутствии, что привели своего подопечного по доброй воле.

Оказывается, в комнате, кроме Арамона и множества портретов оларовских вырожденков, был еще и священник. Невысокий изящный человек в черном стоял у окна. Дик его сразу и не заметил.

– Приветствую вас, дети мои. – Священник говорил приветливо и мягко, но в красивых темных глазах не было и намека на теплоту. – Было ли ваше решение обдуманно и добровольным? Готовы ли вы оба именем Создателя нашего поклясться, что сердца ваши и души принадлежат Ему и наместнику Его на земле Талига – его величеству Фердинанду Второму Оллару?

Эсператор Дамиан триста с лишним лет назад объявил клятвы, вырванные принуждением, недействительными. Ложь самозванцу, присвоившему себе право вещать именем Создателя, не являлась грехом. Ричард вслед за опекуном спокойно произнес слова клятвы, зная, что лжет. Лжесвященник и Арамона это тоже знали – Оллары утопили Талиг во лжи. Людям Чести, чтобы выжить, пришлось принять навязанную еретиками игру.

– Теперь в присутствии своего опекуна юный Ричард Окделл должен ознакомиться с законами унаров и принять их или же отвергнуть. Если юный Ричард вступит в братство Фабиана, обратной дороги у него не будет.

– Я готов. – Ричард очень надеялся, что произнес эти слова спокойно и уверенно.

Капитан Арамона протянул юноше переплетенную в свиную кожу книгу. Вначале шел свод правил, по которым живут воспитанники, следующие листы занимали подписи тех, кто прошел через «Жеребчий загон». На одной из страниц, ближе к концу, расписался и Эгмонт Окделл, обязавшийся служить Талигу и королю Оллару и умерший за Талигойю, а несколькими страницами спустя поставил свою подпись его убийца...

– Читайте, сударь, – брюзгливо велел капитан Арамона, – вслух читайте.

Ричард сглотнул и отчетливо прочел всю каллиграфически выведенную ложь о богоизбранности марагонского бастарда и его потомков, расцвете Талига, своей любви к Олларам и желании служить оным «жизнью и смертью».

– Поняли ли вы то, что прочли? – спросил олларианец.

– Да, святой отец, я все понял.

– Укрепились ли вы в своем решении вступить в братство святого Фабиана?

– Да.

– Готовы ли вы принести клятву перед лицом Создателя?

– Да.

– Граф Ларак, вы, будучи опекуном герцога Окделла, вправе остановить его. Поддерживаете ли вы желание вашего подопечного?

Загляни в Лаик Леворукий, Дикон, не колеблясь, обещал бы ему все что угодно, только б вернуться домой, но граф Ларак громко произнес: «Да».

– Герцог Ричард Окделл, мы готовы принять вашу клятву.

– Я, – слегка запнувшись, начал юноша, – *Ричард из дома Окделлов, добровольно вступаю в братство святого Фабиана и клянусь чтить Создателя нашего и его земного наместника короля Фердинанда, да продлит Создатель его блистательное царствование. Я клянусь слушать своих наставников, духовных и светских, и ни в чем не перечить им. Я отказываюсь от своего титула и родового имени до тех пор, когда буду готов мечом и словом служить Создателю, королю и Талигу. Я обязуюсь стать прилежным учеником, послушным воспитанником и добрым товарищем прочим унарам. Я не буду вступать в ссоры ни с кем и с кротостью прощать врагам своим. Я не буду иметь тайн от своих наставников. Я не буду покидать поместье Лаик без разрешения своего капитана и не стану встречаться ни с кем из родных, не спросив на то дозволения. Если я нарушу свою клятву, да буду я в этой жизни лишен титула и дворянства, а в жизни вечной да достигнет меня кара Создателя.*

– Готов ли ты к трудностям и испытаниям во славу Создателя и короля Фердинанда?

– Я готов. В полдень и в полночь, на закате и на рассвете.

– Да будет по сему, – наклонил голову священник.

– Я свидетельствую, – буркнул Арамона.

– Я свидетельствую. – Голос Эйвона Ларака прозвучал обреченно.

– Унар Ричард, проводите графа Ларака и возвращайтесь. Отвечайте: «Да, господин Арамона».

– Да, господин Арамона.

Эйвон поднялся, старомодно поклонился и первым переступил порог. Дикон последовал за ним, чувствуя, как его спину буравят взгляды людей и портретов. Давешний слуга со свечой поджидал в коридоре: в Лаик отнимают даже прощание!

В сопровождении похожего на серую мышь человечка Ричард и Эйвон миновали полутемные переходы и вышли под готовое расплакаться небо. Конюх уже привел Умника; обычно спокойный жеребец нетерпеливо перебирал ногами – ему тоже не нравилось это место.

– Прощайте, Ричард. – Эйвон старался говорить спокойно. – Надеюсь, вы не забудете того, что обещали.

Старый рыцарь напоминал не о клятве, вернее, не о клятве унара, а о вчерашнем обещании.

– Да, господин граф. Я поклялся, и я исполню.

Эйвон, как всегда с трудом – мешала больная спина, – взобрался в седло, и Умник зашагал, не дожидаясь, когда всадник как следует усядется и разберет поводья.

Берег озера был голым, и старый рыцарь на старом коне не исчезал из виду, а просто становился все меньше и меньше. Ричарду мучительно хотелось броситься вдогонку, еще раз обнять Эйвона и сказать... Да что тут скажешь?! Матушка решила, Эйвон согласился, а теперь дороги назад нет, но как же тянет крикнуть, чтобы родич хотя бы обернулся. Нельзя. Дикон вспомнил слова кансильера и, вздернув подбородок, последовал за напомнившим о себе слугой.

2

Арнольд Арамона ненавидел многих и имел на то полное право. Ничего хорошего от всяческих герцогов и графов комендант Лаик не видел, и еще вопрос, кто был гаже – старая знать

или «навозники». Отбери у задавак титулы и владения, и что останется? Но беда заключалась именно в том, что у аристократов титулы и деньги имелись, а у Арнольда Арамоны – нет.

Двадцать с лишним лет назад молодой провинциал отправился в столицу, намереваясь стать по меньшей мере маршалом и возлюбленным парочки герцогинь. Не вышло. Чтобы выбиться хотя бы в полковники, требовалось или отвоевать лет десять, или занять протекцию. Герцогини тоже не торопились падать к ногам Арнольда, а субретки и лавочницы молодого честолюбца не устраивали.

Дальше дела пошли еще хуже. Полк, в который удалось записаться, отправили в предгорья Торки, где будущему капитану Лаик пришлось хлебнуть лиха. Арнольд отнюдь не стремился рисковать единственной головой ради чего-то лично ему не нужного. Гвардейское молодечество требовало лезть в огонь, распахивая товарищей, а вечером за кружкой вина весело смаковать дневные приключения. Это было глупо, а Арнольд Арамона глупцом не был, он хотел жить, причем долго и хорошо.

Черно-белые знали лишь сегодняшний день, Арамона думал о будущем. В столице эти различия были не столь уж и заметны, благо случившаяся незадолго до появления Арамоны грандиозная дуэль, стоившая жизни аж пятерым виконтам, графу и маркизу, вынудила кардинала Диомида надолго запретить поединки, однако война есть война. Пришлось взяться за шпагу и мушкет. До первой схватки Арамона был «как все», но, оказавшись под пулями, не выдержал и юркнул в заросли. Это не прошло незамеченным, и к Арнольду прилипла кличка Трясун.

Последующие дни превратились в сплошную пытку. Отвечать на издевательства не дороживших жизнью дураков Арамона не решался, за дезертирство светила виселица, да и некуда было бежать. Однажды по гнусной торской традиции Арамону всей ротой выволокли на приговор перед гаунаскими позициями. Пара здоровенных мерзавцев умело завела бедняге руки за спину, заставляя выпрямиться под вражескими пулями во весь рост, пока остальные с хохотом орали гаунау: «Господа! Не желаете подстрелить жирного зайца?!» Боль мало что не вынудила Арнольда встать на цыпочки, но страха заглушить не смогла.

Этот день вообще стал самым жутким в жизни будущего капитана Лаик. К полудню пришел приказ наступать. Арамона шел вместе со всеми, но потом ряды смешались, каждый стал сам за себя. Рвались гранаты, свистели пули, резались друг с другом озверевшие люди. Оказавшийся среди этого ужаса Трясун бросился на землю, отполз под прикрытие деревьев и пустился бежать. Тут ему не повезло еще раз. Эгмонт Окделл, бывший в те поры оруженосцем Мориса Эр-При, едва не пристрелил бросившего мушкет гвардейца на месте. Арнольда спасли гаунау, окружившие знаменосца. Окделл, забыв обо всем, ринулся спасать полковое знамя, и тогда Арамона, стиснув зубы, лег на спину, нацепил на ногу шляпу и поднял ее над уютной и безопасной ложбинкой. Мушкетная пуля прострелила голень, не задев кость, и крови натекло полный сапог. Было больно, но что такое боль в сравнении со смертью? Раненых отправили на излечение в ближайший городишко, где не было ни гаунау, ни «товарищей», ни герцога Окделла. Там судьба наконец-то повернулась к Арнольду лицом. Статного сержанта заприметил главный интендант Северной армии граф Креденый. У известного своим чадолубием аристократа на выданье была очередная незаконная дочь.

Немного староватая, по всеобщему мнению, толстоватая и, как оказалось впоследствии, кривоногая, но какое это имело значение?! Женский жирок Арнольда никогда не пугал, с юношескими грезами раненый герой к тому времени уже распростился, а потому колебаться не стал. Папенька-интендант не только наделил уродину отличным приданым, но и замолвил за будущего зятя словечко. Так Арамона получил офицерский чин и оказался младшим ментором⁵⁰ в Лаик.

⁵⁰ *Ментор* – наставник, воспитатель, учитель.

Увы, розы и те имеют шипы, что уж говорить о кривоногих бабах! Из Луизы вышла на редкость дошлая и склочная жена. Приданого супруг не увидел, зато в избытке хлебнул прочих семейных радостей. Его ревновали, упрекали, пилили, колотили, обзывали боровом и бездельником. В «загоне» было не лучше. Начальник школы – старый вояка, прошедший с десятков кампаний и потерявший в последней левый глаз, принял графского зятя холодно и определил туда, куда Арнольду хотелось меньше всего. А именно – в фехтовальный зал.

Фехтовальщиком Арамона был весьма посредственным, а среди унаров случались готовые мастера клинка. Юные нахалы откровенно издевались над незадачливым ментором, а он их ненавидел. За то, что у них было или появится то, чего никогда не будет у теньента⁵¹ Арамоны. За то, что они никого и ничего не боялись. За то, что за стенами Лаик их ждали победы, чины и герцогини, а ему достались менторство и умудрившаяся после первых же родов отощать мармалюка⁵². Так продолжалось четырнадцать лет.

Единственной отдушиной замученного женой и унарами Арнольда стали беседы со школьным священником, умнейшим человеком, державшим очень неплохой винный погреб. Так Арамона и мыкался, пока не умер полковник Дюваль, после чего ментора-фехтовальщика удостоил аудиенции всемогущий кардинал. В Лаик Арнольд вернулся капитаном. Первое, что он сделал, – это выставил за ворота поместья менторов, отнесшихся к новому начальству без должного почтения, заменив их на новых, для которых капитан был богом и государем. Затем Арнольд взялся за комнаты Дюваля и обставил их в соответствии со своими вкусами. Свершив неотложное, он принялся за унаров.

Теперь Арнольд полгода блаженствовал в Лаик, куда вход супруге, равно как и любой другой женщине, был заказан, а полгода страдал у домашнего очага, усилиями Луизы превращенного в огонь закатный. Единственной семейной радостью была младшая дочь. Капитан мечтал, что малышка Люцилла выйдет замуж за барона или графа. Будущим женихам велся строжайший учет. Арнольд старательно собирал слухи обо всех свадьбах и помолвках и негодовал, узнав о женитьбе кого-то подходящего. Цилле не исполнилось и шести, но капитан в каждом новом унаре видел возможного зятя.

Лаик была единственной нитью между семейством Арамоны и высшей знатью. Одного этого хватало, чтобы держаться за должность руками и зубами. Арнольд старался. Если ему намекали, что какой-нибудь унар принадлежит к не угодному его высокопреосвященству дому и не должен попасть в число лучших, тот не попадал. Если капитан узнавал, что новый воспитанник из числа «нужных», тот немедленно опережал «ненужных».

Понятливость оценили. Жалованье Арамона получал небольшое, зато в тессории⁵³ закрывали глаза на несколько вольное обращение с деньгами, отпущенными на содержание Лаик.

Единственное, что не давало Арнольду покоя, – это строжайший запрет на подарки от родственников унаров. Однажды капитан попробовал его нарушить. И ведь барон, привезший господину Арамоне роскошное седло, не имел в виду ничего дурного, а его сын в любом случае оказался б в первой четверти выпускного списка! Парень отменно фехтовал, а то, что не дружил со словесностью и астрономией, так кому они нужны?! Увы, седло пришлось отослать – кардинал в самом деле знал все, включая происходящее в спальнях и отхожих местах. Баронский отпрыск отправился домой, недоучившись, а капитан Лаик получил предупреждение. Первое, и оно же, виновный это понял, последнее. Арамона вздохнул и вернулся к казне, откуда ему черпать никто не мешал. Капитан не сомневался, что кардинал знает и об этом, следова-

⁵¹ *Теньент* – второй (после корнета) офицерский чин.

⁵² *Мармалюка* (мармалюца – *алатск.*) – фольклорный персонаж, которым пугают детей. Ослица-оборотень, похищающая детей и принуждающая их работать на себя, пока они не умрут от истощения.

⁵³ *Тессория* – казначейство.

тельно, сей источник благодати был к услугам наставника юношества, пока тот оправдывает возложенные на него надежды. И Арнольд лез из кожи вон.

О том, что в Лаик заправляет его высокопреосвященство, знали только капитан и священник. Остальные полагали, что «Жеребчий загон» подчинен Первому маршалу Талига. Формально так оно и было, но Алва плевать хотел на все, кроме войны, вина и женщин. Капитана это устраивало – связываться со своим бывшим унаром он не желал ни за какие деньги, и не он один. Что бы ни творилось в Лаик, никто из воспитанников и их родичей не побежит искать защиты к Ворону, и уж подавно этого не сделает сын Эгмонта!

Потягивая горячее подслащенное вино, Арамона с наслаждением перечитывал список новых воспитанников. Он уже знал, кто станет первым, а кого лучше отодвинуть если не в самый конец, то во вторую половину. Что до остальных, то тут как получится. Будут вести себя прилично – займут высокие места, нет – пусть пеняют на себя. Любопытно, каков сынок Эгмонта в деле? Да каков бы ни был, выше десятого ему не прыгнуть. Разумеется, если дотянет до выпуска, а не отправится с позором в фамильный замок... В любом случае отродье мятежника поймет, что в Лаик хозяин – капитан Арамона.

По понятным причинам Арнольд в подавлении восстания не участвовал и не видел, как умер человек, некогда перепугавший будущего капитана чуть не до смерти. Старое унижение отлеживалось в укромном уголке и ждало своего часа. Дождалось. Сын и наследник Эгмонта заплатит отцовский долг сполна... Так хочет капитан Арамона, так хочет Создатель и, что важнее, такова воля его высокопреосвященства.

3

Люди Чести стригли волосы так, что они едва прикрывали затылок, и носили короткие бороды и усы. Бороды у Дика пока не имелось, но за свою прическу юноша, оказавшись в руках очередного слуги, искренне порадовался. «Мышь» зря вооружился ножницами – волосы герцога Окделла были короче, чем полагалось членам братства святого Фабиана, и слуге пришлось удовольствоваться несколькими якобы спадающими на глаза прядками. Посрамление цирюльника подняло настроение, а может быть, Дикон просто устал ждать неприятностей. Насвистывая, юноша направился в купальню; ему не испортил настроения даже запутавшийся в полотенце стеклянный осколок. От царапины еще никто не умирал, полгода он в «загоне» как-нибудь выдержит, а дальше...

Будущее просматривалось смутно, но после встречи с кансильером Ричард не сомневался, что его ждут великие дела и славные подвиги во имя Талигойи, а пока, что ж, он потерпит. Отбросив запачканное кровью полотенце, Дик взялся за полагающуюся унарам одежду – черные штаны, чулки и рубаху, белую куртку и черно-белый плащ с гербом дома Олларов. Такие носили четыреста лет назад, когда марагонский выскочка стал талигойским королем. Теперь одевались иначе, хотя Люди Чести старались придерживаться старых обычаев. Отец Маттео любил повторять, что, храня малое, мы сберегаем большое, а матушка с ним соглашалась.

Одевшись, Дикон погляделся в огромное зеркало, несомненно, помнящее «святого Фабиана», который при жизни был таким же олларовским псом, как и пучеглазый Арамона, если не хуже.

Приглаживая потемневшие от воды волосы, Ричард с удивлением обнаружил, что он не один, – за его плечом маячил некто невысокий, но зеркало было столь мутным, что разглядеть незнакомца не получалось. Дикон торопливо обернулся – купальня была пуста. На всякий случай юноша снова взглянул в зеркало и рассмеялся – дело было в мерзком освещении и искажавших отражение наплывах на древнем стекле. Все вместе создавало иллюзию расплывчатой мужской фигуры, наверняка слухи о лаикских привидениях выросли из таких вот мелочей. А

хоть бы тут и водились призраки – Ричарду Окделлу нечего бояться эсператистских монахов, вреда прямому потомку святого Алана они не причинят, вот «навозникам» подобная встреча ничего хорошего не сулит.

Дикон дружески подмигнул старому зеркалу и вышел в показавшийся ледяным коридор. Бесстрастный мышонок со свечой повел юношу в глубь здания. Они миновали несколько переходов, поднялись по крутой неудобной лестнице, свернули налево, миновали длинную галерею без окон, украшенную пустующими нишами, в которых некогда стояли статуи святых, вновь свернули налево, спустились на пол-этажа и оказались в тупике, куда выходило несколько одинаковых низких дверей; одну, погремев ключами, «мышь» отворил.

– Ваша комната, сударь. Здесь все, что нужно унару. Ваши вещи до дня святого Фабиана останутся в кладовой, позаботятся и о вашей лошади.

Дикон оглядел узкую длинную каморку, которую так и подмывало назвать кельей. Кровать без полога, стол с чернильным прибором и книгой Ожидания⁵⁴, плетеный стул, принадлежности для умывания, открытый сундук. В углу – образ Создателя, перед которым горит лампадка, напротив – очередной портрет Франциска. Все! У неведомого танкредянца, выставленного отсюда марагонским ублюдком, наверняка вещей было больше. Окделл повернулся к слуге:

– Благодарю. Можете быть свободны.

Мышонок сдержанно поклонился.

– Сегодня ужин вам принесут, а завтракать вы будете в трапезной. Если мне будет дозволено дать совет – не покидайте до утра вашей комнаты, дом не любит тех, кто ходит ночами.

«Дом не любит», святой Алан, как это?! Но спрашивать было некого, слуга ушел, плотно прикрыв тяжелую дверь, на которой – Дик только сейчас заметил – не имелось ни крюка, ни засова. Она запиралась снаружи, но не изнутри. Какое-то время Ричард бездумно созерцал безупречно-равнодушный лик Создателя всего сущего и воинственную физиономию Франциска. При жизни первый из Олларов красой не блистал, но кисть художника превратила толстенького крючконосого человечка в роскошного рыцаря. Юноша вздохнул и отвернулся к окну, за которым сгустились серые, неприятные сумерки.

В углу что-то зашуршало. Крыса. Огромная, наглая, уверенная в себе. Тварь напомнила Дикю о рывшихся в отцовских комнатах столичных хуриях⁵⁵ и их вечно шмыгающем носом начальнике. Ричард мечтал его убить, но это было невозможно. Смерть чиновника при исполнении для опальной семьи стала бы началом новых бедствий. Что ж, крыса заплатит и за собственную наглость, и за выходки королевского прихвостня.

Юноша лихорадочно огляделся, прикидывая, чем бы запустить в незваную гостью, но в комнате не нашлось ничего подходящего. Жаль, он не догадался прихватить злополучный осколок, его можно было бы сунуть в норку. Дик внимательно осмотрел угол, где заметил похожего на хурия грызуна, – со стенами и полом все было в порядке, видимо, крыса прогрызла доски под кроватью. Юноша попробовал сдвинуть убогое ложе – оно оказалось привинчено. До норы не добраться, но, если проявить терпение и сноровку, тварь свое получит. Завтра же надо принести из парка палку. Серая дрянь пришла один раз, придет и другой, тогда и потолкуем!

Ричард Окделл частенько загадывал на что-то маленькое, связывая его с большим. Сейчас он решил во что бы то ни стало покончить с крысой. Если это ему удастся, то... то Талиг снова станет Талигойей!

---

⁵⁴ Книга *Ожидания* – священная книга олларянцев.

⁵⁵ *Хуриш* – дознаватели, ведущие дела о государственной измене.

4

Ночь прошла спокойно, если не считать скребущихся в окно веток, стука дождя и каких-то скрипов и шорохов, но к подобному Ричард привык еще в Надоре. Юноша долго лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в голос дома, который не любит, когда по нему бродят ночами. Сон не шел, и герцог Окделл считал кошек, обдумывал охоту на крысу, перебирал в памяти разговор с эром Августом, представлял, как капитан Арамона спотыкается на лестнице и ломает если не шею, то нос. С этой мыслью Дик и уснул, и ему ничего не снилось.

Утром в дверь громко и равнодушно постучали, и юноша не сразу сообразил, где находится. Потом вспомнил все – присягу, ссутулившуюся спину Эйвона, старое зеркало в купальне... Порез за ночь затянулся, осталась лишь тоненькая красная нить. Если б так кончались все неприятности!

Стук раздался снова. Дикон наспех ополоснул лицо ледяной водой, оделся и выскочил в коридор, чуть не налетев на двоих здоровенных белобрых парней, похожих друг на друга, как горошины из одного стручка.

– Я делаю извинение, – расплылся в улыбке один из верзил.

– Та-та, мы телаем извиняться, – подхватил другой.

– Ричард Окделл, – представился Дикон, протягивая руку, и осекся, вспомнив, что не должен называться полным именем.

– Катершванц. – Первый с готовностью ответил на рукопожатие; пожалуй, он мог выразить дружеские чувства и с меньшей силой. – Мы есть брат-близнец Катершванц из Катерхаус. Я есть Норберт, он есть Йоганн, но мы не должны называть свой домовый имена.

– Я забыл, – признался Ричард. Близнецы – несомненно, те самые «дикари», о которых говорил эр Август, казались очень славными.

– Нам нужно делать вид, что мы незнакомы.

– Та-та, – подтвердил Йоганн, – мы есть незнакомый, софсем незнакомый. – Он снова улыбнулся и огрел Дика по спине так, что юноша едва устоял на ногах.

Норберт что-то быстро произнес на непонятном грубом языке, напомнив о заполнивших Надор королевских солдатах, среди которых первое время было много бергеров⁵⁶.

– Я есть извиняюсь. – Йоганн развел руками и вздохнул. – Мы, барон Катершванц, есть очень сильные, мы забываем, что не все есть такие.

Норберт сказал что-то еще.

– Я теперь буду делать вид, что плохо понимать талиг. Тогда я не говорю то, что надо молчать. Говорить будет Норберт. Он похожий на нашу бабушка Гретхен, она есть хитрая, как старая кошка. Та-та... А я не есть хитрый. – Йоганн расплылся в улыбке.

– Тихо есть, – вмешался похожий на бабушку Гретхен Норберт. – Молчать, сюда есть идущие.

Обладал ли бергер кошачьей хитростью, было не ясно, но слух у него оказался воистину звериным. Появившийся слуга увидел троих молодых дворян, застывших на пороге своих комнат и настороженно рассматривающих друг друга.

– Доброе утро, господа, – тихий тонкий голосок по-прежнему напоминал писк, – прошу вас спуститься в трапезную, где вас представят друг другу. Следуйте за мной.

Как «мышь» разбирался во всех этих переходах, для Дика осталось загадкой. Они прошли не меньше полудюжины внутренних лестниц, то спускаясь, то поднимаясь, и наконец очутились в мрачном сводчатом зале, способном вместить несколько сотен человек. В углу сиротливо жался одинокий стол. Сам по себе он был велик, даже громаден, но в пустом помещении

⁵⁶ Бергеры – уроженцы Горной марки (Бергмарк), находящейся в военном и политическом союзе с Талигом.

казался чуть ли не скамеечкой для ног. Дикон и братцы Катершванцы, с которыми он еще «не был знаком», чинно заняли отведенные им места, украдкой разглядывая тех, кто явился раньше.

Напротив Дика вертелся на стуле смуглый черноглазый юноша. Ричард еще не видел кэналлийцев, но был готов поклясться, что непоседа – южанин. Рядом разглядывал свои ногти молодой человек с длинным безупречным лицом, скорее всего – наследник Приддов; на него опасливо косился прыщавый курносый парень с острым кадыком. Рассмотреть остальных Дикон не успел, так как появился Арамона.

Надо отдать справедливость господину капитану, свой выход он обставил с блеском. Око-ванные бронзой двери с грохотом распахнулись, в столовый покой ворвался сквозняк, у темных створок встали солдаты, древки алебард стукнули об пол, и унары узрели свое начальство, за которым следовал вчерашний олларианец.

В полный рост Арамона напоминал вставшего на задние ноги борова, но глядел орлом. Накрахмаленный воротник бравого вояки был столь широк, что увенчанная шляпой с перьями пучеглазая голова казалась лежащей на блюде, белый колет с королевским гербом украшала толстенная золотая цепь, а ренгравы⁵⁷ не уступали размером хорошим тыквам. На фоне этого великолепия священник казался полуденной тенью, отбрасываемой вздумавшей прогуляться бочкой.

– Роскошь, – прошептал кто-то из унаров, и Дикон едва удержался от того, чтобы оглянуться.

Арамона торжественно прошествовал через гулкий зал, занял место во главе стола и бухнул:

– Унары, встать!

Дик вскочил вместе со всеми, ожидая продолжения, и оно не замедлило последовать.

– Вы думаете, что я ваш капитан? – спросил Арамона. – Ха! Эти полгода для вас я бог и король. Мое слово – закон. Запомните это! Вы не герцоги, не графы и не бароны. Вы унары! *Мои* унары! Даже Франциск Великий не переступал границы поместья Лаик. Здесь – *мое* королевство, здесь я казню и милую. Слушайте *меня*, и вы станете дворянами, пригодными для службы его величеству. Тех, кто будет слишком много о себе полагать, отправлю по домам! С позором!

Сейчас унары по очереди, начиная с того, рядом с которым я стою, выйдут на середину трапезной и громко и отчетливо назовут свое имя. Затем отец Герман прочтет молитву о здравии их величеств, и все отправятся в фехтовальный зал. Завтрак подождет, я хочу посмотреть, что за кони мне достались в этот раз. Итак, унар, встаньте и представьтесь.

Толстый кареглазый парень встал точно на указанное место и гаркнул:

– Карл.

– Унар Карл. Повторите.

– Унар Карл!

– Следующий.

Похожий на ласку брюнет изящным движением поднялся из-за стола и, оказавшись рядом с Карлом, негромко сказал:

– Унар... Альберто.

– Следующий.

Высокий юноша с дерзкими глазами двигался не медленно, но и не быстро.

– Унар Эстебан.

---

⁵⁷ Ренгравы – верхние короткие штаны-юбка, имели очень широкие штанины, собранные на поясе и опускавшиеся до колен широкими продольными складками. Надевались поверх обтягивающих ноги чулок, дабы придать ногам видимость стройности.

– Следующий.

Ричард старался запомнить всех.

Бледный и худой – Бласко. Странно, имя кэналлийское, а по внешности не скажешь. У Жоржа на правой щеке родинка, прыщавый – это Анатолий, а самый мелкий – Луиджи. Валентин... Наследника Приддов зовут именно так, значит, он угадал верно, а Паоло и впрямь может быть лишь кэналлийцем... Черные глаза и очень светлые волосы – унар Арно. Это имя обожают в роду Савиньяков, так звали прошлого графа, так зовут младшего из его сыновей. Братьев Катершванцев Дикон уже знал, следующей была его очередь. Юный Окделл под немигающим взором Арамоны замер рядом с Норбертом.

– Унар Ричард.

– Следующий.

– Унар Роберт...

– Унар Франсуа...

– Унар Юлиус...

Константин, Эдуард, Жюльен, Северин... Вот они, его друзья, братья, враги, – те, с кем предстоит жить бок о бок в странном доме, где слуги похожи на мышей, а крысы на хуриев. Двадцать один человек, несчастливое число... Если верить примете, кто-то обязательно умрет, но отец не верил. Он покинул Надор в новолуние после дождя и не повернул коня, когда дорогу перебежала кабаниха с детенышами. Эгмонт Окделл не верил в дурные приметы, а Рокэ Алва утопил восстание в крови и своими руками убил отца. Дик должен отплатить, а для этого нужно сжать зубы и вытерпеть все – капитана Арамону, кэналлийские физиономии, еретиков в черных сутанах, холодную келью, зимнюю слякоть, человеческую подлость...

Глава 4

Агарис

397 год К.С. 16–19-й день Зимних Скал

1

Пареная морковка и голые стены остались в прошлом. Маркиз Эр-При обитал в прекрасной гостинице, пил вино и ел мясо. Считалось, что ему повезло в кости.

Договор с гоганами хранился в строжайшем секрете. На этом настаивал Енниоль, чему Альдо и Робер были только рады. Связь с правнуками Кабиоховыми не украшала – с ними считались, у них занимали деньги и при этом старались держаться от хитрецов подальше. Будь на то воля Эпинэ, он обходил бы шестнадцатой дорогой не только «куниц», но и «крыс», но куда в Агарисе от них денешься?

Иноходец терпеть не мог притворяться, но ему пришлось тащиться в гавань, в трактир «Черный лев», где шла крупная игра в кости, и играть с пьяным «судовладельцем», продувшим талигойцу сначала уйму золота, затем привезенный из Багряных Земель товар и, наконец, корабль. Корабль и товар у растерявшегося победителя немедленно «купил» косоглазый гоган, разумеется, «надув» ничего не смыслящего в коммерции талигойца. Енниоль утверждал, что церковники немедленно узнают о случившемся. Так и вышло.

Вернувшись в приют, слегка подвыпивший «везунчик» встретил медоточивые улыбки и едва удержался от того, чтобы брякнуть какую-нибудь дерзость. Утром Эпинэ пожертвовал на богоугодные дела пригоршню золота и перебрался в гостиницу «Зеленый стриж», хозяин которой при виде столь щедрого постояльца возликовал. Теперь у Робера было все, и это не считая надежды на возвращение и победу.

Енниоль сказал, что потребуется около двух лет. Не так уж и много, но Альдо каждый день считал потерянным. Принц вообразил, что все очень просто – гоганы дают золото, они нанимают армию, весной высаживаются в Хёксберг и к концу лета входят в столицу. Как бы не так! Достоправный и слышать не желал об открытой войне. Первородный был разочарован, а вот Робер, несмотря на семейную горячность, понимал – «куницы» правы. Полководца, равного герцогу Алва, у Раканов нет и не предвидится, а задавить кэналлийца числом не получалось. Может, гоганского золота и хватит, чтобы нанять полмиллиона солдат, но их еще надо найти, одеть, обуть, прокормить... Таковую ораву не выдержит не только Талиг, но и все Золотые Земли скопом, а бросаться на Ворона, не имея десятикратного перевеса, дело дохлое. Оставалось ждать, хотя Эпинэ не представлял, что можно сделать, разве только отправить Первого маршала Талига в Закат.

Убить Ворона... Это пытались сделать, и не раз, но, казалось, Алву, как и Дорака, хранит сам Леворукий; впрочем, про гоганов болтали, что они могут обмануть и его. Явись Роберу Повелитель Кошек собственной персоной, Эпинэ не задумываясь принял бы его помощь, но Енниолю он поверить не мог – уж слишком сладка была приманка и необременительна плата.

Развалины у отрогов Мон-Нуар никому не нужны, хотя некогда Гальтара и была столицей всех Золотых земель. Что до древних реликвий, то Эпинэ слыхом не слыхал ни о чем созданном до принятия эсператизма. Может, в Гальтаре спрятан клад и гоганы об этом знают – но почему бы не вырыть его тайком? Снарядил караван – и вперед! Конечно, Мон-Нуар, по слухам, место не из веселых, но добраться туда через Кагэту легче и дешевле, чем ломать хребет целому королевству. Потребуй достоправный в уплату что-то и впрямь ценное, было бы спокойней.

Иноходец пробовал говорить об этом с Альдо, но тому море уже стало по колено. Сюзерен мечтал даже не о короне – о том, как покидает ненавистный Агарис и ввязывается в драку, дальше принц не загадывал. Пять лет назад Робер Эпинэ был таким же, но тогда за него думали дед и отец.

В дверь постучали. Пришел слуга, принес письмо, запечатанное серым воском, на котором красовался отпечаток мыши со свечой в лапках. «Истина превыше всего». Магнус Клемент, чтоб его! Зачем «крысе» Иноходец?

Робер сломал печать и развернул серую же бумагу. Магнус желал видеть Робера из дома Эпинэ, и немедленно. Поименованный Робер, помянув Леворукого и всех тварей его, потянулся за плащом и шляпой. Клемент был единственным, кому Иноходец верил меньше, чем достоправному Енниолю, но, думая о старейшине гоганов, талигоец вспоминал прелестную Мэллит, а рядом с магнусом Истины были только монахи, причем гнусные и скучные. В других орденах еще попадались весельчаки, умницы и пристойные собутыльники, «истинники» же походили друг на друга, как амбарные крысы, и были столь же обаятельны.

Только б Клемент не пронюхал о договоре! Правнуков Кабиоховых «крыски» ненавидят, будь их воля – в Агарисе не осталось бы ни одного гогана, но у Эсператора и остальных магнусов – свое мнение. Для них рыжие прежде всего негоцианты, обогащающие Святой град, и лишь потом еретики, к тому же тихие. Правнуки Кабиоха ни к кому не лезут со своей верой, не то что «истинники»...

Иноходец сам не понимал, почему не переносит один из самых влиятельных орденов, но при виде невзрачных людишек с мышью на плече его начинало трясти. Ракан смеялся, Эр-При злился. Мысленно поклявшись вести себя с должным почтением и сначала думать, а потом говорить, Робер тяжело вздохнул и отправился на встречу с его высокопреосвященством⁵⁸.

⁵⁸ Магнусы в церковной иерархии равны кардиналам, возглавляющим эсператистскую церковь в суверенных государствах, отсюда и обращение «ваше высокопреосвященство».

Высокопреосвященство обитало в аббатстве Святого Торквиния, столь же сером, как и его обитатели. Остальные ордена полагали, что чертоги слуг Создателя должны вызывать восторг и благоговение, и на украшение храмов и монастырей шло лучшее из того, что имелось в подлунном мире. «Истинники» были – нет, не скромны, скромность тоже бывает прекрасной, они были нарочито бесцветны. Даже обязательные для эсператистского храма шпили, увенчанные кованым язычком пламени, были не вызолочены, а покрашены в мышиный цвет. Обожавший яркие краски Иноходец полагал это оскорблением всего сущего, но торквинианцам до его мнения дела не было.

Старообразный монашек тихоньким голоском доложил, что его высокопреосвященство Клемент просит пожаловать в его кабинет. Кабинет... То ли больница для бедных, то ли подвал для овощей – серо, мрачно, тошно...

Магнус очень прямо восседал в жестком деревянном кресле с высокой спинкой, украшенной то ли изображением мыши со свечой, то ли портретом самого магнуса. Робер честно опустился на колени, подставив лоб под благословение, но, когда сухие жесткие пальцы коснулись кожи, захотелось сплюнуть.

– Будь благословен, сын мой, – прошелестел магнус, – и да не хранит сердце твое тайн от Создателя нашего.

– Сердце мое открыто, а помыслы чисты, – пробормотал Иноходец. Иметь тайны от Создателя и впрямь нехорошо, но выворачиваться наизнанку перед дрянной «мышью» он не собирается!

– Поднимись с колен и сядь. Нам предстоит долгий разговор. До меня дошло, что тебе улыбнулась удача.

Так дело в его «выигрыше»? Святоша потребует пожертвовать на храм или на что-нибудь в этом роде. Пусть подавится, лишь бы отстал. Нужно будет – он «выиграет» еще.

– Да, ваше высокопреосвященство. Я вошел в таверну нищим, а вышел богачом.

– Чужой расставляет ловушки праведным на каждом шагу. Бедность и скромность – вот щит от козней.

Робер промолчал. Пусть сам скажет, чего хочет.

– Но осчастлививший тебя золотой дождь излился из иного облака...

Воистину из иного! Гоганского. Где пройдут гоганы, Чужому делать нечего. Ну, чего ты тянешь? Говори, сколько хочешь, и отстань.

– Удача, пришедшая к тебе, – знак свыше. Пришла пора спасти Талигойю от гнуснейшей из ересей, а с подобным следует воевать подобным. У погрязших в олларрианской скверне горы золота, твердо стоят они на земле, остры их мечи и исполнены гордыни сердца. Создатель наш в великой мудрости Своей послал нам знамение. Нет греха в том, чтобы говорить с ними на понятном им языке. Золото против золота. Сталь против стали.

Теперь Иноходец уже ничего не понимал. Неужели «крысы» заодно с «куницами» и гоганы на корню скупили самый вредный из орденов? Но зачем им «истинники»? Искать союзников лучше в ордене Славы, на худой конец, Знания, а эти?! Или «крыскам» дали отступного, чтоб не лезли, куда не просят, но какого Змея ему ничего не сказали?!

– Победить Олларов непросто, – брякнул Эпинэ первое, что пришло в голову. – Мы пытались...

– Раньше времени затеяли вы дело свое, – покачал головой магнус, – ваши сердца были исполнены доблести и рвения, но не было на вас благословения Истины, и вы проиграли.

– Ваше высокопреосвященство! Значит ли это, что орден...

– Да, – поднял палец магнус. – Молодой Ракан станет королем во славу Истины! Однако пока держи наш разговор в тайне ото всех, и особенно от Эсператора, в скудоумии своем не желающего войны с еретиками. Если тебя спросят о нашем разговоре, отвечай всем, кроме

Альдо Ракана, что речь шла о спасении твоей души и о том, что ты решил пожертвовать аббатству пятую часть выигрыша.

– Разумеется, ваше высокопреосвященство!

– Орден не берет, но дает угодным Создателю, – отрезал Клемент, поразив Эпинэ в самое сердце. – К одному твоему золотому приложится шесть орденских, и все они пойдут на великое дело. Круг Ветра принц Ракан встретит королем Талигойским.

2

За дверью раздалось пыхтение и царапанье, затем створки раздвинулись, и в щель протиснулся сначала мокрый черный нос, затем – голова и, наконец, вся Мупа. Вдовствующая принцесса Матильда засмеялась и потрепала любимицу по голове. Мупа принадлежала к благородному роду короткошерстных дайтских легавых и была воистину королевской собакой. Вдовица не чаяла в ней души и не уставала повторять, что Мупа умней и благородней любого дворянина. И уж тем более дайт в тысячу раз лучше Питера Хогберда, ожидавшего Матильду в гостиной.

Когда восстание Окделла стало захлебываться, Хогберд бросил мятежного герцога и удра в Агарис, хотя именно он и подбил Эгмонта на отчаянный шаг. В этом был весь Питер: загребать жар чужими руками, а когда запахнет жареным – прыгать в кусты, и пусть отдуваются другие. Смелую до безрассудства Матильду от Хогберда тошнило, но приходилось терпеть и соблюдать приличия. В частности, принимать гостей в соответствующем виде.

Матильда Ракан принадлежала к той редкой породе женщин, которые терпеть не могут заниматься своими туалетами. Любым портновским изыскам принцесса предпочитала мужское охотничье платье, но, несмотря на небрежность в одежде, пристрастие к мужским забавам, крепким словечкам и выпивке, всю жизнь пользовалась бешеным успехом.

Принцесса с притворной строгостью отпихнула от себя коричневую морду, вполголоса ругнулась и с помощью старой служанки сменила любимый и привычный мужской костюм на пышное, хоть и потертое платье.

Черный парик с буклями Матильда нахлобучила самостоятельно: она не терпела, когда ей помогали больше чем нужно. Украсив внушительный бюст рубиновой брошью, чудом избежавшей лап ростовщиков, вдова выплыла из спальни, проклиная про себя корсет, бедность, нудный зимний дождь, опротивевший Агарис и, само собой, гостя.

Развалившийся в обитом потускневшей парчой кресле Хогберд при виде хозяйки поднялся и отвесил поклон. Матильда буркнула что-то приветственное, но руки для поцелуя не протянула – обойдется. Питер любит ее не больше, чем она его, однако стая есть стая. Тягаться с Олларами и Сильвестром можно лишь сообща. Принцесса не сомневалась, что Хогберд спит и видит себя кансильером, но кансильером Талигойи может быть только Август Штанцлер.

– Вы хотели меня видеть? – Ее высочество славилась тем, что всегда брала быка за рога.

– Моя принцесса, знаете ли...

От баронского «знаете ли» Матильду трясло, равно как и от его бороды. Впрочем, без бороды Хогберд был еще гаже. Когда Питер впереди своего визга примчался в Агарис, его лицо покрывала короткая пегая щетина. Борец за свободу Талигойи, удирая, озабочился побриться. Разумеется, во имя Отечества, которое гибели Питера Хогберда не перенесло бы.

– Пока, барон, я ничего не знаю. Садитесь и рассказывайте. Пить будете?

– Благородная Матильда, я осмелился презентовать вам дюжину бутылок «Слезы раскаяния». Они уже в буфетной. Поставщик уверяет, что это особенная лоза. Зная вас как знатока...

Отказываться от подношения и выставлять на стол более чем посредственное винишко было по меньшей мере глупо, оставалось поблагодарить и принять. «Слеза» оказалась очень и очень неплохой, хотя в Кэналлоа делали вина и получше.

– И что скажет благородная Матильда? Я жду приговора.

В винах принцесса и впрямь разбиралась. Так же как в политике, оружии и лошадях, а вот дела, почитающиеся женскими, ее бесили.

– Недурно, – объявила ее высочество, – но для кэналлийцев далеко не предел. Эр Питер, давайте начистоту. Что случилось?

– Мне, право, неприятно, но это касается нашего дорогого Альдо...

С какой это стати Альдо стал «его дорогим»?! Внучок, конечно, еще тот обалдуй, но коня от борова как-нибудь отличит. Потому и спелся с Робером, а Хогберда на дух не переваривает.

– Что натворил мой внук на этот раз?

– О, к счастью, ничего непоправимого. – Питер достал сплетенный из серебряной проволоки кошель с опаловой застежкой. Откуда у явившегося в Агарис едва ли не в чем мать родила барона деньги, Матильда не представляла, но паршивец как-то сумел поправить свои дела, недаром на гербе Хогбердов красовался цветок тюльпана, из которого сыпались золотые монеты.

– Уже легче. – Принцесса по-мужски стремительно осушила бокал. – И что мне предстоит исправить?

– Все уже исправлено, – Хогберд извлек из кошельки четки темного янтаря, – я выкупил их у гогана.

– За сколько?

– Неважно. Пусть эрэа позволит мне оказать маленькую услугу дому Раканов.

– Сколько? – угрюмо повторила Матильда.

– Ну, если эрэа настаивает...

– Настаиваю!

Как же это некстати... Однако придется раскошелиться. Есть люди, быть обязанным которым неприлично. Вот от Эпинэ не зазорно принять любую помощь, но бедняга Иноходец сам без гроша. Что поделать, если честь и золото друг друга терпеть не могут.

– Двадцать шесть вел⁵⁹, – потупился Питер. – Гоган понимал, что у него в руках фамильная реликвия...

Двадцать шесть?! Это значит, что до лета мясо в этом доме увидит лишь Мупа. Да пропади они пропадом, эти четки, хотя... Матильда сама потихоньку спустила почти все свои драгоценности, ей ли пенять Альдо? А брошка все равно надоела.

– Я пришлю вам деньги завтра же.

– Эрэа...

– Барон Хогберд, – принцесса поднялась, и визитер был вынужден последовать ее примеру, – я благодарю вас за оказанную услугу, но дайте мне слово, что больше не станете... – Матильда замялась. Хотелось сказать «лезть не в свое дело», но Хогберд был хоть и поганым, а союзником. – Не станете рисковать своим имуществом ради спасения нашего.

– Мне бы не хотелось...

– Если вы и впрямь служите дому Раканов, просьба бабки сюзерена для вас закон.

– Повинуюсь, эрэа. Клянусь Честью.

Да, Питер Хогберд – Человек Чести. Истинный. По рождению. Только вот честь и рядом с ним не лежала, даже странно, что такой ызарг в родстве с Окделлами.

– Еще раз благодарю вас.

Слава Создателю, убрался... Любопытно, чего он хотел – оказать услугу или заработать? С Хогберда станется выкупить янтарь за двадцать, а «вернуть» за двадцать шесть. Одна радость, в доме завелось приличное вино, хотя вряд ли его хватит надолго. Вдовствующая принцесса пропустила еще стаканчик и решила все-таки отругать внука.

---

⁵⁹ Вела – золотая монета, чеканящаяся в Гайифе и имеющая хождение во всех Золотых землях.

Поднимаясь по лестнице в башенку, где обитал Альдо, почтенная дама наступила на собственный подол. Раздался треск рвущейся материи. Опять деньги на ветер! Помянув Разрубленного Змея со всеми родственничками по женской и мужской линиям, одним из которых, без сомнения, был Питер Хогберд, принцесса ввалилась к единственному внуку.

Альдо лежал на кровати с книжкой, которую при виде бабки торопливо сунул под подушку. Матильда представила, о чем парень читает, и с трудом подавила смехок.

– Чего хотел от тебя этот боров? – осведомился внук, не простивший Питеру ни его трусости, ни его богатства.

Вместо ответа принцесса бросила на стол злосчастные четки.

– Это удовольствие обойдется нам в двадцать шесть вел.

Альдо присвистнул:

– Я продал их за десять.

– Твою кавалерию! – Бабушка была скорей восхищена, чем возмущена.

– Матильда, я давно подозревал, что Хогберд четверых гоганов проглотит.

– На что тебе не хватало? – поинтересовалась вдовица, усаживаясь на кровать и стаскивая с коротко стриженной головы осточертевший парик.

– На все... Сил не было смотреть, как Робера морковкой кормят. Решил сводить его поужинать.

– Правильно, – с ходу одобрила Матильда, – друзей надо кормить и за все надо платить. Теперь морковку будут жрать все.

– А вот и нет, – рассмеялся Альдо, – мы с Робером разбогатели.

– Вы с Робером? Не верится что-то... Купцы из вас никакие, душу Леворукому и то не продадите.

– А мы не торговали, – засмеялся Альдо, – мы в кости играли. Вернее, играл Робер и выиграл целый корабль... Со всем товаром! Мы его тут же гоганам сплывили. Продешевили, конечно, но все равно двадцать шесть вел для нас теперь не деньги!

– погоди, друг любезный, – перебила вдовица, – я понимаю, вы с Иноходцем друзья, но жить за его счет мы не можем.

– Как это за его? – вскинулся внук, но быстро одумался. – Ну... Не все ли равно! Если б выиграл я, я бы...

– Ты бы... – хмыкнула Матильда. – Ты выиграй сначала, и потом мы – другое дело. Эпинэ наши вассалы, мы их кормить можем и даже должны, они нас – нет...

– Матильда, ты не понимаешь. Мы...

– Я все понимаю. Деньги за четки, так и быть, мы у него возьмем, но больше ни суана. Понял?

Внук кивнул. Матильда видела, что парень не согласен, только он не приживальщик и не брехло. Принцесса искренне презирала дворян, живущих за счет богатых друзей, что отнюдь не мешало ей самой подкармливать тех, кто был еще бедней. Альдо такой же. Конечно, мальчишки теперь примутся вместе таскаться по трактирам и подружкам, но занимать у Робера деньги внук не станет.

– Матильда, – немного поколебавшись, спросил внук, – ты что-нибудь знаешь про Гальтару? Что в ней особенного? Какого Змея столицу перенесли в Кабитэлу?

Зубы заговаривает... Альдо с детства отвлекал бабуку от неприятных разговоров, спрашивая обо всякой ерунде, но с чего парню взбрели в голову эти развалины?

3

Наступала ночь Вентóха⁶⁰. Наконец-то! Мэллит с нежностью улыбнулась висящей над черными крышами лунной половинке. Ночь Луны – ночь свободы! Маленькая гоганни поняла это лет в семь. Какие бы муки ни грозили нарушительнице заветов Кабиоховых после смерти, в этом мире ночные прогулки были единственной радостью, которую знала младшая дочь достойного Жаймиоля.

Мэллит росла тихой, замкнутой и очень послушной, как и положено младшей дочери и к тому же дурнушке. На девочке испробовали множество снадобий, за нее возносили молитвы, ее окуривали отвращающими зло благовониями и поили утренней росой. Не помогало ничего – Мэллит оставалась безнадежной худышкой, которую чуть что начинало тошнить. И это при том, что семь ее старших сестер росли настоящими красавицами!

С возрастом болезнь прошла сама собой, но девочка так и осталась заморышем. В доме ее жалели и сетовали, что найти дурнушке жениха будет непросто. Причитания родичей девушка выслушивала молча, вернее, не выслушивала. Мэллит очень рано научилась кивать, думая при этом о своем. Ее считали слабой, послушной и глупенькой, а она лазала по деревьям и крышам не хуже кошки и перечитала все имевшиеся в доме книги, а было их немало.

То, что на ней никто не женится, гоганни не пугало – девушку не привлекала жизнь, которую вела мать, и она не завидовала красоте сестер. Чему завидовать? Тому, что на Фанэлли наконец не сошелся Пояс невесты?⁶¹ Зато Мэллит сегодня увидит того, о ком мечтает!

Когда из всех девиц общины была избрана Мэллит, мать и сестры долго плакали. Они надеялись, что малышку все же удастся пристроить, но слово достославного из достославных – закон. Старейшина справедлив – из всех невест он выбрал самую безнадежную и сделал ее... самой счастливой. Гоганни не может любить не гогана, но ставшая Залогом свободна от замужества, а первородный Альдо достоин любви как никто другой! Мэллит с нежностью коснулась шрама на груди. Их кровь и их судьбы связаны до самой смерти, любимый об этом не подозревает, но это так.

Если до Енниоля дойдет, что ставшая Залогом читала Кубьёрту⁶², с нее не спустят глаз, но откуда достославному это знать?! Женщины не читают, а едят, сплетничают и занимаются рукоделием. Конечно, Мэллит поняла далеко не все, но даже Учителя могут разъяснить не более трети Книги. К счастью, Залог – это совсем просто. Старейшины думают, что, обладая ею, они держат в руках первородного, но для ничтожной Мэллит Альдо дороже всех сокровищ мира, матери, отца, Закона... Душу свою она уже погубила, восьмилетней девочкой покинув в ночь Флоха спальню и забравшись в Чертог Четверых и Одного, и с тех пор ночи Луны принадлежали ей. Мэллит была свободна и счастлива своей свободой. Ее никто не видел и не мог видеть – все в доме сидели по своим спальням и молили Кабиоха о возвращении и прощении. Все, но не Мэллит! Пять дней она была послушным ягненком, в шестую ночь превращалась в дикую куницу, но лишь встретив первородного, поняла, что значит жить.

Луна поднялась над крышами и запуталась в ветвях платана. Зазвенел гонг, оповещающая правнуков Кабиоховых, что пришел час изгнать из сердец сиюминутное и открыть их вечному.

---

⁶⁰ Ночь Луны – ночь, в которую луна переходит из одной фазы в другую. Гоганы считали, что каждая из ночей Луны посвящена одному из сынов Кабиоховых: новолуние – Флоху, первая четверть – Вентóху, полнолуние – Оллиóху, третья четверть – Роху. В ночь Луны гоганы ничего не едят, не пьют, не занимаются любовью и не покидают своих комнат.

⁶¹ Гоганы полагают, что красивой может быть только очень полная женщина. Когда девочка подрастала, ей дарили Пояс невесты, который постепенно распускался. В день, когда пояс не удавалось завязать, считалось, что девушка достаточно хорошо сложена и ее можно показывать жениху.

⁶² *Кубьёрта* – книга, в которой собраны тайные знания и поверья гоганов. Списки Кубьёрты хранятся в пяти наиболее уважаемых домах гоганской общины в особой маленькой комнатке рядом с Чертогом Четверых и Одного.

Мэллит перевернула песочные часы и устроилась на кровати, обхватив коленки. Она ждала, когда отец отца пройдет по дому, проверяя, заперты ли все двери изнутри, и запрет их снаружи.

Прозвучали шаги, почти бесшумно повернулся в замке ключ. Теперь хозяин дома поднимется наверх, бросит в курильницы на внутренней галерее угодные Вентоху благовония и закроется в спальне. Мэллит следила за песчаным ручейком, изнывая от нетерпения. Последние четверть часа тянулись едва ли не дольше, чем пять дней, но кончились и они. Дом замер, только во внутреннем дворе рычали спущенные с цепи псы да вдоль внешней стены стучали колотушками сторожа-иноверцы. Мэллит распахнула окно и белкой перескочила на старый платан, с которого перебралась на галерею. Дорогу в Чертог она отыскала бы даже с завязанными глазами.

Отец отца, прежде чем пройти к себе, наполнил светильники маслом и раздвинул все четыре занавеса. Девушка подошла к арке, и та, почувствовав приближение Залого, проснулась: золотые грани ярко вспыхнули и начали медленно таять. Шрам на груди заныл, и показался стилет, неподвижно висящий в золотистом мареве, кровь на конце клинка по-прежнему была алой. Бормоча вычитанные в Кубьерте малопонятные слова, Мэллит присела на корточки. Она желала видеть того, с кем ее связали кровью и клятвой. И еще Любовью, великой и единственной. Так дочь Вентоха полюбила сына Роха, так Сунилли любила Царя Царей, а Эгри – Поэта Поэтов.

Ранка на груди болела все сильнее, но боль – невысокая цена за право взглянуть на любимого. Дважды Мэллит заставляла нареченного Альдо спать в своей постели, однажды он пил вино с блистательным Робером, а в ночь Роха с первородным была женщина, которую гоганни захотелось задушить. Успокоившись, она убедила себя, что нареченный Альдо свою подругу не любит, а подумав еще немного, возликовала. Женщина была невысокой и костлявой, что дарило самой некрасивой из дочерей Жаймиоля надежду. Готовясь произнести запретные слова, Мэллит велела себе не злиться, если первородный вновь будет не один, но пищи для ревности на сей раз не нашлось.

Сквозь золото проступило дорогое лицо. Принц сидел у стола в мрачном сводчатом зале, а рядом сустились какие-то люди – или не люди? Девушка отчаянно вглядывалась в редящий туман, пытаясь понять и запомнить. Гоганни не сразу разобрала, что делают с любимым маленькие мужчины в сером, а разобрав, едва удержалась от крика. Происходящее казалось отражением того, что свершил достославный из достославных, только те, из видения, действовали напрямую, без Залого...

Боль сделалась невыносимой, казавшаяся зажившей рана открылась, выступила кровь. Пытаясь унять кровотечение, девушка прижала к груди косу и с трудом поднялась. Ноги подкашивались, голова кружилась, но лечь Мэллит не могла, как и позвать на помощь. Нужно во что бы то ни стало вернуться в спальню; если ее найдут возле ары, всему конец!

4

Последние дни Эпинэ не находил себе места, и причиной тому были «истинники», вернее, договор, который заключил с ними Альдо. Союзнички, раздери их кошки! Торквинианцы нравились Иноходцу куда меньше гоганов, рыжие хотя бы объяснили, чего хотят. Конечно, олларрианцы у эсператистов сидят в печенках, и давно, но воевать с ересью – дело Эсперадора. Святой престол терпел Олларов четвертую сотню лет, держа наследников Раканов впроголодь, а тут на тебе! Робер, в отличие от сюзерена, родился и вырос в Талиге и, хоть почитался сорви-головой, иногда этой самой головой думал. Люди Чести могут сколь угодно проклинать потомков узурпатора, сила на стороне Сильвестра, а народу – народу все равно.

Робер и хотел бы забыть Ренкв́аху, да не мог. Эгмонт рассчитывал поднять север и северо-запад, но крестьяне продолжали ковыряться в земле, а ремесленники – тачать сапоги

и гнуть обручи для бочек. Чернь не волновало ни кто сидит на троне, ни как называется столица, а до богословских тонкостей ей и вовсе не было дела. Хотя чего ждать от шорников и трактирщиков, если наследнику рода Эпинэ плевать, в каких тряпках ходят монахи и непогрешим ли Эсператор! Если непогрешим, то Клемент, идя против главы церкви, сам становится сосудом Врага...

Мелкий магнус был неприятен, непонятен и опасен, куда опаснее Енниоля, который Роберу чем-то нравился. Возможно, тем, что начал дело с ужина и рассказа про своих флохов. Может, гоган и врал, но Клемент темнил без всяких «может», а сюзерен дал ему слово. Как в сказке, где закатная тварь просит то, что сам про себя не знаешь. Чего же такого не знает о себе Альдо? Почему четыреста лет о старой династии никто не вспоминал, и вдруг два горошка на ложку?!

Раздумья никогда не были сильной стороной Иноходцев, но махнуть рукой на несвоевременные мысли не получалось. Видимо, умственное напряжение изрядно омрачило чело Робера, потому что ворвавшийся к своему маршалу Альдо первым делом осведомился, не болят ли у того зубы.

Принц горел желанием немедленно отправиться на конскую ярмарку, но был готов завернуть к зубодерам. Эпинэ начал отшучиваться и вдруг вывалил на будущего короля свои опасения, впрочем, не произведшие на первородного ни малейшего впечатления. Альдо засмеялся и хлопнул друга по плечу.

– Все в порядке, господин маршал. Мы с тобой, как тот козленок, проскочим между львом и крокодилом, пока те дерутся. Если честно, я немножко боялся гоганов, уж слишком мало они хотят, зато теперь мы на них, если что, Клемента спустим.

– Я не поклонник Эсператии, – покачал головой Иноходец, – но про тех, кто обещает двоим одно и лжет обоим, там правильно сказано.

– Робер, – скорчил рожу принц, – с чего ты взял, что я лгу? Свое слово я сдержу, если, разумеется, стану королем. То, что «куницы» и «мыши» просят, они получают, беды-то! Меньше Нохского монастыря мне нужна только Гальтара, а старые цацки пусть ищут и делят сами. Но если поганцы вместо сапог захотят ногу, я их натравлю друг на друга.

– Ты бы хоть Матильде рассказал, – пробурчал, сдаваясь, Эпинэ.

– Нельзя. Я обещал, а потом, ты же ее знаешь, как пить дать проболтается. На того же Хогберда разозлится и брякнет. Когда что-то начнет получаться, я все объясню, а сейчас – рано. И вообще ну их всех к Леворукому. Мы идем или нет?

– Может, за Матильдой зайдем? – на всякий случай предложил Робер. – Она плохого не посоветует.

– Нет, – отрезал Альдо. – Мне надоело быть внуком «великолепной Матильды». Королю коня выберет его маршал.

– Как будет угодно его величеству, – засмеялся Эпинэ. Он никогда не отличался тщеславием, но признание его познаний по конской части не могло не радовать – лошади и все с ними связанное было единственным, в чем Робер проявлял немыслимое терпение. Они трижды обошли конский рынок, приглядываясь к выставленным скакунам; Эпинэ отметил шестерых и пошел по четвертому кругу, по очереди осматривая претендентов. Глаз и чутье будущего маршала не обманули – лучшим, по крайней мере для Альдо, оказался гнедой трехлетка линарской породы⁶³ – среднего роста, длинный, стройный, он прямо-таки был создан для принца. Гнедой не был ни щекотливым, ни слишком мягкоуздным и казался спокойным, это обнадеживало.

Альдо был чудесным парнем и весьма посредственным наездником. В седле принц держался крепко, но руки у него были дубовые, и он не чувствовал лошадиного рта, без чего, по глубокому убеждению Робера, ни одной приличной лошади не выехать. К несчастью, сам

---

⁶³ Линарская порода (линарцы) лошадей весьма популярна у высшей аристократии Золотых Земель.

Альдо ставил свое мастерство очень высоко, полагая главным достоинством всадника умение гонять сломя голову и не мытьем, так катаньем заставлять коней подчиняться. Робер боялся, что рано или поздно Альдо нарвется, но поделаться ничего не мог, разве что выбрать другую лошадь без вывертов.

Эпинэ придиричиво осмотрел ноги жеребца – сухие отбитые суставы радовали взгляд знатока.

– Альдо, если брать, то этого.

– Да, неплох, – снисходительно согласился принц, – но низковат, и масть...

– Рост у него правильный, больше и не нужно, а белый конь подождет. Сначала нужно победить...

– И все-таки давай еще того мориска глянем.

Спору нет, молочно-белый красавец был хорош, но опасен, по крайней мере для сюзерена. По тому, как конь сгибал шею и косил глазом, Робер сразу понял – змей! Порывистый, диковатый и наверняка злопамятный. Сам бы Эпинэ рискнул – нет лошади, к которой нельзя подобрать ключик, было б терпение, но Альдо захочет всего и сразу. Самым умным было взять для Альдо гнедого, а для себя – белого... Мысленно маркиз уже гонял мориска на корде, подбирая для него правильное железо и чуть ли не расчищал ему копыта, однако долг друга и вассала требовал совсем другого.

– Неплох, – Робер снисходительно улыбнулся, похлопав атласную шкуру, – но рядом с гнедым... Тот его в два счета обставит, хотя для парада хорош, не спорю...

Прости, дорогой, за клевету, так надо. Тебе принца не возить, зато оба целы будете.

– Тогда берем гнедого, – решился Альдо, – мне кляча не нужна.

Стоил линарец немало, но денег у них теперь хватало. Гоганских денег. Эпинэ отсчитывал последние монеты, когда базарный мальчишка сунул ему в руку письмо.

«Благородные кавалеры не ошибутся, если отметят покупку великолепного животного в «Смелом зайце».

Записка как записка. Трактирщики чего только не удумают, чтобы заполучить клиента побогаче, но Робер отчего-то не сомневался, что их ждет не пирушка, а разговор, причем не из приятных.

5

Друзья проторчали какое-то время в общем зале, потягивая вино и обсуждая достоинства гнедого, потом у дверей начали кого-то бить, и чуть ли не сразу пробежавший мимо слуга уронил на стол еще одну записку. «Благородным кавалерам» предлагалось выйти через кухонную дверь, и они вышли. Прямо к конным дамским носилкам, в которых оказался достославный Енниоль собственной персоной. «Смелый заяц» с его заурядной кухней и домашним вином не числился среди гоганских трактиров, но владели им правнуки Кабиоховы, хотя вряд ли кому в здравом уме и твердой памяти пришла бы в голову подобная мысль.

– Блистательные удивлены? – Вопрос был праздным. Енниоль что-то сказал на своем языке, и лошади медленно тронулись с места. – Неотложное дело вынудило сына моего отца забыть малую осторожность во имя великой. Что могут сказать блистательные о делах ушедшей ночи?

– Ушедшей ночи? – переспросил Альдо. – Ничего. Ночь как ночь.

– Не случилось ли с блистательным Альдо чего-то необычного? Быть может, он видел странный сон или испытал странные ощущения?

– Скуку я ощущал, – махнул рукой Альдо. – К нам с Робером прицепились «истинники». Им приспичило спасти наши души. За ваши деньги, разумеется.

– Пусть блистательный припомнит, – подался вперед старый гоган, – только ли о золоте говорил отмеченный мышью и не случилось ли во время беседы чего-то необычного.

– Ну, – принц склонил голову к плечу, и Робер понял: разговор становится важным, – магнус сказал, что Создатель на моей стороне и скоро я займу трон предков... Потом мы поболтали об оллариянцах, и я согласился, что они еретики. Признаться, я решил, что вы им заплатили, ведь уломать святош нам помочь не выходило ни у кого.

– Правнуки Кабиоховы не осквернят себя договором с отмеченным мышью. Неужели блистательный...

– Нет, – перебил старого гогана Альдо, – я решил ничего не понимать, но со всем соглашаться.

– Да пребудет над блистательным и впредь длань Кабиохова! Не пролилась ли вчера ночью кровь?

– Кровь? – взлетели вверх брови Альдо. – В Агарисе запрещены дуэли, и уж подавно я не стану драться с магнусом.

– Сын моего отца спрашивал внука твоего деда об ином. Не поранился ли он вчера?

– Достославный Енниоль, – в голосе Альдо послышалось раздражение, – что случилось? Я понимаю, что ваши вопросы неспроста.

– У юной Мэллит, чья кровь скрепила наш договор, открылась рана. Это может означать лишь одно – зловредный посягнул на кровь блистательного, но удар приняла на себя правнучка Кабиохова.

– Что с ней? – Глаза Альдо блеснули. – Она жива?

– Жива и к ночи Роха будет здорова, но блистательный не ответил.

Альдо свел брови и «припомнил»:

– Я и впрямь где-то то ли укололся, то ли оцарапался, но где и как, не помню.

– Сын моего отца узнал все, что хотел узнать. Сейчас он скажет то, что должен сказать. Пусть блистательный соглашается со всем, что ему скажет отмеченный мышью, но не исполняет обещанного, не сказав правнукам Кабиоховым. Если блистательный пожелает призвать нас, пусть раскроет окно и положит на него книгу.

– Но что «истинники» могут мне сделать?

– Есть множество тайн, горьких, как полынь, и острых, как бритва. Непосвященным не должно их касаться. Правнуки Кабиоховы защитят первородного, если он не пренебрежет их советами.

– Спасибо, – пробормотал Альдо.

– Да пребудет над семенем Кабиоховым рука Его, и да будет блистательный осторожней оленя и мудрее змеи.

Носилки остановились, Альдо и Робер спрыгнули на землю, оказавшись среди каких-то сараев, из-за которых виднелась колокольня церкви Блаженного Ожидания.

– Рыжий змей, – пробормотал Альдо. – Думаешь, ему можно верить?

– Больше, чем Клементу.

– Мне тоже так кажется. Жаль девчонку, она прехорошенькая...

Прехорошенькая? От фливорного словца Робера передернуло. Мэллит прекрасна, но она – гоганни, а он – наследник рода Эпинэ. Зима с летом и то ближе друг другу.

– Зря ты не рассказал старику про Ноху и остальное.

– Успеется. Как думаешь, какого рожна всем им нужно от меня *на самом деле*?

– Спроси чего полегче, но твои «друзья» явно не в одной упряжке.

– Да, каждый хочет поживиться. И, между прочим, за наш счет. Послушай, Эпинэ, куда это мы с тобой вляпались?

Глава 5

Талиг. Лаик Оллария

398 год К.С. 1–8-й день Зимних Ветров

1

В первый раз Суза-Муза-Лаперуза граф Медуза из Путеллы заявил о себе хмурым зимним днем. Капитан Арамона поднял крышку супницы и выудил оттуда огромную ярко-малиновую перчатку с шестью пальцами. Перчатка была с левой руки, что по кодексу поединков означает вызов, посылаемый отсутствующему. Дескать, вызывающий вызываемого не застал, однако откладывать объяснение не считал возможным и настоятельно требует удовлетворения.

Каким образом перчатка очутилась в столь любимом капитаном наваристом бульоне, осталось загадкой, но она там очутилась. Обалдевший от неожиданности и злости Арнольд отшвырнул улов, шестипалая пакость пролетела над столом, отмечая свой путь жирными брызгами, и шмякнулась у камина. Слуга споро унес неблагонадежную супницу и вернулся с новой, в которой не оказалось ничего предосудительного. У Арамоны достало ума закончить трапезу и выйти из-за стола, не замечая наглого малинового пятна.

Когда капитан с клириком и менторами удалились, унары выскочили из-за стола и столпились вокруг загадочного трофея. После минутного созерцания Норберт поднял истекающий бульоном ком и неторопливо развернул. Перчатку украшал искусно вышитый герб: среди скрещенных копий и сосновых ветвей⁶⁴ на блюде возлежит свинья, в чье пузо воткнут обеденный нож. Вокруг краги вилась надпись, повествующая, что владельцем сего герба является благородный и голодный Суза-Муза-Лаперуза. Как следует разглядеть монстра унарам не дал слуга, молча и равнодушно взявший перчатку из рук Катершванца, но это было лишь началом.

Послав капитану Лаик формальный вызов, Суза-Муза медлить не стал, незамедлительно развернув военную кампанию. Первым его подвигом стала порча портрета в фехтовальном зале. Таинственный граф изуродовал воинственный Арамоний лик, пририсовав ему свинячье рыло и свинячьи же уши. Художником Медуза оказался посредственным, но унары проявили к нему снисхождение, чего нельзя было сказать про самого Арнольда.

И без того красная рожа капитана стала вовсе багровой, но, вопреки ожиданиям, Арамона не завопил и ногами не затопал, а медленно обошел своих воспитанников, поочередно разглядывая каждого по-рачьи выпученными глазами. Выдержать это оказалось непросто. Неудивительно, что прыщавый Анатолий вспыхнул и опустил голову.

Арамона молчал, молчали и унары. Тишину нарушал лишь ледяной зимний дождь, монотонно вгоняющий в подоконник водяные гвозди. Когда напряжение стало невыносимым, господин капитан соизволил заговорить.

– Вступая в братство святого Фабиана, вы знали, что за проступок, совершенный одним, отвечает или виновный, или все. Обеда сегодня не будет. Ужина – тоже. Если, разумеется, я не узнаю, кто посягнул на изображение доверенного лица нашего государя!

– Хрю, – отчетливо раздалось откуда-то слева. В надорский замок еще при жизни отца однажды забрел чревоушатель, немало потрясший пятилетнего Дикона. Оказалось, кто-то из унаров в полной мере владел этим странным искусством. Арамона ринулся на голос, но, разумеется, никого не изловил. Эстебан, Норберт с Йоганном, Паоло, Валентин и Арно молчали.

---

⁶⁴ Сосновые ветви, обрамляющие щит с гербом, указывают на графское достоинство, еловые – на баронское, кипарис – дерево герцогов, а кедр – королей.

Дик подозревал, что человек пять, знай они правду, побежали бы с доносом, но Суза-Муза таился не только от менторов и слуг, но и от товарищей.

Портрет сняли и унесли, убрался и Арамона, на прощание объявив, что, если унары надумают что-то сообщить, капитан ждет в своих апартаментах. Никто не пришел, и Свин свою угрозу исполнил. Спать пришлось отправляться натошак, а утром на стене парадной лестницы появилась надпись, гласящая, что свинья должна быть свиньей, а не капитаном. Свершив сей подвиг, Суза-Муза утих и не подавал признаков жизни два дня. Затем к отдыхавшему после обеда Арамоне постучал отец Герман. По крайней мере ждавший оллариянца капитан счел именно так и отпер дверь. Священника видно не было, зато на полу жизнерадостно полыхала лишенная верхней обложки расходная книга. Капитан бросился затапывать огонь и на глазах в самом деле подошедшего аспиды влип в заменивший изъятые листы смешанный со смоллой навоз, заботливо прикрытый страницами, на каждой из которых красовалась печать Сузы-Музы. Стало ясно – таинственный граф настроен решительно.

2

Ричард не раз мысленно перебирал своих товарищей, гадая, кто же прячется под маской графа Медузы и как ему удастся выбираться из запертой спальни и доставать самые разные вещи. Может, у шутника есть сообщник? Вряд ли! Представить в этой роли кого-то из «мышей»-слуг было невозможно, а больше никто в дом не заходит. Стражники и те в обычные дни не покидают своих караулок на границе «загона». Нет, Суза-Муза действует в одиночку, но кто это?

Эстебан и Альберто отпадали сразу – оба были любимчиками Арамоны и ярыми сторонниками Олларов. Константин, Франсуа, Северин и Анатолий с Макиано тоже пользовались Арамоновой благосклонностью. Норберт с Йоганном могли испортить портрет, но до перчатки с гербом они бы не додумались. С Арно, напротив, случилось бы послать Свину вызов, но он не стал бы портить стены и возиться с навозом. Луиджи боялся всего на свете, а Карл всего на свете, кроме Луиджи. Валентин Придд был холоден и осторожен, он и с Диком-то, чтобы не вызвать подозрений, не разговаривал. Хотя, с другой стороны, дневная осторожность порой искупается ночной дерзостью...

Эдуард? Юлиус? Паоло? Может быть... Особенно Паоло. Черноглазый унар обожает всяческие каверзы и чуть ли не в открытую дразнит Арамону и менторов. Ему все сходит с рук – еще бы, кэналлиец, из знатных и наверняка родственник Ворона.

Ричард прекрасно понимал, что, позволь он себе десятую долю того, что позволяют Паоло, Эстебан и Арно, его в Лаик уже не было бы. Арамона невзлюбил юношу с первого взгляда и делал все, чтобы превратить жизнь Дика в пытку. Пока остальные занимались фехтованием или гимнастикой, Дик стоял навытяжку с поднятой шпагой в руке, во время учебных поединков ему доставался то самый никчемный противник, то, наоборот, слишком сильный, юношу вынуждали по десять раз переписывать написанное, оставляли без ужина, распекали за нерадивость и неопрятность, хотя он выглядел не хуже других.

Придирки следовали одна за другой, и Ричард не сомневался – Арамона и большинство менторов ждут, когда герцог Окделл сорвется, но Дикон терпел. Он поклялся матушке и Эйвону. Он обещал Штанцлеру. Если бы не это, Дикон давным-давно выплеснул бы Арамоне в лицо какое-нибудь варево и ушел, хлопнув дверью, но Повелители Скал всегда держат слово.

Зима выдалась теплой, только ничего хорошего в этом не было – промозглый сырой дом, раскисшие аллеи, бесконечные дожди и непроглядная тоска. Днем унары фехтовали, танцевали, занимались стихосложением, арифметикой, астрономией, вникали в оллариянскую трактовку демонических существ и доблестную историю королевского рода. По вечерам всех разгоняли по кельям, монастырский устав и тот наверняка был мягче.

Разговор с братцами Катершванцами стал единственным. Первые месяцы унары встречаются друг с другом лишь в трапезной и на занятиях в присутствии слуг и менторов, а на ночь спальни запирают. Лишь по прошествии испытательного срока фабианцам разрешают отлучаться в город, а вечерами гулять по парку или собираться на превращенной в подобие террасы крыше трапезной. Отпуска Ричард ждал не слишком, встреч и разговоров с товарищами не ждал вообще.

Прочие «жеребята» как-то умудрялись общаться и под чужими взглядами, у Дика не выходило. Юноша боялся проявлять дружелюбие к Придду и бергерам, боялся дерзить «навозникам», боялся сказать то, что будет обращено против него, боялся, что от него отвернутся, оскорбят память отца или, наоборот, полезут в душу. Его общества, впрочем, тоже никто особенно не искал, но хуже всего был сам дом – огромный, полупустой, насквозь пропитавшийся злобой и ложью. Его не могли согреть ни камин, ни шуточки графа Медузы, хотя без них стало бы вовсе тошно.

По вечерам Дик дрожал в своей постели, то перебирая недавние события, то мечтая о том, как он покинет «загон», то вспоминая Надор или сочиняя стихи. Дни походили друг на друга, как капли на стекле, и были столь же холодны и унылы.

Мокрая зима перевалила за половину, воронье в парке стало орать еще громче, дни удлинялись, природа давала понять, что любая, даже самая пакостная пора имеет обыкновение кончаться. Три месяца из восьми были прожиты.

3

Арнольд Арамона имел чин капитана, однако на Первом представлении наследника место наставника унаров было рядом с королем. Родись принц Карл месяцем позже, Арамону сопровождали б лучшие воспитанники, но устав фабианского братства не знает исключений – первые четыре месяца унары не покидают Лаик. Господин капитан отправился на Представление, взяв с собой лишь сержанта и пятерых солдат, которых, впрочем, пришлось оставить на служебном дворе.

Сама церемония, не менявшаяся со времен введшего ее Франциска, была предельно простой. Капитан личной королевской охраны вносит трехлетнего наследника в Триумфальный зал, принца принимает стоящий у трона Первый маршал Талига и высоко поднимает над головой, показывая собравшимся военачальникам. Те обнажают клинки, музыканты играют «Создатель, храни дом Олларов», после чего будущего короля передают августейшему родителю. Королевское семейство покидает Триумфальный зал, а военным подают вино, заложенное в дворцовые погреба в год Представления ныне царствующего монарха.

Правда, на сей раз праздник оказался, мягко говоря, с червоточинкой. Благодаря супруге и особенно теще Арамона был в курсе придворных сплетен и знал, что подлинный отец наследника – маршал Алва. Единые в главном, сплетники расходились в частностях. Одни утверждали, что Ворон чуть ли не изнасиловал королеву на глазах его величества, другие намекали, что всему виной бесплодие Фердинанда и Алву к Катарине привел то ли кардинал, то ли сам король, отчаявшийся зачать наследника. У Луизы, впрочем, имелось собственное мнение – мармалюка считала, что во всем виновата затаскившая маршала к себе в постель королева. Госпожа Арамона по одной ей ведомой причине ненавидела Катарину Ариго и величала не иначе как шлюхой и лживой гадиной.

Воспоминания о супруге настроения не улучшили, и Арамона постарался сосредоточиться на происходящем, заодно придумывая, что станет рассказывать в Лаик и дома. Как-никак следующее Представление будет лет через тридцать!

Стоя за троном, капитан видел лишь затылки августейшей четы, но глазеть на стоящих полукругом военачальников мог сколько угодно. Знакомых среди них было не так уж и много

– Арамона заправлял в Лаик всего шесть лет, и даже самые удачливые из его выпускников не прыгнули выше полковников. Среди тех, кого он пытался учить фехтовать, генералы имелись, и, говорят, недурные, но в столице они не сидели, так что тон на церемонии задавали лысины и седины. Из присутствующих Арнольд знал в лицо лишь начальника столичного гарнизона, командующего Западной армией, пару гвардейцев и пресловутого Алву, в свое время изрядно попившего Арамоновой кровушки. Первый маршал Талига стоял прямо напротив трона, глядя куда-то поверх королевских голов, надменный и равнодушный, как сам Повелитель Кошек.

Заиграли трубы, дверь распахнулась, и в Триумфальный зал, чеканя шаг, вступил капитан личной королевской охраны граф Савиньяк с разодетым в белое принцем на руках. Карл, светленький, бледненький, испуганный, ничем не напоминал красавца-отца и явно подумывал о том, чтобы разреваться, – Арамона частенько наблюдал это сосредоточенно-обиженное выражение на мордашках собственных отпрысков.

Капитан королевской охраны поравнялся с Первым маршалом и остановился. Алва подхватил сына и поднял высоко вверх, умудрившись сохранить на лице все то же равнодушно-ироничное выражение.

– Воины Талига приветствуют своего будущего короля и полководца! – возвестил Савиньяк.

Сверкнули обнаженные клинки, грянула музыка. Арамона заученным жестом выхватил парадную шпагу и замер, пожирая глазами спину Первого маршала, держащего над головой внезапно разулыбавшегося наследника.

То, что дело нечисто, до ослепленного величием момента капитана дошло не сразу. Арнольд был паршивым фехтовальщиком, но шпагу в руках все-таки держал, хоть в последнее время и нечасто. Ощущение было каким-то странным, словно изменился баланс клинка, а военачальники внизу отчего-то смотрели не столько на принца, сколько на него, Арнольда Арамону, причем с трудом сдерживая смех.

Арнольд скосил глаза, пытаясь понять, в чем суть, и – о ужас! Черно-белый эфес переходил в нечто весьма похожее на гусиный вертел, причем давным-давно не чищенный. Суза-Муза!!!

В Лаик Арамона с мерзавцем поговорил бы, но дело было во дворце, и на «шпагу» пилились не унары, а вельможи, самый незначительный из которых мог раздавить незадачливого капитана одним пальцем. Музыканты играли бесконечно долго, и Арнольд, боясь пошевелиться, воинственно сжимал заляпанную обгорелым салом железяку. Наконец проклятый гимн закончился, и клинки вернулись в ножны. Король, сидевший к Арамоне спиной и не видевший его оплошности, встал и помог подняться королеве.

Алва, ловко опустившись на одно колено, передал принца его величеству, тот принял ребенка, и венценосная чета покинула зал. Больше всего на свете Арамона хотел затесаться в толпу устремившихся к выходу придворных и исчезнуть, но не тут-то было! Наставник унаров остается с военными, даже если рушится небо, жмут сапоги, схватило живот, а в ножнах вместо шпаги поварское безобразие.

Слуги внесли серебряные кубки с вином – дар будущего Карла Четвертого своим полководцам. Утром Арамона предвкушал, как водрузит королевский сувенир на каминную полку, теперь ему было не до того.

Капитан торопливо осушил поднесенный ему кубок и попытался отступить к двери, но его маневр был замечен.

– Сударь, – высокий лысоватый человек с алой маршальской перевязью⁶⁵ заступил несчастному дорогу, – позвольте взглянуть на ваш клинок. Хотелось бы увидеть имя мастера.

---

⁶⁵ Всеми вооруженными силами Талига командовал Первый маршал, назначаемый королем и лишь ему подотчетный. Первый маршал носил черно-белую перевязь и шлем с черно-белым султаном, а когда доспехи стали уходить в прошлое –

– О да, – вступил в беседу красивый седой адмирал. – Мне казалось, что я разбираюсь в оружии, но вы, господин капитан, меня потрясли. Это, видимо, морисская сталь?

Отказать вышестоящим невозможно, и Арамона смиренно потянул вертел из ножен. На сей раз доблестные воины своих чувств не сдерживали, и Триумфальный зал огласился диким хохотом.

– Да, стареем, – вздохнул плотный артиллерист, – юность нас обгоняет. Мы дальше мяуканья и натянутых веревок не заходили.

– Не скажите, – возмутился совсем уже пожилой маршал со шрамом на щеке, – я собственноручно приправлял пироги менторов нарианским листом⁶⁶.

– Так это были вы? – поднял бровь адмирал. – Я всегда вас глубоко уважал, но чтоб до такой степени... А, Рокэ, идите-ка сюда. Мы тут минувшие деньки вспоминаем и обсуждаем оружие капитана.

– Весьма достойное, к слову сказать. – На породистом лице Первого маршала Талига отразилось нечто похожее на одобрение. – Сей клинок знает вкус вражеского мяса. Помнится, господин Арамона превосходно владел *этим* оружием еще в бытность свою тенъентом. В обращении с ним господину капитану равных нет. Я, по крайней мере, таковых не знаю.

– Рокэ, – засмеялся лысоватый, – неужто вы признаете, что в Талиге есть боец лучший, чем вы?

– Увы, – пожал плечами Ворон. – По крайней мере за обеденным столом. Кстати, сударь, можете вложить вертел в ножны и отправляться к месту службы короне и отечеству.

Глава 6

Талиг. Лаик

398 год К.С. 8–9-й день Зимних Ветров

1

Всю дорогу до Лаик Арамона представлял, как своими руками сворачивает голову Сузе-Музе, отчего-то весьма похожему на Первого маршала в нежном унарском возрасте. К несчастью, мечты эти были неисполнимы – во-первых, капитан не знал, кто скрывается под личиной графа Медузы, а во-вторых, до него дошло, что конфуз надо любой ценой скрыть. Если, вернувшись с Представления, он станет злиться, все поймут, что у него неприятности. Арамона подозревал, что кое-кто из менторов целит на его место; нельзя позволять завистникам усомниться в позициях начальства. Арнольд решил молчать и даже разорился на шпагу, очень похожую на испоганенную.

Поместье встретило унылыми вороньими криками, скрипом дверей, гулким холодом коридоров. Ужин уже закончился; Арамона, приказав накрыть у себя в кабинете, прошелся по вверенному ему зданию, как никогда сильно отдававшему монастырем, и постучался к священнику. Этого задаваку, сменившего любезного и понятливого отца Эразма, капитан терпеть не мог, но аспид был вхож к кардиналу, и Арамона усердно выжимал из себя любезности.

Отец Герман поднял голову от старинного фолианта – он писал историю фабианского братства и поэтому не переходил на службу в канцелярию его высокопреосвященства.

– Вы уже вернулись, капитан? Как прошло Представление?

черный берет или шляпу с белым страусиным пером. Следующей ступенью военной иерархии были Первый адмирал Талига и командующие армиями в чине маршалов, носившие перевязи и перья цветов королевы (в описываемое время – алые), затем шли командующие эскадрами (цвет – синий) и генералы родов войск, носившие зеленый (пехота), желтый (кавалерия) и оранжевый (артиллерия).

⁶⁶ Самое сильное из известных в Кэртиане слабительных.

– Великолепно, сударь, просто великолепно. Первый маршал был весьма любезен и всем напомнил о моих заслугах. Он ведь из моих унаров, знаете ли... Хотя тогда вас в Лаик еще не было.

– Никогда не слышал, чтобы Алва испытывал добрые чувства хоть к кому-то, – равнодушно сказал клирик. – Вижу, у вас новая шпага?

– Да, знаете ли, решил сменить.

– Бывает, – согласился отец Герман. – Вы, видимо, решили отметить Представление?

– Да, – уцепился за предложенное объяснение Арамона, – захотелось сделать себе подарок!

– А что может доставить большую радость солдату, чем оружие? Я завтра покину Лаик на два дня. Мне нужно съездить к его высокопреосвященству.

А вот это некстати, аспид может узнать про вертел.

– Боюсь, завтра будет дурная погода, а дороги сейчас в ужасном состоянии.

– Вы же знаете, я предпочитаю путешествовать верхом, – улыбнулся отец Герман, – а отложить свой визит не могу. Прошу меня простить, мне нужно просмотреть еще несколько документов.

– Спокойной ночи, сударь, – буркнул Арамона. Аспид его выставил, даже вина не предложил... И шпагу заметил. Гадина!

За стол Арнольд уселся в преотвратном расположении духа, но ужин и вино его успокоили. В кастрюлях и супницах не оказалось ничего предосудительного, мясо было прожаренным, с перцем и солью повар тоже угадал, и давешние неприятности не то чтобы вовсе забылись, но как-то померкли. Арамона немного посидел с кружкой горячего вина у огня и направился в спальню вкушать заслуженный отдых.

Господин капитан зажег ночник, подумал и, решив, что недопил, принес бутылку тинты⁶⁷. В предвкушении приятных минут он торопливо разоблачился и, не глядя, схватил ночную рубашку, что оказалось ошибкой. Оскверненной шпаги Сузе-Музе было мало, мерзавец пробрался в спальню и хорошенько завязал злосчастной рубашке рукава и тесемки у воротника, укрепив узел восковой блямбой со своим проклятушим гербом. Блямбу Арнольд содрал и растоптал; развязал, обломав ногти, и узлы. Не запить подобную пакость было невозможно, а оказавшаяся под рукой тинта и собственная предусмотрительность – ведь мог и не взять – превратили неприятность почти в победу.

– Ты у меня еще попляшешь! – посулил гнусному невидимке хозяин Лаик и, поставив бутылку на пол, полез в кровать, где его ждал новый сюрприз. Капитанские ноги во что-то уперлись; Арнольд поднажал – препятствие не поддавалось. До Арамоны дошло, что он глупейшим образом «сел в мешок»!

Школярская шутка, старая как мир и столь же вечная, была в ходу от Эйрехта до Паоны! Юнцы говорили на разных языках, но пакостили одинаково: верхнюю простыню складывали вдвое и нижней частью подсовывали под матрац таким образом, что не запутаться в ней было невозможно. Капитан грязно выругался, понимая, что это еще не все: комнаты пустовали больше суток, и времени у Сузы-Музы было хоть отбавляй.

Арамона чихнул и принялся обшаривать спальню. Делал это капитан весьма тщательно – погубил дело всей жизни обитавшего за гардеробом паука, отыскал пропавшее пять лет назад женино письмо, несколько монеток, какой-то ключ, пару свечных огарков, петушиное перо и скукожившееся яблоко. Никаких следов проклятущего Медузы обнаружить не удалось.

Повелитель унаров почти хотел отыскать ловушку, избежав которой почувствовал бы себя отмщенным. Без толку! В четвертом часу ночи капитан медленно и осторожно выдвинул

---

⁶⁷ *Тинта* – красное сладкое крепленое вино. Люди хорошего тона полагали пить тинту вульгарным, но среди зажиточных горожан это был весьма популярный напиток.

самый дальний ящик комода, где его и ожидал привет от таинственного злодея. Поверх залитых чернилами простыней лежали... бутылка из его собственного погреба и письмо. Суза-Муза-Лаперуза в изысканных выражениях желал доблестному капитану Арамоне покойной ночи, выражал одобрение в связи с произведенной в спальне уборкой и предлагал выпить за свое здоровье.

Капитан испустил нечто среднее между ревом и стоном, накрепко запер дверь и окна, кое-как привел в порядок постель и воззрился на бутылку. Выпить хотелось страшно, но идти на поводу у кошачьего графа?! И вообще в вине наверняка нарианский лист, если не хуже! Сунув источник соблазнов в бюро, Арамона погасил свет и лег. Усталость и выпитое взяли свое, и Арнольд погрузился в предшествующее сну блаженное и бездумное состояние, из которого его вырвал мерзкий вопль, за которым немедленно последовал другой, еще хуже.

Коты! Коты, поberi их Чужой! Твари орали во всю глотку о любви и приближающейся весне, и Арамоне захотелось их передушить. Несчастный распахнул окно, намереваясь швырнуть в зверюг пустой бутылкой, и в носшибанул сильный неприятный запах.

Кошачья настойка! Арамона ненавидел ее из-за тещи. Старая гримза, полагая себя дамой утонченной, жаловалась на бессонницу, и втершийся к ней в доверие коновал пичкал пациентку экстрактом кошачьего корня. Арнольд никогда не задумывался, чему проклятая трава обязана своим названием – совершенно, между прочим, справедливым.

Открывшаяся взору картина впечатляла. Примерно дюжина котов и кошек с воплями каталась по освещенной луной крыше трапезной, летом исполнявшей обязанности террасы. Обычно осторожные твари не обратили ни малейшего внимания ни на стук открываемого окна, ни на полетевшую в них бутылку. Кошки изгибались в сладострастных конвульсиях, подскакивали, переворачивались на другой бок, трясли лапами, сгибались в дугу, распрямлялись с силой сжатых пружин и орали, орали, орали...

Спешно поднятые слуги притащили воды, подданные Леворукого немного отступили, но орать и клубиться не прекратили.

– Господин капитан, – доложил порывающийся зевнуть балбес, – под окнами вашей милости кто-то разлил кошачью настойку. Теперь, пока дождь не смоеет, кошки не уйдут.

Кто-то?! Ясно кто! Подождал, пока капитан не закончит с обыском и не погасит свет, вылез на крышу и разлил эту дрянь.

– Сударь, – не отставал слуга, – осмелюсь предположить, что злоумышленник сам пропах этим снадобьем!

Надежда вспыхнула и угасла. Суза-Муза был хитер, как гоган. «Кошачьим корнем» благоухали трапезная, унарские двери и ведущие к ним лестницы. Отыскать ублюдка в захлестнувших Лаик волнах лекарственного аромата возможным не представлялось. Арамона с тоской взглянул на светлеющее небо. Коты продолжали выть, голова раскалывалась, а впереди маячил длинный день, наполненный дурацкими разговорами, отвратительными физиономиями, звоном шпаг, грохотом отодвигающихся стульев и ожиданием новых каверз.

Спускаясь к завтраку, капитан ненавидел кошачий корень, котов, слуг, унаров, отца Германа, генералов с маршалами, короля и Создателя всего сущего вместе с оным сущим, и ненависть эта требовала выхода.

2

Занятия по словесности, истории и землеописанию Дик почти любил, а младший ментор, магистр описательных наук⁶⁸ Жерар Шаблі, ему просто нравился. Мэтр не цедил сквозь

---

⁶⁸ В Талиге наука делилась на духовную и светскую, в которой, в свою очередь, выделяли науки описательные (словесность, история, землеописание), доказательствами в которых служили фактические знания, логические, доказательствами в которых были рассуждения и предположения (философия, математика, теоретическая (высшая, абстрактная) магия), и прикладные

зубы, снисходя до унаров с высоты своего величия, у него не водилось любимчиков, и он рассказывал много интересного. Именно Шабли открыл для Дика мир высокой поэзии, и юноша совершенно заболел сонетами Веннэна и трагедиями великого Дидериха.

День, когда на кафедре поднялся тщедушный бледный человечек и, поздоровавшись с унарами неожиданно низким голосом, безо всякого вступления прочел сонет о голубе и канцону о влюбленном рыцаре, стал для Ричарда Окделла днем величайшего из откровений. Новые миры манили, обдавали острым, неведомым счастьем, обещая другую жизнь, яркую и волнующую. Юноша и сам пытался сочинять, но то, что выходило из-под его пера, немедля уничтожалось. Дикон был с собой честен, и гений Веннэна мешал ему признать собственные творения стихами.

Уроки землеописания сын Эгмонта тоже любил, но вот история... Как бы хорош ни был мэтр Шабли, говорил он вещи, оскорблявшие Ричарда до глубины души. Восхваления предателя Рамиро и марагонского бастарда для юноши были словно нож острый. Хорошо хоть господин Жерар никогда не заставлял Дика отвечать урок. Окделл подозревал, что в глубине души ментор отнюдь не восхищается Олларами, а, как и большинство талигойцев, склоняется перед силой, не видя надежды на избавление. Ричард его не осуждал – Шабли не принадлежал к Людям Чести и к тому же был серьезно болен. Дик знал этот недуг – им страдала младшая сестра юноши. Бедная Айрис – стоит ей хоть немного поволноваться, и она начинает задыхаться... И все же господина Жерара сломили не до конца, иначе он не читал бы унарам стихи о вольности и чести.

Вот и сегодня ментор начал со старинной баллады. Дик упивался чеканными строфами, повествующими о том, как талигойский рыцарь, приняв вызов марагонского бастарда, одолел его в честном бою. Правда, оллариианцы исхитрились и дописали нелепейший конец о том, как сраженный отвагой и благородством противника победитель перешел на сторону Оллара, но в это Ричард не верил, как и его сосед Арно, сморщившийся будто от кислоты. К несчастью, история не сберегла имени смельчака, который, несомненно, погиб при осаде Кабитэлы...

Из исполненного доблести прошлого унаров вырвал нагрянувший Арамона. С первого же взгляда стало ясно, что настроение у Свина хуже не придумаешь. Лицо мэтра Шабли окаменело.

– Я желаю проверить, что они знают по истории, – сообщил Арамона.

– Сейчас у нас лекция по истории словесности.

– А я буду спрашивать их просто по истории. – Свин плюхнулся в кресло рядом с кафедрой и заложил ногу за ногу.

– Извольте, господин капитан. Последняя затронутая мною тема относится к царствованию Фердинанда Первого.

Лицо Арамоны приняло озадаченное выражение – названное имя ему явно ничего не говорило, но отступать капитан не собирался.

– Они мне расскажут о... надорском мятеже.

– Господин капитан, – запротестовал ментор, – о столь недавних событиях мы еще не беседовали.

– Ну так это сделаю я! – рявкнул Арамона. – Ха! Они не вчера родились, должны помнить, что пять лет назад творилось, это даже кони знают. Унар Ричард, – капитанские буркалы злобненько сверкнули, – что вы знаете о надорском мятеже? Кто из дворян предал его величество? Какие державы подстрекали изменников к бунту?

Ричард молчал. Он слишком хорошо знал ответы, чтобы произнести их вслух. Лгать и порочить имя отца, сына и внуков герцога Эпинэ, Килеана-ур-Ломбаха, Кавендиша он тоже не мог.

– Так, – пропел Арамона, – понятно! Унар Ричард рос в лесу и ничего не знает. Выйдите сюда и станьте перед товарищами. Сейчас мы вас научим. Господа унары, кто готов ответить на мои вопросы?

Желающих хватало. Северин, Эстебан, Константин, Франсуа, Альберто, Анатоль... «Навозники» проклятые!

– Унар Эстебан! – поощрил капитан своего любимчика.

Эстебан изящно поднялся и пошел к кафедре. Он не торопился, не заискивал, а словно бы делал одолжение всем – Дику, ментору, красноречивому капитану...

– Итак, унар Эстебан, что вы можете сказать о последнем бунте?

– Его поднял герцог Эгмонт Окделл, – едва заметно скосив глаза в сторону Дика, сообщил «навозник», – с несколькими вассалами. Затем к мятежникам примкнули граф Гвидо Килеанур-Ломбах, граф Кавендиш, сын и наследник и четверо внуков герцога Эпинэ. Целью преступников было убить его величество, истребить августейшее семейство и защитников короны, в угоду агарисским еретикам уничтожить олларрианскую церковь и ввести в Талиг чужеземные войска. После этого мятежники хотели разделить Талиг на несколько государств, расплатиться за военную помощь приграничными землями, разоружить армию, а флот передать в распоряжение Гайифы и ее приспешников.

– Унар Ричард, вы поняли?

Собрав все силы, Дик кивнул. Он и вправду все понял и все запомнил. Когда-нибудь он спросит и за эту ложь.

– Унар Альберто, кто стоял за мятежниками?

– За мятежниками, господин капитан, – безмятежно произнес со своего места кэнал-лиец, – стояло несколько сил. Их поддерживал и подстрекал Эсператор и эсператистские ордена, о чем свидетельствует то, что уцелевшие вожаки бежали в Агарис. Мятеж был на руку ряду сопредельных Талигу государств, имеющих к нам территориальные претензии. В первую очередь речь идет о Гаунау, Дриксен и Кадане. Свои цели преследовала и Гайифа, оспаривающая у Талига первенство в Золотых Землях и потерпевшая неудачу в Багряных.

Не имея возможности победить нас военным путем, чужеземцы сделали ставку на внутреннюю смуту. В Гаунау и Кадане были собраны армии, оплаченные гайифским золотом. Предполагалось, что они вторгнутся в Талиг и соединятся с войском мятежников, но решение его величества оставить Северную и Западную армии на границах и выход герцога Алвы мятежникам в тыл через топи Ренквэхи сорвали замысел врагов Талига. Они были вынуждены отречься от своих связей с мятежниками и распустить наемников. Окделл и его сторонники остались одни против лучшего полководца Золотых Земель и были разгромлены.

– Унар Ричард, вы слушаете объяснения своих товарищей?

– Слушаю, господин Арамона.

Сколько можно об этом слушать? Святой Алан, сколько?! «Лучший полководец»... Преступник, убийца, предатель, которому по прихоти Леворукого все удастся. Только безумец мог сунуться в Ренкваху весной, в пору паводков. Все книги по землеописанию кричат о непроходимости этих болот, но что для Ворона книги?! Он пошел и прошел... К вящей радости «навозников», вновь удержавшихся у власти.

– ...и в честном поединке убил Эгмонта Окделла, – пискнул сменивший Альберто Анатоль.

Они это называют честным поединком! Ворон – первая шпага Талига, а отец вернулся из Торки хромым...

– Унар Ричард, вы все поняли?

– Да, господин Арамона.

– Повторите, – приказал капитан, смерив Ричарда нехорошим взглядом.

Кулаки Дика сжались, мир сузился до размеров Арамоновой пасти. Здравый смысл, предупреждения, честное слово – все летело в Закат. Юноша понимал, что сейчас ударит капитана, и будь что будет!

Дикий грохот заставил всех вздрогнуть. Стоявший рядом с кафедрой бюст величайшего поэта и мыслителя древности Иссерциала рухнул с обрубка колонны, на котором покоился пару веков, и разлетелся на множество осколков. В воздухе повисло облако пыли, мэтр Шабли закашлялся, глотая широко раскрытым ртом воздух и судорожно цепляясь за полированное дерево. Дик, бывший к кафедре ближе других, едва успел его подхватить.

– Унар... Ричард, – прохрипел Шабли, – пыль... Выведите меня на воздух...

Норберт уже стоял на подоконнике, остервенело тряся разбухшую за зиму раму. Та поддалась, не выдержав бергерского напора, и в комнату хлынул холодный влажный воздух. Дикон дотащил вцепившегося в него ментора до окна и завертел головой в поисках чего-нибудь теплого.

– Благодарю вас, унар, – тихо сказал ментор, – все в порядке.

3

Вечером пришедшие в трапезную унары узрели привешенные к пустующему потолочному крюку Арамоновы панталоны вместе с рэнгравами. Чем-то набитые, они важно и медленно кружились на Арамоновой же золотой цепи, прoderнутой сквозь разрезы. К той стороне, которую простолюдины именуют задом, неведомый шутник приладил подобие свинячьего хвостика, украшенного пышным алым бантом. Зрелище было потрясающим. Унары, как по команде, задрали головы, не в силах оторваться от проявившей самовольство части капитанского туалета.

– Разрубленный Змей, – благоговейно прошептал Валентин, – всё как при Карле Третьем Разумном!

– Это есть большой здорово, – выдохнул Йоганн, – та-та, я хотел жать руку, вешавшую этот хроссе потекс!⁶⁹

Норберт резко оборвал братца, и Ричард, немного освоивший торское наречие, понял – умный близнец почитает за благо не знать, кто надругался над капитанским костюмом. Шутка вышла отменной, но ее конец мог оказаться далеко не столь весел. Ричард не сомневался в том, чья это выходка. Паоло! Унары растерянно глядели друг на друга – до них начинало доходить, что их товарищ, кем бы он ни был, заигрался. Анатолий, глянув вверх, испуганно шепнул:

– Это не я!

– И не я, – прогудел Карл.

– Еще бы, – скривился Северин, – ты и на стул-то не влезешь, куда уж на потолок. Тут орудовал отменный гимнаст.

– И, похоже, не один, – заметил Эстебан. – Любопытно, что предпримет господин капитан?

– Наденет другие панталоны, – пожал плечами Альберто. – Полагаю, они у него имеются.

Кэналлиец не ошибся – ворвавшийся минуту спустя в трапезную капитан был полностью одет. Как и положено свинье, он и не подумал взглянуть вверх и, подступив к примолкшим унарам вплотную, проревел:

– У меня завелся вор! Сегодня после обеда он меня обокрал! Здесь! Но я выведу его на чистую воду! Кража орденой цепи – это измена! Никто отсюда не выйдет, слышите вы! Никто! Я лично обыщу ваши комнаты... Я знаю, кто здесь ненавидит меня и короля. Дурная кровь! Я поймаю вора, не будь я капитан Арамона!

---

⁶⁹ *Хроссе потекс* – большая задница (*бергмарк*).

Суза-Муза мог гордиться – удивительное капитаново долготерпение лопнуло с громчайшим треском. Арнольд топал ногами, брызгал слюной и вопил как резаный, изрыгая заковыристые угрозы и проклятия. Беснующийся краснорожий толстяк прямо-таки просился на вывеску торговца пиявками или пробавляющегося кровопусканиями лекаря, но застывшим в строю «жеребят» было не до смеха. Все понимали, что на сей раз начальник просто так не уймется, тем паче отец Герман куда-то запропастился, а в отсутствие оллариянца Арамона расцветал пышным цветом.

Наоравшись вволю и несколько осипнув, Арамона в последний раз пригрозил виновнику Занхой⁷⁰ и иссяк. Стало тихо и мертво, всеобщему оцепенению не поддались лишь огонь в камине, часы с маятником и Арамоновы штаны, продолжавшие неторопливо кружиться над головой все еще не подозревающего об их присутствии хозяина. Капитан шумно дышал, свирепо вращал налитыми кровью глазами и только что не рыл сапогами каменный пол. Все завершилось пушечным чихом. Переведя дух, Свин расставил пошире ноги и ткнул пальцем в сторону несчастного Луиджи:

– Вы! Отвечайте, что вам известно о краже?

Маленький унар захлопал длинными ресницами, закатил глаза и пискнул:

– Там!

– Прекратить! – Хриплый капитанский бас перешел в какое-то кукареканье, а испепеленный начальственным взглядом Луиджи сжался и стал еще мельче. – Это ересь! Вы посягнули не только на меня и короля, но и на Создателя, и вы поплатитесь за это! Унар Арно, что вы знаете о преступнике?

– О преступнике, господин Арамона, я не знаю ничего, – Арно говорил спокойно, хотя губы у него побелели, – но унар Луиджи прав. Пропавшие вещи находятся наверху. Пусть господин капитан посмотрит на крюк от лампы...

Господин капитан посмотрел, и лишь сейчас унары до конца осознали, на что способно их начальство. Все предыдущие вопли не шли ни в какое сравнение с тем, что исторглось из капитанской пасти при виде утраченного было имущества. Забыв, что выше головы не прыгнешь, Свин совершил невероятный для подобной туши бросок, но цель оказалась недостижимой, а сам Арнольд, приземляясь, проделал столь потрясающий пируэт, что толстый Карл не выдержал и расхохотался. Бедняга в ужасе зажал себе рот ладошкой – не помогло. Страх и напряжение выплеснулись в диком хохоте, который оказался заразным. Второй жертвой пал Йоганн, третьей – Паоло; не прошло и минуты, как ржали уже все «жеребята». Окончательно потерявший голову Арамона выхватил шпагу и замахал ею, но как-то по-бабьи.

Кто-то из унаров засвистел, кто-то хрюкнул, кто-то заорал. Строй смешался в визжащий и орущий ком, но потерявшему остатки разума Арамоне было не до подопечных. Не отрывая остекленевшего взгляда от издевательски кружащихся панталон, господин капитан под улюлюканье унаров и собственные хриплые вопли отплясывал какой-то безумный танец, остервенело размахивая шпагой и совершая уж вовсе странные движения, вроде полупоклонов, при-топываний и резких поворотов.

– У-лю-лю! – по-охотничьи взывал кто-то из унаров. – Ату его!

– Живьем, живьем брать!

– Вперед, они не уйдут!

– Догнать и...

– Съесть!..

– Съесть! Съесть! Съесть!!!

– На штурм!

– За Талиг и кровь Олларов!

---

⁷⁰ Занха – площадь в Оллари, место казни преступников-дворян.

– В атаку! Бей!

– Коли!

Охватившее трапезную сумасшествие прервали притащившие лестницу слуги. Арамона, шумно дыша, плюхнулся на ближайший стул, так и не выпустив шпаги. Унары, пряча стремительно гаснущие смешки, торопливо занимали места в строю. Капитан сосредоточенно разглядывал свои черные с белыми отворотами сапоги. Между начальником и «жеребятами» суетились слуги с лестницей. Увы, танкреддианцы любили высокие потолки. Снять злополучные панталоны могли лишь два очень высоких и ловких человека, если б один встал на верхнюю ступеньку, а второй взобрался ему на плечи. Пришлось громоздить друг на друга два стола и здоровенный, окованный железом сундук, на который и водрузили лестницу.

Видимо, высшие силы приняли сторону Арамоны, потому что сооружение выдержало. Достойный предмет капитанского гардероба был снят и с поклоном возвращен законному владельцу, каковой с рычанием, показавшимся жалким эхом предыдущего рева, отшвырнул его от себя. Набитые каким-то тряпьем панталоны, скользя по гладкому полу, отлетели к камину, где и замерли, производя жуткое впечатление: в багровых отсветах казалось, что у огня в луже крови лежит часть человеческого туловища.

Слуги разобрали пирамиду и тихо, как и положено мышам, исчезли. Арамона сидел, унары стояли. Суэта сменилась ледящей неподвижностью, стрелки часов и те, казалось, примерзли к циферблату. В трапезной повисла такая тишина, что стук маятника бил по ушам, как конский топот в ночи.

Дверь отворилась, когда молчание и неподвижность стали невыносимыми. Черно-белый «мышонок» просеменил к господину капитану и что-то прошептал. Господин капитан вздрогнул и склонил ухо ко рту слуги; в круглых глазах мелькнуло подобие мысли. Более того, эта мысль была весьма приятной, так как угрожающий оскал сменился ухмылочкой, сулящей куда большие неприятности, чем самая зверская из имевшихся в арсенале Арамоны гримас.

Свин молчал, но изучившие свое начальство «жеребята» не сомневались – он упивается будущим триумфом. На душе у Дика стало тоскливо. Пусть Паоло четырежды кэналлиец, но у него хватило пороха объявить мерзавцу войну. Они все раз за разом глотали оскорбления, а Паоло как мог мстил за себя и за других. И попался. Ричард мысленно поклялся проводить мятежника до ворот, и гори всё закатным пламенем! На прощание он назовет товарищу свой титул и пригласит в гости, матушка и Эйвон поймут...

Ричарду мучительно захотелось перенестись в Надор, подальше от Лаик и того, что неминуемо произойдет. Неужели нашлись доказательства? Похоже на то, «мышонок» не просто так прибежал, а Паоло отличается небрежностью. Теперь жди худшего.

Арамона, словно подслушав мысли юноши, кончил раздумывать, медленно и с удовольствием подкрутил рыжеватые усы, упер руки в боки и, наслаждаясь своей властью, пошел вдоль строя воспитанников. Поравнявшись с Диком и Паоло, Свин остановился и многозначительно втянул воздух.

– У меня есть основания полагать, – изрек он, – что все преступления так называемого графа Медузы – дело рук унара Ричарда, и ему придется ответить – за свою дерзость, за клятвoпреступление и за попытку спрятаться за спины товарищей.

Дикону показалось, что он ослышался. Он ненавидел Арамону, это так, но к Сузе-Музе не имел ни малейшего отношения. Да он и не смог бы все это сотворить.

– Унар Ричард, – протрубил Свин, – выйдите вперед и взгляните в лицо тем, кто из-за вас подвергался наказанию.

Ричард подчинился, вернее, подчинилось его тело, сделавшее положенные два шага и повернувшееся кругом. Оказывается, можно стать еще более одиноким, чем раньше. Двадцать человек стояли плечом к плечу, герцог Окделл для них уже был чужаком и врагом. По тому, как

Жюльен и Анатолий опустили глаза, юноша понял – его и впрямь обвиняют в чужих проделках. Толстый капитан все же нашел способ угодить Дораку и избавиться от сына Эгмонта.

– Унар Ричард, признаете ли вы себя виновным?

– Нет.

– Тогда чем вы объясните то, что в вашей комнате найдена печать так называемого графа Медузы, уголь для рисования, рыбий клей и... – Арамона отчего-то раздумал перечислять улики и заключил: – И иные доказательства? Все свободны и могут идти. Унар Ричард остается.

Вот и всё. Пожалел кэналийца, а тот понял, что зарвался, и подвел под удар другого.

– Все свободны, – повторил Арамона.

– Это не есть правильно! – Раскатившийся по трапезной рык Йоганна заставил Дика вздрогнуть. – Хроссе потекс вешаль я.

– Мы, – поправил братца Норберт, сбиваясь на чудовищный торский акцент. – Это есть старый глупый шутка в традиция дикая Торка...

– В Торке так не шутят, – вышел вперед Альберто. – Это сделал я.

– Не ты, а я, – перебил Паоло. – А потом испугался и спрятал медузье барахло в комнате унара Ричарда.

Сердце Дикона подскочило к горлу – трое из четверых, спасая его, заведомо лгали. Трое, если не четверо! Дик повернулся к Арамоне:

– Господин капитан совершенно прав, это сделал я!

– Врешь! – перебил Паоло. – Ты со своей дурацкой честью и слова-то «штаны» не выразишь, не то что...

– Это сделал я! – выкрикнул Дик.

– Не говорить глупость – это сделать мы!

– Нет, я...

– Я, и никто другой!

– Прошу простить, – подал голос Арно, – но это сделал я. Мои братья много рассказывали об унарских традициях, и я заранее подготовился.

– Хватит! – заорал Арамона. – Вы, шестеро! В Старую галерею! До утра! Остальные – спа-а-а-а-ать!

Глава 7

Талиг. Лаик

398 год К.С. 9–10-й день Зимних Ветров

1

Шестеро претендентов на титул Сузы-Музы по очереди протиснулись в узкую дверцу, и та с противным скрежетом закрылась. На первый взгляд ничего страшного в Старой галерее не было – просто длинный сводчатый коридор с камином посередине и нишами, в которых в эсператистские времена стояли статуи святых. Небольшие окна под самым потолком летом и то вряд ли давали достаточно света, а в зимних сумерках галерея и вовсе тонула во мраке; вдобавок холод и сырость в ней царили ужасные. Дикон и представить не мог, что чувствуют южане, если даже у него немедленно застучали зубы.

Паоло думал недолго. Передернув плечами и заведя руки за спину, кэналийец принялся выстукивать сапогами бешеную дробь по каменному полу.

– Эй вы! – выкрикнул он. – В круг, живо, а то замерзнете!

Спустя мгновение Арамоновы узники отплясывали кто во что горазд. Танец помог – сначала стало тепло, а затем и жарко.

– Теперь нам надо сидеть вместе спина до спины, – пропыхтел Йоганн, – так мы долго храним наше тепло.

– «Истинно изрек», – поднял палец Арно.

– Давайте сядем так, как предложил мой брат, это разумно, и обсудим наше небольшое дело. Мы тут все друг другу доверяем. Я считаю, Ричард не имеет отношения к дерзким шуткам.

– Еще бы, – кивнул Альберто, – просто Свин Дикона ненавидит. Но будь я четырежды проклят, если штаны повесил кто-то из нас. Шутник оказался трусоват, надо признать.

– Хроссе потекс всегда вешают трусливым начальникам, – задумчиво произнес Норберт. – Это очень сильное предупреждение. Так делаем мы, так делают вариты⁷¹, но штаны должны быть мокрые и без хвоста. Кто здесь знает этот обычай?

– Ричард, – прогудел Йоганн, – ты сам думал, кто мог это устраивать?

Ричард думал, толку-то... Норберт и Йоганн ни при чем. Для Арно выходка со штанами слишком груба. Кэналлийцы вместе или кто-то один могли быть Сузой-Музой, но они не подкинули бы улики другому, а если б подкинули, не признались. Похоже, Сузы-Музы в Старой галерее нет.

– На всякий случай, – поднял руку Арно. – Если это сделал кто-то из нас, сейчас самое время признаться еще разок и принять заслуженные поздравления.

– Никто, – шумно вздохнул Йоганн, – но Карл и Луиджи это тоже не могли натворить. Карл – толстый, Луиджи – мелкий.

– И Бласко ни при чем, – выпалил Дикон, – как и Анатоль...

– Тут нужен умный, чтоб думать, ловкий, чтоб делать, и подлый, чтоб подбрасывать остатки Ричарду, – встрял Йоганн. – Норберт мог сочинять, мы могли делать вдвоем, но мы не делали.

– Мы говорим о тех, кто не делал, – заметил Альберто, – а надо наоборот. Я ставлю на Эстебана или Валентина.

– Только не Валентин! – выкрикнул Дикон. – Он же...

– Человек Чести и наследник Приддов, – хмыкнул Паоло. – Тоже мне секрет! Если «спрут» такой замечательный, почему его тут нет?

– Потому что... Он не вправе... Мы обещали... – Дикон осекся на полуслове.

– Вы обещали не прикрывать друг другу спину? – поднял бровь Альберто. – Тогда чего удивляться, что Людей Чести четвертый век колотят. Проклятие, темнотища-то какая!

– А ты думал, Свин пришлет нам свечей и ужин со своего стола? – зло бросил Паоло. – Погоди, скоро совсем стемнеет.

– Альберто, – раздельно повторил Ричард, – что ты имел в виду, говоря о Людах Чести?

– То, что, будь они такие замечательные, Оллар не дошел бы до столицы. Да и после победы тихо было – ни бунтов тебе, ни казней. Так ли уж народ любил Раканов?

– Не больше, чем сейчас Олларов, – вздохнул Паоло.

– Это нельзя сравнивать!

– Да почему, кляча твоя несусветная?! – фыркнул Арно. – Сравнивать можно все, а времена и впрямь похожи! Только вот Франциска нового нет. К сожалению...

– Сильвестр – умный человек, – заметил Альберто. – Не важно, на ком корона, важно, у кого голова.

– Дорак – негодяй и убийца. Талигойе нужен король Ракан!

– Хороши короли, – протянул Паоло. – В родную страну на чужих копьях въехать норовят.

---

⁷¹ *Вариты* – группа племен, некогда населявших Седые земли. Вытесненные оттуда наступающими льдами вариты поселились на севере Золотых земель, образовав государства Дриксен, Гауна и Флавион.

– Паоло!

– Ричард Окделл!

– К вашим услугам.

– Рихард, Пауль! Не становитесь с ума сходимыми. Сейчас не есть время для дуэль.

– Валентин поступил мудро, но недостойно, – примирительно сказал Арно, – однако я ставлю на Эстебана. Эта проделка совершенно в его духе, а от наглости до смелости – как от каплуна до ворона.

– А зачем это Эстебану? – пожал плечами Паоло. – Арамона его не трогает.

Возразить кэналлийцу никто не успел.

– Ри-и-и-ича-а-а-ард! – Голос, раздавшийся одновременно сверху и сбоку, был каким-то странным, вроде знакомым, вроде и нет. И еще он походил на шепот, если бы шепот стал громким, как крик. – Ри-и-и-ича-а-а-ард... О-о-о-ок-де-е-е-елл... Ты что-о-о, у-у-у-уме-е-е-р, что-о-о-о ли-и-и-и-и...

– Нет, – разумеется, первым пришел в себя Паоло, – он не умер, а ты где?

– В ка-а-а-ами-и-и-ине, – прошипел голос и тут же поправился: – То-о-о-о е-е-е-сть не со-о-о-овсем, а на-а-а-авер-ху-у-у-у... Ка-а-а-ак вы-ы-ы-ы та-а-а-ам?

– Кто ты есть? – Норберт тоже очнулся, но от волнения заговорил как Йоганн. – Мы не знаем.

– Су-у-у-у-у-за-Му-у-у-уза, – донеслось сверху, – только я ничего Дику не подбрасывал! Сейчас я предъявлю Свину доказательство того, что я на свободе, а затем объявлю о своей безвременной кончине. С прискорбием.

– Ты кто?! – крикнул Паоло. – Скажи, интересно же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.